**Федеральное государственное казённое образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»**

Рукопись вычитана.
Приведенные в рукописи цитаты, названия, фамилии, имена, отчества, цифры и даты достоверны.

Подпись _____

ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ, ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сборник статей

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2016**

УДК 343.1+343.2+347.96
ББК 67.99(2)93+67.99(2)8+67.99(2)9
Т33

Редакционная коллегия:
кандидат юридических наук, доцент А. В. Гришин (председатель);
кандидат юридических наук, доцент С. К. Жиляева (заместитель председателя);
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ В. В. Николюк;
кандидат юридических наук, доцент С. В. Мельник;
кандидат юридических наук О. А. Ветрова;
кандидат юридических наук Е. А. Семёнов (ответственный секретарь)

Т33 **Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства :** сборник статей. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-88872-152-0

В сборник статей включены материалы выступлений участников межведомственной научно-практической конференции «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства», приуроченной к празднованию Дня юриста, и всероссийского круглого стола с международным участием «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства» (23.06.2016). Авторами материалов сборника выступили профессорско-преподавательский состав образовательных организаций различной ведомственной принадлежности, сотрудники правоохранительных органов: СК РФ, органов внутренних дел, в том числе Следственного управления, Управления ГИБДД УМВД России по Орловской области, органов судебной системы и других правоохранительных органов, сотрудники иных организаций, практикующие юристы, а также слушатели, курсанты и студенты образовательных организаций. Сборник рекомендуется для сотрудников подразделений МВД РФ, прокуратуры, суда, руководителей и работников коммерческих организаций, страховых компаний, а также адъюнктов (аспирантов), слушателей, курсантов, студентов и всех тех, кого интересует указанная в названии сборника проблематика.

Тексты статей публикуются в авторской редакции.

УДК 343.1+343.2+347.96
ББК 67.99(2)93+67.99(2)8+67.99(2)9

ISBN 978-5-88872-152-0 **© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016**

Содержание

Предисловие 6
Базаров П. Р. Международно-правовые основы установления в УК РФ уголовной ответственности за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов 9
Ветрова О. А. Судебный надзор за деятельностью органов предварительного расследования 18
Гришин А. В. Теоретико-правовой анализ понятия и видов налоговых преступлений и ответственности за их совершение 22
Гришин А. В., Гришина М. В. К вопросу о правовой природе торгового (коммерческого) представительства как особой разновидности представительства и коммерческого посредничества 31
Гришин А. В., Гришина М. В., Дроздова Е. В. К вопросу о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия 44
Ермакова А. Л. Отнесение к разновидности имущества почтово-телеграфных отправлений (корреспонденции). Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (корреспонденцию), разрешение на их осмотр и выемку в учреждениях связи 51
Жиляева С. К. Проблемные вопросы определения места жительства детей при раздельном проживании родителей 60
Кириченко Ю. Н., Кухарев Ю. С., Евсюкова Д. С. Эффективность полицейской деятельности в современной России: проблемы и способы их решения 63
Кириченко Ю. Н., Кухарев Ю. С., Хлопотной А. В. Органы обеспечения правопорядка и безопасности 67
Кокорева Л. В. Современное состояние и перспективы развития института привлечения в качестве обвиняемого 72
Колесников С. А. К вопросу об оценке судом при рассмотрении гражданских дел показаний допрашиваемых в судебном заседании свидетелей 77
Коробов А. А. Социально-экономические аспекты исламского терроризма 81
Кузнецова Е. В. Проблемы обеспечения прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве 89
Кузьменко Е. С., Николаева Т. А. Трансформация процессуального статуса лица при возбуждении и прекращении уголовных дел 92
Кухарев Ю. С., Воротникова А. С., Устинов В. Д. Мораль в деятельности следователя: цели и средства 97

Кравчук Л. А. Допустимость объяснения в качестве доказателства по уголовному делу 101
Малышева Н. А. Хранение в ломбарде как специальный вид хранения 106
Медведев А. В., Ворона А. А., Демьячук В. А. Международные стандарты в области прав человека и их отражение в международных документах 111
Миленин Ю. Н. Правовая природа гражданского иска в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовой анализ 115
Миронова А. В. К вопросу о процедуре окончания дознания с составлением обвинительного акта 122
Моругина Н. А. Осуществление некоторых полномочий руководителем следственного органа (по материалам Воронежской и Липецкой областей) 126
Мощонский И. Н. Проблема применения гл. III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» об оспаривании сделок должника в деле о банкротстве физического лица 133
Плетникова М. С. Современные проблемы реализации принципа неприкосновенности жилища 138
Пономарева Н. С. К вопросу о современном состоянии преступности несовершеннолетних 141
Расулова Н. С. Производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела - результат реформы 151
Сазин С. Т. Реализация прав граждан на необходимую оборону. Проблемы квалификации и правоприменения 154
Семенов Е. А. Перспективы развития суда присяжных в России 162
Семенов Е. А., Клыков Д. А. Полномочия руководителя следственного органа как средства обеспечения процессуальной независимости следователя 168
Савилов М. Г. Некоторые проблемы повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями 172
Селютина О. Г. К вопросу о гражданском иске в уголовном процессе .. 176
Тарнакоп О. Г. Проблемы правового регулирования деятельности руководителей следственных органов 182
Тингаева Н. В. О практике вынесения руководителями следственных органов постановлений об отмене постановлений о возбуждении уголовных дел 188
Федорова И. А. О роли стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России 195
Шайдуллина Э. Д. Актуальные вопросы применения административной преюдиции в уголовном законе (на примере статьи 151.1 УК РФ) 199

Юнусов Д. Б. Возбуждение уголовного дела как стадия: сравнительно-правовой анализ УПК РФ и УПК Республики Таджикистан 202

Предисловие

Выбор темы сборника научных статей по тематике «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства» не случаен. В современных условиях возрастает роль комплексного изучения различных отраслей законодательства (уголовного, уголовно-процессуального, международного, гражданского и др.) для правильного решения тех или иных проблемных ситуаций, связанных с применением конкретных норм права.

Сборник трудов является, прежде всего, результатом проведения межведомственной заочной научно-практической конференции «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства», приуроченной к празднованию Дня юриста (3 декабря) и всероссийского круглого стола с международным участием «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства» от 23.06.2016. Для проведения научно-представительских мероприятий были разработаны программы проведения, подготовлены выставки научной, справочной и учебной литературы по проблемным вопросам, выносимым на дискуссионное обсуждение его участниками.

Авторами материалов сборника выступили профессорско-преподавательский состав образовательных организаций различной ведомственной принадлежности, сотрудники правоохранительных органов: СК РФ, органов внутренних дел, в том числе Следственного управления, Управления ГИБДД УМВД России по Орловской области, органов судебной системы и других правоохранительных органов, сотрудники иных организаций, практикующие юристы, а также слушатели, курсанты и студенты.

В декабре 2015 года в рамках межведомственной заочной научно-практической конференции «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства» проведено конкурсно-оценочное мероприятие среди профессорско-преподавательского состава института на лучшую научную (научно-исследовательскую работу), также приуроченное к празднованию Дня юриста, 3 декабря.

В июне 2016 года проведено ещё одно конкурсно-оценочное мероприятие среди профессорско-преподавательского состава института: внутривузовский конкурс на лучшую НИР, приуроченный к проведению 23 июня 2016 года всероссийского круглого стола «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства».

Участники научно-представительских мероприятий определили наиболее приоритетные направления дальнейшей совместной работы: уголов-

ное судопроизводство в отношении несовершеннолетних; принцип публичности в уголовном процессе – необходимая гарантия обеспечения потерпевшим доступа к правосудию; особенности современной российской модели ювенального уголовного судопроизводства; современное состояние и перспективы сокращенной формы дознания в расследовании преступлений; правовые позиции Верховного Суда РФ относительно обеспечения конфиденциальности защищаемого лица в уголовном судопроизводстве; характеристика некоторых видов преступлений; субъекты применения уголовного закона в досудебном производстве и их полномочия; позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу применения заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении экономических преступлений; тенденции развития уголовно-процессуального и гражданского законодательства; проблемы реализации российского уголовно-процессуального законодательства в свете решений Европейского Суда по правам человека; борьба с терроризмом; формулирование выводов и конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Последние годы в контексте ведущейся в России уголовно-процессуальной реформы можно уверенно назвать периодом повышенного внимания законодателя к такой фигуре как потерпевший. Наличие серьезных пробелов в правовом регулировании УПК РФ уголовно-процессуальной деятельности, связанной с участием потерпевшего в уголовном деле, отсутствие единства в судебной практике по целому ряду вопросов, возникающих в связи с необходимостью реального обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при ведении уголовного судопроизводства, наличие очевидного «перекоса» в пользу обвиняемого в регламентации правового статуса потерпевшего и обвиняемого, повышенное внимание к проблемам правового положения потерпевшего в российском уголовном процессе со стороны ученых, общественных институтов не могли не вызвать корректировку УПК РФ в части обеспечения потерпевшему доступа к правосудию.

По итогам работы научно-представительских мероприятий была выработана резолюция.

Сборник статей имеет не только теоретическую, но и большую практическую направленность. Сборник рекомендуется для сотрудников подразделений МВД РФ, прокуратуры, суда, руководителей и работников коммерческих организаций, страховых компаний, а также адъюнктов (аспирантов), слушателей, курсантов, студентов и всех тех, кого интересует указанная в названии сборника проблематика. Выступления участников и материалы выступлений включены в данный сборник в авторском варианте; тексты статей публикуются в авторской редакции. Отметим, что редакторы далеко не всегда разделяют позицию отдельных авторов, а иногда придерживаются прямо противоположной точки зрения по рассматриваемой проблеме. Вместе с тем, проведение подобных научно-представитель-

ских мероприятий всегда предполагает наличие дискуссии и выражение участниками своего личного мнения по обсуждаемым проблемам. Авторы статей несут ответственность в случае нарушения авторских и иных прав, относящихся к сфере интеллектуальной собственности.

Материалы сборника могут быть использованы в образовательном процессе.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ В УК РФ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДОБЫЧУ И ОБОРОТ ОСОБО ЦЕННЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ И ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Базаров Павел Рустамович,
адъюнкт,
Уральский юридический институт МВД России
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66
blogbox66@yandex.ru

В статье осуществлён контент-анализ общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров в сфере обеспечения экологической безопасности, который показал, что международное право оказывает значительное влияние на развитие отечественного уголовного законодательства. Содержание ст. 258.1 УК РФ наглядно свидетельствует об отражении в ней международных стандартов в области уголовно-правовой охраны особо ценных диких животных и водных биоресурсов.

В современном мире взаимодействие между государствами осуществляется на основе международных правовых актов и договоров, которыми регламентируется порядок международных правоотношений. В соответствии с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [2] (далее – Закон о международных договорах РФ) международные договоры представляют собой правовую основу межгосударственных отношений, содействуют поддержанию мира и безопасности, развитию международного сотрудничества в различных сферах жизнедеятельности.

Со второй половины XX века на межгосударственном уровне стала преобладать позиция, согласно которой полноправными членами международных организаций могут быть только те государства, которыми признаются и соблюдаются общепризнанные принципы и нормы международного права. Реализация данного подхода в международных правоотношениях позволила создать объективные предпосылки для глобального расширения норм международного права. Сегодня практически не осталось социально-экономических, политических сфер, которые бы не являлись предметом международно-правового регулирования.

Развитие международного права оказывает закономерное влияние на национальное законодательство, поскольку его нормы последовательно имплементируются в право отдельных государств. В соответствии со ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её пра-

вовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом РФ, то следует применять правила международного договора [1].

Таким образом, на высшем законодательном уровне нашего государства официально признано, что международное право является составной частью российской правовой системы. Более того, международные договоры имеют приоритет перед национальным законодательством. Данные конституционные положения нашли своё отражение в Законе о международных договорах РФ, других законах и иных нормативных правовых актах (напр.: ст. 1.1 КоАП РФ, ст. 7 ГК РФ, ст. 1 ГПК РФ, ст. 1 УПК РФ, ст. 8 ТК РФ, ст. 3 АПК РФ и др.). В частности, согласно ч. 2 ст. 1 УК РФ уголовное законодательство основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права.

Характеризуя правовое значение международных нормативных правовых актов в правоприменительной практике, Пленум Верховного Суда РФ указал, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [3].

Как следует из преамбулы Закона о международных договорах РФ, наше государство берёт на себя обязательство неукоснительно соблюдать договорные и обычные нормы, а также подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – добросовестного выполнения международных обязательств.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что наше государство, будучи участником международных соглашений, должно, во-первых, приводить нормы национального законодательства в соответствие с международными нормами и договорами, во-вторых, обеспечивать их неукоснительное исполнение, в том числе с помощью уголовно-правовых мер.

Сравнительно-правовой анализ общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров РФ, документов ООН, свидетельствует, что одной из глобальных проблем современности, нуждающейся в международно-правовом регулировании, остаётся охрана окружающей среды. Как справедливо отмечает А. М. Максимов, проблемные вопросы в данной сфере неоднократно становились предметом обсуждения на международном уровне [4, с. 46]. Действительно, анализ международно-правовых документов, показывает, что многие из них имеют целевую направленность на объединение усилий государств по обеспечению экологической безопасности и сохранению природных компонентов Земли [5]. Основополагающие принципы такого сотрудничества были сформулиро-

ваны ещё в 1972 году на Стокгольмской конференции ООН. Так, в Декларации, принятой по результатам работы данной конференции закреплено, что сохранение и улучшение качества окружающей среды является выражением воли народов всего мира и долгом правительств всех стран [6].

Следовательно, задача охраны окружающей среды во всём её многообразии для настоящих и будущих поколений является актуальной не только для отдельных государств, а давно стала носить международно-правовой характер.

Особую значимость имеет сохранение редких и исчезающих видов диких животных и водных биоресурсов. Охране таких объектов животного мира посвящены многочисленные международные документы, например: Временная Конвенция о сохранении котиков северной части Тихого океана (Вашингтон, 1957 г.) [7], Конвенция о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря (Женева, 1958 г.) [8], Конвенция о водно-болотных угодьях (Рамсар, 1971 г.) [9], Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 1972 г.) [10], Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения (Вашингтон, 1973 г.) [11], Конвенция о будущем многостороннем сотрудничестве в области рыболовства в северо-западной части Атлантического океана (Оттава, 1978 г.) [12], Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных (Бонн, 1979 г.) [13], Конвенция об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе (Бонн, 1979 г.) [14], Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики (Канберра, 1980 г.) [15], Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) [16], Соглашение об охране малых китов Балтийского и Северного морей (Нью-Йорк, 1992 г.) [17], Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией (Брюссель, 1997 г.) [18], Декларация тринадцатого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Доха, 2015) [19] и др.

Анализ вышеназванных и иных международных документов показал, что в них закреплён особый режим охраны особо ценных объектов животного мира, содержатся рекомендации установить на государственном уровне ответственность за незаконные их добычу и оборот. Например, ст. 8 Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения (Вашингтон, 1973 г.) признаёт наказуемыми владение и торговлю особо ценными видами животных в нарушение положений Конвенции. В Декларации тринадцатого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Доха, 2015), данное положение нашло свою дальнейшую конкретизацию. В частности в п. «е» ст. 9 Декларации предусмотрено, что указанные действия являются преступными и должны влечь уголовную ответст-

венность. При этом в Декларации закреплено, что государства-участники должны принимать эффективные меры для предупреждения данных преступлений посредством внесения соответствующих изменений в национальное законодательство, укрепления международного сотрудничества, реагирования по линии уголовного правосудия и правоохранительной деятельности.

Включение подобных международных соглашений в правовую систему России, по справедливому мнению отечественных учёных, оказывает большое влияние на отечественное уголовное законодательство [20, с. 71], поскольку в них содержатся рекомендации по развитию национальных правовых систем [21, с. 1]. Россия, в свою очередь, обязана приводить своё уголовное законодательство в соответствие с международными требованиями. Данное обстоятельство в немалой мере способствовало тому, что в 2013 году УК РФ был дополнен новой статьёй, не имевшей аналогов за всю историю прежнего отечественного уголовного законодательства, в которой установлена ответственность за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемых международными договорами РФ (ст. 258.1 УК РФ).

На международный характер преступлений, связанных с торговлей объектами живой природы, находящимися под угрозой исчезновения, особое внимание было обращено в на 11-й сессии Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию ООН, где отмечено, что с такой преступностью невозможно эффективно бороться с помощью односторонних усилий, ей можно успешно противодействовать лишь на основе международного сотрудничества [22].

Представляется, что вышеизложенное даёт основание незаконные добычу и оборот диких животных и водных биоресурсов, принадлежащих к видам, охраняемых международными договорами, отнести к конвенционным преступлением.

В науке уголовного права под конвенционными преступлениями понимаются общественно опасные деяния, посягающие на интересы нескольких государств, признанные преступными в актах международного права (договорах, конвенциях, соглашениях) и имплементированные в силу этого в уголовное законодательство государств-участников [23, с. 48; 24, с. 242]. На необходимость подобной имплементации норм международно-правовых договоров в отечественное уголовное законодательство указывают многие учёные в области уголовного права [25, с. 7].

Научная точка зрения автора о конвенциональном характере преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, находит поддержку в современных работах по международному уголовному праву. Например, А. А. Арямов данное преступление относит к числу преступлений между-

народного характера наряду с экологическими преступлениями, предусмотренными ст. 248, 252 УК РФ [26, с. 49].

В то же время, необходимо иметь в виду, что в соответствии со ст. 1, 8 УК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры хотя и имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе при рассмотрении уголовных дел, но они не могут самостоятельно устанавливать уголовную ответственность на территории нашей страны. На данное обстоятельство обращено специальное внимание в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5, где установлено, что международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами нашего государства непосредственно, так как такими договорами прямо устанавливается обязанность государства выполнить предусмотренное договором обязательство путём установления наказуемости определённых преступлений внутригосударственным законом [27]. Следовательно, для привлечения к уголовной ответственности за совершение того или иного преступления международного характера, соответствующее общественно опасное деяние должно быть включено в УК РФ в качестве преступления.

Следовательно, криминализация деяний, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ является социально обусловленной, в том числе, обусловленной общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ. Включение посягательства на особо ценные дикие животные и водные биоресурсы в УК РФ в качестве преступления, для охраны названных объектов животного мира уголовно-правовыми мерами, является реализацией нашего государства принятых на себя международных обязательств.

Вместе с тем, представляется, что в диспозицию ст. 258.1 УК РФ необходимо внести изменения с целью приведения её в соответствие с положениями Конституции РФ и отраслевого законодательства.

Так, в соответствии с диспозицией ст. 258.1 УК РФ уголовно наказуемыми являются посягательства на особо ценные виды диких животных и водных биоресурсов, занесённые в Красную книгу РФ и (или) охраняемые международными договорами Российской Федерации.

В Конституции РФ предусмотрено, что заключение, прекращение и приостановление действия международных договоров РФ находятся в ведении Российской Федерации. Согласно ст. 2 Закона о международных договорах РФ под международным договором РФ понимает международное соглашение, заключённое Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры.

Следовательно, международные договоры СССР, заключённые (ратифицированные) до возникновения Российской Федерации, как самостоятельного государства, не являются в прямом смысле договорами Российской Федерации, поскольку РСФСР, будучи одной из республик единого государства – СССР, ввиду отсутствия государственной правосубъектности не могла участвовать в подписании международного договора от своего имени.

В настоящее время в отношении международных договоров, заключённых между СССР и другими государствами, в соответствии с Законом о международных договорах РФ действует режим правопреемства со стороны Российской Федерации. Данное доктринальное мнение подтверждается официальной позицией Министерства иностранных дел РФ, изложенной в обращении к главам дипломатических представительств зарубежных государств: «Российская Федерация будет продолжать осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из международных договоров, заключённых СССР. Соответственно Правительство РФ будет выполнять вместо Правительства СССР функции депозитария по соответствующим многосторонним договорам» [28].

На основании вышеизложенного предлагается из диспозиции ст. 258.1 УК РФ после слов «международными договорами» исключить слова «Российской Федерации». Именно такой подход был использован при конструировании ст. 8.35 КоАП РФ, установившей административную ответственность за уничтожение и иные незаконные действия в отношении редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений, занесённых в Красную книгу РФ либо охраняемых международными договорами.

Следует отметить, что ст. 8.35 КоАП РФ прошла почти пятнадцатилетнюю правоприменительную апробацию с момента введения её в действие в 2002 году. Думается, что в данном случае разработчиками ст. 258.1 УК РФ было нарушено одно из основных правил законодательной техники о единообразном применении юридических терминов и дефиниций при построении смежных норм права. На необходимость использования в УК РФ более точных понятий и терминов многократно обращалось внимание учёными в области уголовного права [29, с. 43].

Чтобы не допустить расширительного толкования уголовного закона в части понятия «международные договоры» в науке уголовного права, следственной и судебной практике и исключить признание в качестве таковых международные договоры, в которых Российская Федерация не является государством-участником, не ратифицированных ею либо принятых с определёнными оговорками, представляется целесообразным дополнить ст. 258.1 УК РФ примечанием, разъясняющим понятие международного договора применительно к ст. 258.1 УК РФ, а также к другим статьям УК РФ.

Так, в предлагаемом примечании к ст. 258.1 УК РФ следует разъяснить, что под международными договорами применительно к ст. 258.1 УК РФ и к другим статьям УК РФ, диспозиции которых содержат понятие международного договора, признаются международные договоры Российской Федерации (межгосударственные, межправительственные договоры и договоры межведомственного характера) независимо от их вида и наименования (договор, соглашение, конвенция, протокол, обмен письмами или нотами, иные виды и наименования международных договоров), а также международные договоры, в которых Российская Федерация является стороной в качестве государства-правопреемника СССР.

Предлагаемые изменения в ст. 258.1 УК РФ будут способствовать использованию в целях дальнейшего совершенствования мер уголовно-правовой охраны особо ценных диких животных и водных биоресурсов как тех международных договоров, которые были заключены Российской Федерацией с иностранным государством (государствами), так и тех, которые были заключены ещё СССР с иностранным государством (государствами) до возникновения Российской Федерации как самостоятельного государства.

---

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учётом поправок, внесённых законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Рос. газ. 1993. 25 дек.

2. О международных договорах Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ: в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 12 марта 2014 г. № 29-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2003. № 12.

4. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: концептуальные основы и перспективы оптимизации: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015.

5. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XXXI. М., 1977. С. 544–589.

6. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972 г.) // Действующее международное право. Т. 3. М., 1997. С. 682–687.

7. Временная Конвенция о сохранении котиков северной части Тихого океана (Вашингтон, 1957 г.) [Электронный ресурс]. URL:

http://www.conventions.ru/view_base.php?id=738 (дата обращения: 12 апреля 2016 г.).

8. Конвенция о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря (Женева, 1958 г.) [Электронный ресурс]. URL: http:// www.conventions.ru/view_base.php?id=33 (дата обращения: 19 апреля 2016 г.).

9. Конвенция о водно-болотных угодьях (Рамсар, 1971 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XXXIII. М., 1979. С. 462–466.

10. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 1972 г.) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993. С. 290–302.

11. Конвенция о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения (Вашингтон, 1973 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978. С. 549–562.

12. Конвенция о будущем многостороннем сотрудничестве в области рыболовства в северо-западной части Атлантического океана (Оттава, 1978 г.) // Сборник международных соглашений Российской Федерации по вопросам рыболовства и рыбохозяйственных исследований. М., 1995. С. 50–85.

13. Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных (Бонн, 1979 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

14. Конвенция об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе (Бонн, 1979 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики (Канберра, 1980 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

16. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 19, ст. 2254.

17. Соглашение об охране малых китов Балтийского и Северного морей (Нью-Йорк, 1992 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией (Брюссель, 1997 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5382.

19. Декларация тринадцатого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Доха, 2015) [Электрон-

ный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/conf/crimecongress (дата обращения: 16 апреля 2016 г.).

20. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004.

21. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под общ. ред. М. П. Журавлева и С. И. Никулина. М., 2014.

22. Доклад Генерального секретаря на 11-й сессии Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Вена, 2002 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru (дата обращения: 26 февраля 2016 г.).

23. Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979.

24. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право. М., 2003.

25. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4.

26. Арямов А. А. Актуальные направления развития современного международного права. М., 2015.

27. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2003. № 12.

28. Об осуществлении прав и выполнении обязательств, вытекающих из международных договоров, заключенных СССР: письмо МИД РФ от 13 января 1992 г. № 11/Угп [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Гаухман Л., Журавлев М. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1.

Ключевые слова: общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, уголовно-правовая охрана, дикие животные и водные биологические ресурсы, международное уголовное право.

УДК 343.1

СУДЕБНЫЙ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Ветрова Оксана Александровна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Статья посвящена судебному надзору за деятельностью органов предварительного расследования.

Актуальность рассмотрения проблем надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования указывает не только несомненная важность данной сферы деятельности, заключающейся в обеспечении наиболее полной реализации принципов законности и справедливости общества в области правовых отношений, но и широкие перспективы ее дальнейшей разработки и совершенствования.

Существующая в Российской Федерации организация системы органов досудебного производства не позволяет успешно осуществлять важнейшую государственную правоохранительную функцию уголовного судопроизводства. Особую роль в совершенствовании следственных органов, приведении их деятельности в соответствие с требованиями правового государства играет система контроля, состоящая из подсистем государственного и общественного контроля.

При отсутствии надлежащего контроля появляется потенциальная угроза превращения органов предварительного следствия в «инструмент» удовлетворения интересов коррумпированных участников правоотношений. В этом смысле контроль призван служить одним из важных средств противодействия коррупции, которая является врагом «номер один» для свободного, демократического и справедливого общества. Только совместные совокупные усилия государственного и общественного контроля способны в полной мере обеспечить достижение соответствия деятельности следственных органов их подлинному назначению.

Проблемы здесь связаны, прежде всего, с тем, что становление гражданского общества в России происходит медленно. В целях ускорения этого процесса, государство достаточно активно участвует в формировании институтов гражданского общества, в частности создана Общественная палата Российской Федерации, образованы аналогичные общественные объединения при МВД и других правоохранительных органах. В сложившихся условиях существенно возрастает роль государственного контроля, призванного в определённом смысле восполнить вакуум, который образовывается по причине пока что слабости гражданского общества.

Широкое признание в России получила идея сочетания в уголовном судопроизводстве различных форм контроля (надзора) – прокурорского, ведомственного, судебного. Эти формы, дополняя и подстраховывая друг друга, гарантировали не только успешное раскрытие преступлений, привлечение виновных к уголовной ответственности, но и защиту прав и свобод граждан, вовлекаемых в судопроизводство по уголовным делам.

До недавнего времени доминировали прокурорский надзор и ведомственный контроль, а судебный контроль осуществлялся лишь после того, как возбужденное и расследованное уголовное дело передавалось на судебное рассмотрение. Считалось, что суды не должны быть причастны ко всему, что происходит в связи с выявлением и раскрытием преступления в ходе предварительного расследования, не должны связывать себя судебными решениями до разбирательства дела, по существу.

В последние годы с целью оперативного исправления ошибок органов следствия и защиты прав и свобод человека контроль со стороны суда распространился на досудебные стадии уголовного процесса. После того как суд в России приобрел признаки самостоятельной ветви власти, а нормы международного права провозглашены неотъемлемой частью российского законодательства, судебный контроль над деятельностью органов предварительного расследования, в отличие от прокурорского и ведомственного, начал активно совершенствоваться, приобретать все новые виды и формы.

Нынешнее российское общество можно характеризовать как активно пытающееся с помощью государства и его органов утвердить новые социальные ценности, сделать приоритетными международно-правовые стандарты в области прав человека, укрепить правовые средства их защиты. Наглядным примером является ряд принятых законов, постановления Конституционного Суда Российской Федерации, решения судов общей юрисдикции. Однако свой отпечаток на законодательство и правоприменительную деятельность налагает экономическая, политическая и идеологическая ситуация, сложившаяся в стране в последние годы. Так, положения статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [1] о запрете вмешиваться в личную и семейную жизнь граждан, посягать на неприкосновенность их жилища, тайну корреспонденции, а также праве каждого гражданина на защиту закона от таких посягательств и вмешательств получили специфическое отражение в отечественном законодательстве и деятельности органов следствия. Санкцию на обыск в жилище дает суд (ст. 29 УПК).

Действующий УПК допускает контроль со стороны суда за деятельностью правоохранительных органов в следующих процессуальных формах:

- досудебная процедура дачи разрешения на проведение оперативно-розыскных и следственных действий, ограничивающих конституцион-

ные права граждан (прослушивание телефонных и иных переговоров, просмотр почтовых, телеграфных и иных отправлений и т. д.);

- досудебная процедура рассмотрения жалоб на действия органов дознания, предварительного следствия, регламентированная (обжалование постановлений о задержании, содержании под стражей, продлении сроков содержания под стражей);

- судебная процедура проверки законченных расследованием уголовных дел: при назначении дела к слушанию; в подготовительной части судебного заседания; в ходе судебного следствия; при постановлении приговора; в кассационной инстанции; в надзорном порядке; в порядке производства по вновь открывшимся обстоятельствам.

Анализ указанных процессуальных форм свидетельствует о наличии многочисленных вопросов, которые могут возникнуть у судей при их применении. Ведь закон подробно не регламентирует основные действия суда при осуществлении защиты прав и интересов граждан на досудебных стадиях уголовного процесса. Но прежде чем разрабатывать ту или иную процедуру судебного контроля, важно определить, какие конкретные действия и решения правоохранительных органов можно обжаловать в суд.

В постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации подчеркивалось, что граждане, конституционные права которых нарушены в ходе предварительного расследования, вправе обжаловать в суд действия и решения органа дознания, следователя или прокурора. В частности, к таким решениям и действиям отнесены те, которые связаны: с задержанием, арестом, содержанием под стражей и продлением срока содержания под стражей: с отказом в возбуждении уголовного дела; с прекращением производства по делу; с обыском; с наложением ареста на имущество; с приостановлением производства по делу; с продлением срока, предварительного расследования. Перечень достаточно велик. Если его еще расширить, то появится опасность, что суд станет активным субъектом предварительного расследования. Его решения о законности либо незаконности следственных действий могут негативно сказаться на самостоятельности следователя и прокурора.

Многие практические работники справедливо считают, что в силу объективных причин, в том числе из-за отсутствия кадрового обеспечения и недостаточного финансирования судебной системы, без ее реорганизации невозможно осуществить своевременный и качественный судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса. К тому же преждевременное усиление контроля над следствием, повышение требований к его результатам без модернизации и укрепления следственного аппарата и правоохранительных органов не будут способствовать выполнению задач уголовного судопроизводства, приведут к утрате многих доказательств обвинения вследствие формального подхода к нарушениям прав граждан при их сборе. Сторонники взвешенного подхода к расширению контроля со

стороны суда приводят убедительный пример того, как государство пыталось взять на себя обязанность по возмещению вреда, причиненного потерпевшему преступлением, но оказалось не готовым к реализации этой конституционной нормы [2]. Поэтому ученым и практическим работникам надлежит определить разумные пределы судебного контроля на современном этапе развития общества при одновременном соблюдении судебной защиты прав и свобод граждан, а также самостоятельности органов следствия при расследовании уголовных дел.

Вместе с тем идея замены традиционного прокурорского надзора за деятельностью органов, осуществляющих уголовное преследование на судебный. почти не находит сторонников среди прокурорских работников, не поддерживают ее и отдельные ученые. Аргументируют они свою позицию тем, что суды сейчас не готовы взвалить на себя новый ворох проблем в силу того, что это потребует существенного увеличения штатной численности судей, значительных капиталовложений, негативно скажется на борьбе с преступностью.

Распространение контроля на досудебные стадии уголовного процесса – объективная необходимость. Более низкий уровень ведомственного и прокурорского контроля порождает судебные ошибки, влечет нарушение конституционных прав и интересов граждан, делает недопустимым то или иное доказательство по уголовным делам.

В рамках уголовного процесса за получением санкции суда на прослушивание телефонных переговоров обращаются органы, занимающиеся оперативно - розыскной деятельностью. Физические лица, в том числе частные детективы, с такими просьбами обращаться не вправе. При отказе в возбуждении уголовного дела или его прекращении круг лиц, имеющих право на подачу жалобы, определен законом – лица, в отношении которых вынесены постановления, а также заявители, потерпевшие.

Таким образом, вопрос о расширении судебного контроля над деятельностью правоохранительных органов и эффективной защите конституционных прав и интересов человека и гражданина весьма актуален, требует к себе пристального внимания со стороны научных и практических работников. От его законодательного решения во многом зависит отношение граждан к судебной системе в целом.

---

1. Международный пакт о гражданских и политических правах: одобрен Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.: ратифицирован СССР в 1973 г.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учётом поправок, внесённых законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Рос. газ. 1993. 25 дек.

Ключевые слова: судебный надзор, контроль, предварительное расследование.

УДК 343.1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ И ВИДОВ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ

Гришин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Статья посвящена отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу понятия и видов налоговых преступлений, а также ответственности за их совершение.

Ни одно государство в обозримом прошлом и в наше время не могло и не может обойтись без налогов. Налоги являются основным источником обеспечения нормальной деятельности страны независимо от политического режима, формы правления и государственного устройства.

В данной статье проводится теоретико-правовой анализ понятия и видов налоговых преступлений и ответственности за их совершение с учётом специфики профессионального правосознания. «Даже с учетом того, что основой формирования специального компонента профессионального правосознания не всегда становится систематическое юридическое образование, и он зачастую формируется лишь на основе практической юридической деятельности, его характеризует более высокий, по сравнению с обыденным правосознанием, уровень правовых знаний, и это обусловливается тем, что профессиональная деятельность дает в первую очередь именно правовой опыт, который влияет, прежде всего, на формирование рациональной составляющей правового сознания. Вместе с тем, возможность говорить о детерминирующем влиянии правой идеологии на правовую психологию сомнительна» [1, с. 198–199]. В условиях рыночной экономики финансирование государственных расходов практически полностью производится за счёт налогообложения физических и юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную законную деятельность на соответствующей территории. Например, во Франции налоги приносят 95 % доходов государственного бюджета, в США – 90 %, в ФРГ – около 80 %, в Японии – 75 % [2]. По предварительной оценке исполнение основ-

ных показателей федерального бюджета январь–июль 2014 года составило 8 254 845,3 млн рублей, или 58,0 % к общему объему доходов федерального бюджета, утвержденному Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» [3].

С 1991 г. в Российской Федерации развернулась широкомасштабная налоговая реформа, в результате которой постепенно создавалась современная налоговая система.

Процесс создания ныне действующей налоговой системы сопровождался ростом значимости налоговых доходов в финансовом обеспечении деятельности РФ, ее субъектов и муниципальных образований РФ. С расширением круга лиц, обязанных уплачивать налоги, у участников правоотношений в налоговой сфере появились не только новые права и обязанности, но и были закреплены специальные составы ответственности за нарушение требований законодательства о налогах и сборах.

Уголовная ответственность наступает в тех случаях, когда совершенное физическим лицом нарушение законодательства о налогах и сборах характеризуется повышенной общественной опасностью и подпадает под признаки налогового преступления. В качестве карательных санкций уголовным законодательством предусматриваются такие меры ответственности, как обязательные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение свободы.

Преступление – это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания. Вместе с тем не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Таким образом, под налоговым преступлением понимается виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие) в сфере налогообложения, за совершение которого Уголовным кодексом предусмотрено наказание.

Налоговое преступление характеризуется исчерпывающим перечнем его признаков:

1) общественная опасность – проявляется в том, что общественно опасное деяние причиняет вред или создает угрозу причинения вреда как напрямую – государству (ибо направлено против государственной казны), так и опосредованно – создает угрозу причинения вреда личности и обществу (ибо государственный бюджет является средством финансового обеспечения государством его функций перед обществом и человеком – охранительных, организационных и социальных);

2) противоправность – запрещенность деяния уголовным законом;

3) виновность – российское уголовное законодательство основывается на принципе субъективного вменения, т. е. общественно опасное деяние признается преступлением лишь с учетом психического отношения лица к действию (бездействию) и преступным последствиям в форме умысла или неосторожности (статьи 24–27 УК РФ);

4) наказуемость – только запрещенное уголовным законом под угрозой наказания деяние признается преступлением.

Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ. Применение уголовного закона по аналогии не допускается (ст. 3 УК РФ).

Все эти признаки должны быть обязательно присущи совершенному деянию, признаваемому налоговым преступлением.

В качестве основных юридических особенностей уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений выделяют следующие:

- субъектами уголовной ответственности могут быть только физические лица;
- уголовная ответственность осуществляется в судебном порядке;
- применяется за наиболее общественно опасные деяния – преступления;
- предусматривает самые строгие виды государственного принуждения;
- производство по делам о налоговых преступлениях осуществляется следственными подразделениями.

Параллельно с созданием основ налоговой системы Российской Федерации государство принимало меры к защите от недобросовестных налогоплательщиков. С этой целью Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3181-1 действовавший в тот период Уголовный кодекс РСФСР дополнен ст. 162 (Сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения) и 162 (Противодействие или неисполнение требований налоговой службы в целях сокрытия доходов (прибыли) или неуплаты налогов).

При принятии в июне 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ, Уголовный кодекс) в него были включены статьи 198 (Уклонение гражданина от уплаты налога) и 199 (Уклонение от уплаты налогов с организаций) и исключена норма, предусматривавшая ответственность за противодействие или неисполнение требований налоговой службы в целях сокрытия доходов (прибыли) или неуплаты налогов. В дальнейшем в Уголовный кодекс вносились изменения в части борьбы с уклонением от уплаты налогов.

До недавнего времени основная масса налоговых преступлений расследовалась следователями органов внутренних дел. Однако Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Уголовно-

процессуальный кодекс) были внесены изменения, согласно которым с 1 января 2011 г. предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199 УК РФ, производится следователями Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ).

Уголовным законом эти налоговые преступления отнесены к преступлениям в сфере экономики.

В силу бланкетности диспозиций указанных уголовно-деликтных норм поводами и основаниями к возбуждению дел о налоговых преступлениях являются акты предшествовавших документальных проверок налогоплательщиков, установивших факты уклонения от уплаты налогов или сборов в крупном (особо крупном) размере, неисполнения обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению налогов и (или) сборов в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) в крупном (особо крупном) размере, сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов в крупном размере.

Уголовное законодательство предусматривает некоторые обстоятельства, исключающие привлечение к ответственности. В соответствии со ст. 21 УК РФ не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло осознавать фактического характера и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического или временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

Не подлежит уголовной ответственности также лицо, которое добровольно и окончательно отказалось от доведения преступления до конца (п. 2 ст. 31 УК РФ).

Кроме того, согласно ст. 40–42 УК РФ, не является преступлением, а, следовательно, и не наказуемо причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием), при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели либо во исполнение обязательных приказа или распоряжения. В последнем случае уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение.

В уголовном законодательстве (ст. 61–63 УК РФ) предусматриваются обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание.

Применительно к налоговым преступлениям в качестве смягчающих наказание обстоятельств могут выступать следующие:

- совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств;
- несовершеннолетие виновного;
- беременность;

- наличие малолетних детей у виновного;

- совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания;

- совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости;

- совершение преступления при исполнении приказа или распоряжения;

- явка с повинной, активное способствование раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления.

При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и иные обстоятельства. При этом специально определено, что в случае, когда имели место явка с повинной, способствование раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, полученного в результате преступления, а отягчающие обстоятельства отсутствовали, срок или размер наказания не могут превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида предусмотренного законодательством наказания.

Отягчающими уголовную ответственность обстоятельствами в соответствии с законодательством могут являться:

- рецидив преступлений;

- совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации);

- особо активная роль в совершении преступления;

- совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках.

В данном случае обращает на себя внимание некоторое несовпадение подходов в конструировании налоговой и уголовной ответственности. Так, если в налоговом праве совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, вследствие стихийного бедствия или других чрезвычайных и непреодолимых обстоятельств рассматривается как обстоятельство, исключающее вину лица, то в уголовном праве совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках определено как отягчающее вину обстоятельство [4, с. 312].

В законодательство включен ряд поправок, смягчающих уголовную ответственность за налоговые преступления, которые изменили основания и порядок привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления [5, с. 54].

1. Увеличены суммы крупного и особо крупного размера уклонения от уплаты налогов с организации и уклонения от исполнения обязанностей налогового агента, при неуплате которых должностные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Теперь в соответствии со ст. 199 и 199.1 УК РФ крупным размером признается сумма налогов и/или сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 2 млн руб., при условии, что доля неуплаченных налогов и/или сборов превышает 10 % подлежащих уплате сумм вышеуказанных налоговых платежей либо превышает 6 млн руб. Особо крупный размер – сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 10 млн руб., при условии, что доля неуплаченных налогов и/или сборов превышает 20 % подлежащих уплате сумм налогов и/или сборов либо 30 млн руб.

2. Введен порядок освобождения от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений.

Для лиц, впервые совершивших налоговое преступление, ст. 198, 199, 199.1 УК РФ предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в случае полной уплаты сумм недоимки, пеней и штрафов в размерах, определяемых в соответствии с НК РФ.

3. Изменено одно из оснований привлечения лица к ответственности за совершение налогового преступления.

Теперь согласно п. 3 ст. 108 НК РФ основанием для привлечения лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах является установление факта совершения данного нарушения решением налогового органа, вступившим в силу.

Согласно ст. 106 НК РФ налоговым правонарушением признается совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность.

При этом преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ.

Таким образом, в вышеприведенной статье НК РФ речь идет о налоговой ответственности – организации и физические лица могут быть привлечены к налоговой ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах только на основании решения налогового органа. Должностные лица организаций-налогоплательщиков не являются субъектами налоговых правоотношений и не могут быть привлечены к ответственности в соответствии с положениями НК РФ.

4. Введены новые обязанности органов внутренних дел – направлять полученные ими самостоятельно материалы в налоговый орган для установления факта налогового правонарушения и принятия решения, а также

информировать налоговый орган о принятом процессуальном решении в отношении полученных от него материалов.

5. Введены новые основания прекращения уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах.

С 1 января 2010 г. в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 198–199.1 УК РФ, прекращается по основаниям, предусмотренным ст. 24 и 27 УПК РФ, а также в случае, если до окончания предварительного следствия ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме.

При этом под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, понимается уплата в полном объеме недоимки в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности, вступившем в силу, соответствующих пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии с НК РФ.

6. Ограничены основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении налоговых преступлений.

Статья 108 УПК РФ дополнена п. 1.1, в соответствии с которым заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1–4 ч. 1 вышеуказанной статьи.

В исключительных случаях мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления при наличии одного из следующих обстоятельств:

1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;

2) его личность не установлена;

3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;

4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

7. Расширен перечень оснований прекращения уголовного дела, содержащийся в ч. 1 ст. 212 УПК РФ.

В эту статью добавлено указание на ст. 28.1 УПК РФ – прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах.

Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьями 198–199.1 Уголовного ко-

декса Российской Федерации, при условии, если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме.

Под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, понимается уплата в полном объеме:

1) недоимки в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности, вступившем в силу;

2) соответствующих пеней;

3) штрафов в размере, определяемом в соответствии с НК РФ.

По мнению В. А. Кинсбурской, изменения законодательства существенным образом смягчают карательный характер уголовной ответственности за налоговые правонарушения, а увеличение предельного порога недоимки позволяет снижать криминализацию сферы налоговых правоотношений. Принимая во внимание отказ государства от конфискации имущества в налоговых правоотношениях, можно сделать вывод, что отношения с налогоплательщиком выходят на новый уровень, более комфортный для субъектов предпринимательства [6, с. 154].

Следовательно, под налоговым преступлением понимается виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие) в сфере налогообложения, за совершение которого Уголовным кодексом предусмотрено наказание.

Налоговое преступление характеризуется исчерпывающим перечнем его признаков:

1) общественная опасность;

2) противоправность;

3) виновность;

4) наказуемость.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать о либерализации законодательства предусматривающую уголовную ответственность за преступления в налоговой сфере.

Между тем, наше мнение сводится к снижению возраста уголовной ответственности за умышленные, а в особенности, насильственные преступления против охраняемых законом интересов. Приблизительно **с 10 лет несовершеннолетний** вполне способен осознавать смысл и последствия своих действий, поэтому уже с этого возраста должен нести ответственность, либо собственно, уголовную, либо эквивалентную ей (режимное учреждение специального типа для малолетних преступников). Ввиду вышеизложенного следует внести поправки в УК РФ, снижающие возраст уголовной ответственности несовершеннолетних. Примером может послужить названная выше норма Уголовного уложения 1903 года, предусматривавшего возраст наступления уголовной ответственности в **десять лет**, где также одним из оснований освобождения от уголовной ответственность была признана неспособность несовершеннолетнего «понимать

свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками». Регламентировать порядок отбывания несовершеннолетними наказания, а для малолетних преступников предусмотреть возможность отбывания наказания в специализированном детском исправительном учреждении [7].

---

1. Ветрова О. А. Роль правосознания сотрудников ОВД в правоприменительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 2014. №. 12.

2. Борзунова О. А. Налоговый кодекс Российской Федерации: генезис, история принятия и тенденции совершенствования. М.: Юстицинформ, 2010.

3. Рос. газ. 2014. 15 авг. № 6456.

4. Административная юрисдикция налоговых органов: учебник / под ред. М. А. Лапиной. М.: ВГНА Минфина России, 2012.

5. Ответственность за нарушение финансового законодательства: научно-практическое пособие / Р. Ю. Абросимов, О. А. Акопян, Я. В. Буркавцова и др.; отв. ред. И. И. Кучеров. М.: «ИЗиСП», 2014.

6. Кинсбурская В. А. Ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах. М.: «Юстицинформ», 2013.

7. Гришин А. В., Ермаков С. В. Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в контексте ювенальной юстиции // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы расследования преступлений: материалы круглого стола, 30 марта 2012 г. / Орловский юридический институт МВД России. Орёл: ОрЮИ МВД России, 2012. С. 44–52.

Ключевые слова: уголовная ответственность; УК РФ; преступление; налоговые преступления; ответственность.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ТОРГОВОГО (КОММЕРЧЕСКОГО) ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА КАК ОСОБОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И КОММЕРЧЕСКОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Гришин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Гришина Марина Викторовна,
специалист по контролю контрактования и соблюдения процедур,
АО «Орёлнефтепродукт»
302001, г. Орел, ул. Маяковского, 40

Статья посвящена рассмотрению современного состояния законодательства о коммерческом представительстве и совершенствованию правового регулирования деятельности профессионального торгового (коммерческого) представителя в современном российском законодательстве, оформлению отношений коммерческого представительства в соответствии с современным гражданским законодательством.

Многолетний опыт передовых стран мира подтвердил в большинстве случаев нецелесообразность отвлечения внимания предпринимателей от основной деятельности на выполнение функций по совершению торговых сделок собственными силами. В настоящее время обычной практикой в таких случаях становится представительство интересов заинтересованных лиц за определённое вознаграждение профессиональными посредниками. В большинстве из них речь идёт о выступлении последних от имени и за счёт производителей продукции (прямое представительство) или за их счёт, но от своего имени (косвенное представительство). Деление представительства на «прямое» и «косвенное» встречается у большинства современных российских и западных учёных [7, с. 153; 8, с. 279; 9, с. 95].

Из вышеизложенного следует, что и в первом и во втором случае речь пойдёт о представительстве. Тем не менее, такого широкого понятия представительства придерживаются далеко не все. Это касается в первую очередь нашей страны и большинства стран запада, относящихся к так называемой континентальной системе права. Право континентальной Европы большое значение придаёт тому, действует ли представитель от собственного имени или от имени другого лица (представляемого, принципала). О «представительстве» речь идёт только в последнем случае и лишь тогда,

когда третье лицо ясно осознаёт, что договор должен заключаться с доверителем, или если это вытекает из обстоятельств [7, с. 153].

Одной из главных особенностей института коммерческого представительства является то, что в отечественной цивилистике исследования, в области его регулирования проводились в дореволюционный период, а также в первые годы советской власти. В зарубежных странах отношения с участием торгового представителя подверглись значительному законодательному урегулированию уже после того, как в СССР частная предпринимательская деятельность была полностью запрещена. В современных условиях большое значение приобретает дальнейшее изучение всех сторон деятельности коммерческого представителя с позиций сравнительного правоведения именно потому, что подобная деятельность всё большое значение приобретает не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. А здесь одной из центральных проблем выступают различия в законодательном урегулировании сходных отношений.

Это обстоятельство в дальнейшем и привело к тому, что в Гражданском кодексе 1994 года институт коммерческого представительства регулируется в соответствии с представлениями континентальной системы права. Однако, хотя понятие представительства даётся в ст. 182 Гражданского кодекса РФ, в науке гражданского права такое определение представительства далеко не бесспорно. В. А. Рясенцев справедливо отмечал, что «… едва ли есть ещё институт гражданского права, который породил бы такую путаную терминологию, как институт представительства. Одни и те же термины имеют различное значение, причём понятия, которым они соответствуют, в науке точно ещё не установлены» [10, с. 8]. Даже сейчас трудно не заметить, что одно из центральных понятий рассматриваемого института, – «представительство» – продолжает оставаться дискуссионным, несмотря на ряд серьёзных исследований указанной проблематики. Сама возможность существования представительства принималась учёными далеко не всегда.

Противники «представительства» как института вообще характерны для западноевропейского права XIX века. Среди противников представительства наиболее ярко выражали свою позицию Тель, Пухта и Кунце, которые стояли на почве римского права, не знавшего добровольного представительства, и утверждавшие его несогласованность с индивидуальным характером обязательства [11, с. 128]. Суть их учения (с формальной точки зрения – «софистика» в «чистом виде») состояла в том, что при представительстве имеются две сделки: представителя с третьим лицом и принципала с ним же, но первая сделка обессиливается второй и уступает ей место.

Однако в ходе торгового развития Европы в XIX веке принцип непосредственного представительства стал общепризнан, и подобные взгляды уже всё чаще подвергались справедливой критике в трудах большинства современных юристов. Из отечественных цивилистов позицию «законного

отрицания представительства» уже тогда последовательно критиковали Л. Казанцев, А. Гордон, А. Евецкий, Н. Нерсесов и др. Из зарубежных цивилистов, кроме Савиньи, во второй половине XIX века непосредственное представительство допускали Рушграт, Дернбург, Унгер, Шерль, Бухка, Вехтер, Виндшайд, Лабанд, Бринц, а также Иеринг. Все эти ученые, признавая возможность непосредственного представительства, давали различные обоснования своим мнениям или выражали эти мнения в «особых цивилистических формулах». Но различные в частностях мнения, названных ученых, в сущности, сводились к двум теориям [12, с. 58].

Рушграт основывал возможность прямого представительства на фикции, согласно которой представляемое лицо или принципал есть действительный контрагент договора, заключенного представителем; так что договор относительно своего происхождения и действия должен быть обсуждаем только в отношении принципала. Представитель же является фактическим органом воли представляемого лица [12, с. 59].

Первая теория (помимо Рушграта, её выражали ещё Дернбург, Шерль и Унгер) отлична от теории Савиньи, который вовсе не прибегал к фикции, считая действия представителя подобно действиям нунция, лишь corpus'om воли принципала [12, с. 60].

В основании второй теории тоже лежит фикция (Бухка, Вехтер, Виндшайд, Лабанд, Бринц, и Иеринг). Откровеннее других её выражает Бухка. Данная теория признавала характерным признаком представителя, в противоположность нунцию, то обстоятельство, что представитель выражает в договоре свою волю, но юридические последствия, основанного им договора, исключительно распространяются на представляемое лицо. Поэтому волю и ее выражение следовало обсуждать в отношении представителя (дееспособность), но требование правоспособности, с точки зрения содержания договора – обсуждается в отношении представляемого [12, с. 60].

Между тем, для возникновения у представляемого тех или иных юридических последствий необходимо также и волеизъявление представителя, так как именно он совершает сделку [13, с. 121; 14, с. 89–90].

В волеизъявлении представителя при коммерческом представительстве всегда выражается и воля того, от чьего имени он выступает.

Представительство имеет целью удовлетворять несостоятельным потребностям жизни. Оно даёт возможность отправлять посредством представителей свою юридическую деятельность таким лицам, которые сами не могут этого сделать вследствие каких-либо естественных, юридических или нравственных препятствий. В этом случае представительство имеет значение замены одного лица другим [15, с. 7–8; 16, с. 5; 17, с. 7].

Юридическая замена лиц составляет основную, фундаментальную идею представительства. «Но с активным развитием экономической жизни и её потребностей эта основная идея получает более широкое практическое

применение: представительство становится средством для расширения сферы юридической деятельности лица. Посредством представителей лицо может совершать одновременно юридические действия в различных и даже самых отдалённых местах. Одно лицо представляется действующим в нескольких лицах» [15, с. 7].

Е. Л. Невзгодина в своей работе отмечает, что имеющиеся в литературе высказывания относительно юридической природы представительства можно подразделить на две концепции: концепцию «действия» и концепцию «правоотношения» [17, с. 13].

Концепция «действия», обоснованная В. А. Рясенцевым [4] и разделяемая целым рядом учёных [18, с. 184; 19, с. 184; 20, с. 273; 21, с. 225], трактует представительство как «совершение определённых *действий* одним лицом – представителем в пределах полномочия от имени другого лица – представляемого» [22, с. 1065]. Названная концепция нашла своё отражение как в «позднем» законодательстве «советского» периода: ст. 15 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 г., ст. 62 ГК РСФСР 1964 г., так и в современной гражданской кодификации (в настоящее время – ст. 182 ч. 1 ГК РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301).

В. К. Андреев считает, что *представительство* в гражданском праве можно определить как «*юридический способ приобретения и осуществления гражданских прав и обязанностей*, как *правовую форму участия в имущественном обороте*, при которой *одно лицо непосредственно приобретает права и обязанности посредством действий другого лица*» [23, с. 22].

И. Б. Новицкий в своём учебнике даёт формулировку более ранней ст. 39 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года [24, с. 95]. Согласно названной статье, *представительством* в гражданском праве называется такое *отношение*, при котором одно лицо (представитель) совершает сделку или иное правомерное действие, а юридические последствия этих действий (права и обязанности) возникают в лице другого (представляемого), от имени и за счёт которого действовало первое лицо. Такое понимание представительства характерно для сторонников так называемой концепции «правоотношения» [9, с. 92; 25, с. 199; 26, с. 210; 27, с. 262]. И хотя на протяжении всего своего дальнейшего развития эта концепция всё более конкретизировалась, делалось указание на то, что действия всегда должны совершаться в пределах, предоставленных представителю полномочий, тем не менее, на протяжении всего периода своего существования она подвергалась критике.

Более того, все вышеназванные определения представительства, несмотря на своё разнообразие, не внесли полной ясности в определение состава представительства.

В. К. Андреев, в частности, говорит что «представительство не может быть названо правоотношением в своей совокупности внутренних и внешних отношений» [23, с. 20–22]. Далее В. К. Андреев отмечает, что представительство как юридический приём не имеет и самостоятельного объекта. «То, на что направлена деятельность представителя, – пишет он, – являлось бы предметом действия представляемого при нормальном развитии событий [23, с. 22].

Однако подобная точка зрения, как представляется, имеет существенные недостатки. Являясь типичным примером вышеупомянутой «концепции действия», она рассматривает поверенного как инструмент совершения сделки. При коммерческом представительстве между представителем и представляемым всегда возникают правоотношения, т. к. в его основе всегда лежит соглашение сторон.

Как справедливо замечает Е. Л. Невзгодина, возражая сторонникам концепции «действия», «если представительство – это деятельность по осуществлению полномочия, то получается, что внутреннее правоотношение не входит в состав этой деятельности. Но правоотношение и не может входить в состав деятельности, напротив, деятельность может составлять содержание последнего: из действий слагаются общественные отношения. Если же представительство рассматривается как единство правоотношений, необходимых и достаточных для достижения цели представительства, то внутреннее правоотношение, напротив, входит в состав представительства, хотя наличия этого правоотношения ещё не достаточно для достижения цели представительства, ибо полномочие реализуется по отношению к третьим лицам» [17, с. 13–14].

Я. А. Куник отмечает, что «в отношениях по представительству участвуют два лица – представитель и представляемый. Представитель – лицо, совершающее сделки или иные правомерные юридические действия от имени другого лица по его полномочию. Все правовые последствия возникают не для представителя, а для представляемого» [28, с. 100–101].

Д. Фридман указывает, что представительство – это «правоотношение, существующее между двумя лицами, когда одно из них (агент) рассматривается правом в качестве представителя другого (принципала)…» [29, с. 57]. В. Боудстед определяет представительство как «правоотношение, существующее между двумя лицами, одно из которых прямо или подразумеваемо соглашается, что другое будет представлять его и действовать в его интересах, а другое – также соглашается действовать таким образом» [29, с. 57].

Из того, что представительство – это двустороннее правоотношение между принципалом и агентом исходят также У. Сиви, Г. Реусчлейн, У. Грегори, Р. Андерсон. Этой же позиции придерживается и Американский Институт Права [29, с. 57].

Поэтому более верным, представляется различать в отношениях представительства трёх субъектов – представляемого, представителя и третье лицо, с которым у представляемого возникает правовая связь благодаря действиям представителя. Представительство можно сконструировать как правоотношение, состоящее из системы правоотношений.

1) правоотношения между представляемым и представителем;

2) правоотношения между представляемым и третьими лицами;

3) правоотношения между представителем и третьим лицом.

Исходя из этого, некоторые правоведы, например, Д. Мурдоч, Б. Маркесинс и Р. Манди утверждают, что «представительство невозможно понять с позиции двустороннего правоотношения, как невозможно определить треугольник, обращаясь только к одной из его сторон». С их точки зрения, представительство является трёхсторонним правоотношением, включающим в себя все вышеназванные правоотношения [30, с. 55]. При этом Д. Мурдоч указывает, что «наиболее важным правоотношением, входящим в структуру представительства, является правоотношение между принципалом и третьим лицом» [30, с. 55].

Необходимость участия третьих лиц в установлении и реализации экономических отношений возникла ещё при первобытнообщинном строе – обмен между племенами при посредстве родовых старейшин каждой стороны [31, с. 160] как чисто экономический акт, не имеющий юридической формы, ввиду отсутствия самого государства и права. С возникновением государства и права, углублением разделения труда и появлением клана купцов, который «не принимая никакого участия в производстве, становится неустранимым посредником между каждыми двумя производителями и эксплуатирует обоих» [31, с. 166], обмен с участием третьих лиц опосредуется правом [32, с. 79].

А. В. Голубев в своей работе, в частности отмечает, что понятие «посредник» (антрепренер), к категории которых мы относим и коммерческого представителя, можно рассматривать как предшествующее появлению термина «предприниматель» [33, с. 13].

Таким образом, возникнув как бы из «одного корня», посредничество породило различные правовые институты, в том числе представительство как наиболее универсальную правовую форму посредничества.

А. Медведев отмечает, что «характерной чертой посреднической деятельности является то, что она осуществляется по поручению и за счёт другой стороны» [34, с. 77]. Такая формулировка, на первый взгляд, вызывает возражения, так как противоречит пониманию посредничества в широком смысле, как «содействию соглашению, сделке между сторонами» [35, с. 492], пониманию посредника, как «связующего звена между сторонами, желающими заключить сделку» [36, с. 150].

Что касается того, что посредник должен действовать всегда за счёт лица, в интересах которого он действует, то здесь мы не можем согласить-

ся с А. Медведевым, так как коммерческий представитель (как и любой другой посредник) действует не всегда за счёт представляемого, но и за свой счёт. При этом не стоит отождествлять понятия «действия за счёт представляемого» и «получение вознаграждения», так как «здесь, по сути, имеют место две сделки: реализация собственно посреднических услуг и реализация товара (услуг, работ) третьему лицу» [37].

Поэтому представляется, что посредником может быть только тот, кто действует при заключении сделок в интересах определённого круга лиц, и, правовой результат для которых достигается именно через их посредство. При этом, права по совершаемым сделкам должны переходить от лиц, в интересах которых действует посредник, к третьим лицам, минуя этого посредника.

А. П. Сергеев [38, с. 256] утверждает, что, хотя посредник, как и представитель, совершает активные юридические действия, имеющие волевой характер, тем не менее, действия первого лишь способствуют заключению договора между сторонами, но сами по себе стороны не связывают, в то время, как деятельность представителя не сводится только к такой технической помощи, а выражается в установлении правовых отношений между представляемым и третьим лицом. Аналогичное утверждение мы можем найти и в учебнике Д. И. Мейера [39, с. 176]. Однако можно понять, что, говоря о посреднике, и Д. И. Мейер, и А. П. Сергеев имеют в виду маклера.

Из смысла ст. 184 ГК РФ следует, что деятельность коммерческого представителя основывается не на трудовых правоотношениях, а на гражданско-правовом договоре (договорах). Таким образом, можно смело утверждать, что коммерческий представитель является посредником в гражданском обороте между представляемым и третьими лицами.

Вместе с тем, неверно утверждать, что понятие «посредник» и понятие «коммерческий представитель» идентичны и взаимозаменяемы. Безусловно, что понятие «посредник» более широкое, чем «коммерческий представитель». В то же время и понятие «представительство» гораздо шире «коммерческого представительства». Поэтому, говоря о том, что «коммерческое представительство» является одним из видов посреднической предпринимательской деятельности или посреднической деятельности, как более общего понятия, всё же не следует отождествлять понятия «представительство» и «посредничество».

Изложенное позволяет сделать вывод о *посредническом характере* деятельности коммерческого представителя. Характерной чертой посреднической деятельности, как представляется, является то, что она *осуществляется на возмездных началах* в *интересах другой стороны* и за её счёт или за свой счёт.

Разумеется, что понятие «коммерческий представитель» в отечественной цивилистике и аналогичные понятия, как скажем, «торговый

агент», «торговый представитель» в зарубежных правовых системах во многом похожи, хотя и не идентичны. Это связано как с историческими, так и с правовыми традициями той или иной правовой системы, на чём достаточно подробно мы остановимся в следующей главе. Однако, с точки зрения сравнительного правоведения, мы всё же можем проводить некоторые аналогии и параллели между этими сходными юридическими институтами и связанными с ними проблемами. В пользу подобного вывода говорит и тот факт, что в Гражданском кодексе РФ нормы, регулирующие интересующий нас институт, были разработаны с учетом не только своего отечественного, но и зарубежного опыта.

Любопытно, что до принятия ч. 1 Гражданского кодекса РФ российская наука в определении понятия коммерческого представительства занимала более последовательную позицию. В более общем виде коммерческое представительство понималось как торговое посредничество, при котором представитель осуществляет свою деятельность в соответствии с данным ему поручением за определённое вознаграждение, причём независимо от того действует ли лицо от имени представляемого или от своего собственного имени. А. С. Комаров в своей работе [40, с. 6, 13, 20] к договорам коммерческого представительства (агентства) относит, не придавая значения, от чьего имени действует лицо, договоры поручения, комиссии, консигнации.

Именно на таком «широком» понимании представительства настаивали и многие дореволюционные и советские учёные, глубоко исследовавшие проблему представительства [15; 20–23]. В. К. Андреев [23, с. 22] высказывает мнение, что представительство в гражданском праве можно определить как юридический способ приобретения и осуществления, гражданских прав и обязанностей, как правовую форму участия в имущественном обороте, при которой одно лицо непосредственно приобретает права и обязанности посредством действий другого лица.

Из ст. 182 ГК РФ же следует, что необходимыми и специфическими признаками гражданско-правового представительства является *выступление одного лица от имени другого*. Однако содержание выделенного выражения понималось в цивилистике не всегда дословно. В научной литературе можно встретить его трактовку как действия по отношению к третьим лицам [41, с. 193], как действие, совершённое при осведомлённости третьих лиц о представительном характере действий [42, с. 16, 17], как юридически целенаправленное действие [43, с. 209], или как условие, порождающее непосредственно правовой результат для другого лица [44, с. 335; 45, с. 135].

Е. Л. Невзгодина [17, с. 13–14] в своей работе приходит к выводу, что выступление от имени представляемого – это правомерное действие представителя, совершаемое в интересах представляемого по отношению к третьим лицам, осведомлённым о представительном характере действия, и

направленное на приобретение или осуществление прав и обязанностей представляемого с непосредственным правовым результатом для последнего. Иными словами, представительство в гражданском праве характеризуется полным замещением представляемого представителем в процессе совершения тех или иных юридических действий.

То же самое, на наш взгляд, можно будет сказать и о настоящем понятии коммерческого представительства, учитывая, конечно, специфику последнего. Между тем, по логике законодателя оно применимо лишь в договоре поручения и неприемлемо ни в договоре комиссии, ни в договоре доверительного управления имуществом, а в агентском договоре – лишь в случае, когда действия агента совершаются именем принципала.

Получается парадоксальная ситуация, что агент, являясь по своей сути представителем в агентском договоре в одном случае будет действовать как коммерческий представитель, в другом – как лицо с явно неопределённым статусом.

На наш взгляд, нормативная база, регулирующая агентирование, представленная в современном ГК РФ чрезвычайно мала и содержит лишь общие положения, по сравнению с достаточно разработанным и подробно регламентированным законодательством стран общего права. Косвенным доказательством тому служит содержащееся в п. 4 ст. 1005 ГК РФ положение, что законом может быть предусмотрены особенности отдельных видов агентского договора. Однако такие законы до сих пор не разработаны.

Стремление достичь единообразного регулирования определённых отношений приобретает различные формы. Наиболее распространённым способом унификации является принятие международной конвенции.

Что касается отношений по представительству, осуществляемому самостоятельными торговыми агентами, то в целях унификации норм, Советом Министров ЕС в декабре 1986 года была принята Директива о торговых агентах № 86/653. В настоящее время принимаются меры по реализации Директивы в законодательствах стран сообщества. Для достижения аналогичной цели также призвана служить конвенция, подготовленная римским Международным институтом по унификации частного права (УНИДРУА) и принятая в 1983 году на Женевской конференции (так и не вступившая в силу из-за отсутствия необходимого количества ратификаций).

Бесспорно, что явные противоречия в регулировании понятия «представительство» в двух крупнейших правовых системах при расширении мировой торговли не могли не привести к мысли о единообразном урегулировании некоторых спорных вопросов, решавшихся различно в каждой из этих правовых систем.

Важная роль института представительства в торговом обороте большинства стран мира и в мировой торговле в целом явилась причиной того, что уже начиная с 1935 года УНИДРУА ведутся исследования, связанные с

унификацией правовых норм, регулирующих представительство с международным элементом. Причём характерно, что первоначально эти исследования велись с позиций системы права стран континентальной Европы. В 1961 году УНИДРУА был опубликован проект, исходивший из свойственного странам с дуалистической системой права деления представительства на прямое и косвенное. Однако такой подход не был поддержан странами англо-американской системы права, которым подобное деление неизвестно. Поэтому впоследствии по инициативе Англии была произведена работа по созданию проекта конвенции, в котором представительство рассматривалось уже с позиций общего права. В конце концов, эта работа увенчалась успехом на проходившей в Женеве с 31 января по 17 февраля 1983 г. дипломатической конференции, в работе которой принимали участие и делегации ряда «социалистических» стран, в том числе и СССР [46].

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что строгое разделение представительства на прямое и опосредованное (косвенное) не является естественной потребностью права.

Ситуация в общем праве свидетельствует о том, что возможность скрытого принципала отстаивать свои интересы с помощью исков по договорам, заключённым за его счёт, и возможности третьего лица также защищать свои интересы ссылкой на принцип доверия к стороне, подписавшей договоры, как к действительному партнёру, строго сбалансированы, подобно тому как это имеет место в немецком праве цессии [7, с. 158–159].

Под *представительством*, таким образом, следует понимать такое отношение, по которому одно лицо, имеющее полномочия для совершения действий от имени и (или) в интересах представляемого (представитель) действует по поручению представляемого.

Ввиду имеющихся противоречий п. 7 ст. 16 Федерального закона «Об организованных торгах» [1], п. 2.1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2] и п. 1 ст. 184 ГК РФ, п. 1. ст. 184 ГК РФ предлагается изложить, как минимум, в следующей редакции: «Коммерческим представителем является лицо, постоянно и самостоятельно представительствующее от имени предпринимателей при заключении ими договоров в сфере предпринимательской деятельности. В случае, если коммерческий представитель является участником организованных торгов, допускается представительство лиц, не являющихся предпринимателями».

Если сравнить с положениями абз. 3 п. 1 статьи 2 ГК РФ: предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, *направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами*, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Если термин «самостоятельная» встречается и в официальном определении предпринимательской деятельности, то термин

«постоянно» можно рассматривать как эквивалентный *направленности деятельности на систематическое получение прибыли.* В то же время, нигде в положениях о коммерческом представительстве прямо не указано, что данный вид деятельности осуществляется *«на свой риск»*, равно как и обязанность *регистрации* коммерческого представителя *в качестве предпринимателя.* Впрочем, дополнительные требования к отдельным видам коммерческих представителей могут вытекать из норм ГК РФ и (или) положений специальных законов.

К профессиональным коммерческим (торговым) представителям в современном торговом обороте следует отнести не только поверенного в договоре поручения с участием профессионального коммерческого представителя, но и лиц, осуществляющих брокерскую деятельность профессиональных участников рынка ценных бумаг (ст. 3 Закона «О рынке ценных бумаг») [2], агента в агентском договоре (глава 52 ГК РФ), экспедитора (глава 41 ГК РФ), страхового агента (ст. 8 Закона «Об организации страхового дела») [3], агента в договоре морского агентирования (ст. 232 Кодекса торгового мореплавания РФ) [4], посредника (морского брокера) в договоре морского посредничества (ст. 240 Кодекса торгового мореплавания РФ) [4], таможенного представителя (статья 60 ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации») [5] и др. [6].

Ввиду вышеизложенного полагаем, что терминологически следует различать следующие взаимосвязанные понятия. Имеются признаки, которые отличают коммерческое представительство как правовое явление от иных форм посредничества в предпринимательской деятельности.

На наш взгляд, нормы о представительстве следует выделить в отдельный параграф, а не регулировать применительно к договору поручения. Эти положения должны находиться в разделе «Представительство» и носить общий характер по отношению к договорам, которые могут оформлять отношения коммерческого представительства.

---

1. Об организованных торгах [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ: в ред. федер. законов Рос. Федерации от 29 декабря 2012 г. № 282-ФЗ, от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ, от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ: ред. от 28 декабря 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об организации страхового дела в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон Рос. Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1: ред. от 4 июня 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [Электронный ресурс] от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ: ред. от 3 февраля 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О таможенном регулировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ: ред. от 5 мая 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О клиринге и клиринговой деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ: в ред. федер. законов Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 327-ФЗ, от 30 ноября 2011 г. № 362-ФЗ, от 3 декабря 2011 г. № 383-ФЗ, от 29 декабря 2012 г. № 282-ФЗ, от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ, от 12 марта 2014 г. № 33-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М.: Международные отношения, 1998. Т. 2.

8. Тынель А., Функ Я., Хвалей В. Курс международного торгового права. Минск: АМАЛФЕЯ, 1999.

9. Гражданское и торговое право капиталистических государств / под редакцией Е. А. Васильева, 1993.

10. Рясенцев В. А. Понятие и юридическая природа полномочия представителя в гражданском праве: методические материалы. М.: ВЮЗИ, 1948. Вып. 2.

11. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995.

12. Евецкий А. А. О представительстве при заключении юридических сделок. Харьков, 1877.

13. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954.

14. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и её последствия. Л.: ЛГУ, 1960.

15. Представительство в гражданском праве. Исследование А. О. Гордона присяжного поверенного при С.-Петербургской Судебной Палате. СПб., 1879.

16. Свободное представительство в римском гражданском праве. Историко-юридическое исследование Л. Н Казанцева, приват-доцента Университета Св. Владимира. Киев, 1884.

17. Невзгодина Е. Л. Представительство по советскому гражданскому праву. Томск, 1980.

18. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.

19. Пергамент А. И. Опекун как гражданско-правовой представитель несовершеннолетнего // Учёные записки ВНИИСЗ, 1968. Вып. 14.

20. Советское гражданское право. М.: Высшая школа, 1968. Т. 1.

21. Советское гражданское право. М.: ВЮЗИ, 1975. Т. 1.

22. Советский энциклопедический словарь / под редакцией А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1982.

23. Андреев В. К. Представительство в гражданском праве. Калинин. Калининградский государственный университет, 1978.

24. Советское гражданское право / под ред. проф. И. Б. Новицкого. М.: Госюриздат, 1959.

25. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л.: ЛГУ, 1967.

26. Советское гражданское право. М.: Высшая школа, 1972. Т. 1.

27. Советское гражданское право / под ред. О. А. Красавчикова. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1985. Т. 1.

28. Советское гражданское право / под ред. Я. А. Куника. М.: Юридическая литература, 1973.

29. Fridman G. H. The Law of Agency. L., 1976. P. 8. Цит. по: Субботин Н. А. Представительство в англо-американском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 1983.

30. Markesinis B. S., Munday R. J. An Outline of the Law of Agency. L., 1979. P. 7; Murdoch J. R. The Law of Estate Agency and auctions. L., 1975. P. 4. Цит. по: Субботин Н. А. Указ. соч.

31. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 21.

32. Рясенцев В. А. Происхождение представительства и его сущность в буржуазном гражданском праве // Вопросы гражданского права. Учёные записки ВЮЗИ. Вып. X.

33. Голубев А. В. Предпринимательство в процессе становления гражданского общества: автореф. дис. … канд. соц. наук. М., 1998.

34. Медведев А. Гражданско-правовые сделки: бухгалтерская и налоговая неопределённость // Хозяйство и право. 1999. № 3.

35. Ожегов С. И. Словарь.

36. Васин В. Н., Ерёмичев И. А., Коршунов А. И. Правовые основы предпринимательской деятельности. М.: ЮИ МВД РФ, 1994.

37. Аудиторские ведомости. 1998. № 4.

38. Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. М., 1997. Ч. 1.

39. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 1997. Ч. 1.

40. Договоры о коммерческом представительстве. М.: Академия Внешней торговли, 1994.

41. Гражданское право. Ч. 2. М.: Юриздат, 1938.

42. Шерешевский И. В. Представительство. Поручение и доверенность. Практический комментарий к ГК РСФСР, 1925.

43. Гражданское право. Т. 1. М.: Юриздат, 1944.

44. Иоффе О. С., Толстой Ю. К. Новый ГК РСФСР. Издательство ЛГУ, 1965.

45. Черняев Ю. А., Яменфельд Г. М. Основы гражданского и трудового права. М.,1974.

Ключевые слова: Гражданский кодекс РФ; коммерческое представительство; торговый (коммерческий) представитель; профессиональное представительство; поручение; агентирование.

УДК 347.1

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Гришин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Гришина Марина Викторовна,
специалист по контролю контрактования и соблюдения процедур,
АО «Орёлнефтепродукт»
302001, г. Орел, ул. Маяковского, 40

Дроздова Елена Владимировна,
мировой судья,
судебный участок № 1
Железнодорожного района г. Орла
302006, г. Орел, ул. Московская, 159

В статье рассматриваются порядок и особенности прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия.

В соответствии с пп. 11.1, 11.2 Пекинских правил при рассмотрении дел несовершеннолетних правонарушителей следует по возможности не прибегать к официальному разбору дела компетентным органом власти. В связи с этим одной из гуманных процедур, закрепленных УПК РФ вслед за Пекинскими правилами, является дополнительное основание прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних – прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия.

Согласно ч. 1 ст. 427 УПК РФ, если в ходе предварительного расследования уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести

будет установлено, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания, то следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 90 УК РФ, которое вместе с уголовным делом направляется руководителем следственного органа или прокурором в суд.

Прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия является процессуальной формой реализации нормы ч. 1 ст. 90 УК РФ, в соответствии с которой несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Следовательно, применение принудительных мер воспитательного воздействия имеет двойственную природу: уголовно-правовое содержание и уголовно-процессуальную форму его осуществления.

Принудительные меры воспитательного воздействия по своей природе являются уголовно-правовыми мерами и представляют собой разновидность мер государственного принуждения. Тем не менее, они не являются наказанием, поскольку ст. 44 УК РФ, предусматривающая исчерпывающий перечень видов наказаний, не называет среди них рассматриваемые меры.

Однако и уголовное наказание, и принудительные меры воспитательного воздействия имеют одинаковые цели:

а) восстановление социальной справедливости,

б) исправление лица, совершившего преступление,

в) предупреждение совершения новых преступлений.

Различие между уголовным наказанием и принудительными мерами воспитательного воздействия заключается в способах достижения этих целей (степени изоляции от общества, применяемых приемах и методах воспитательного воздействия, степени контроля за поведением), а также в субъектах воспитательного воздействия.

Таким образом, целями принудительных мер воспитательного воздействия являются:

- предотвращение совершения подростком новых преступлений путем усиления контроля за его поведением;

- выработка отрицательного отношения несовершеннолетнего к совершению преступлений путем установления обязанности возместить причиненный вред;

- устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, путем ограничения досуга, определения необходимых форм поведения подростка.

Принудительные меры воспитательного воздействия выполняют не карательные, а воспитательные цели. Воспитательный характер принудительных мер проявляется в том, что они основаны, прежде всего, на принципе убеждения, действие которого проявляется в том, что до несовершеннолетнего доводится недопустимость совершения противоправных действий, подчеркивается их отрицательная оценка со стороны государства. Принудительный характер данных мер состоит в том, что,

во-первых, правом их назначения обладают исключительно суды;

во-вторых, они назначаются вне зависимости от воли несовершеннолетнего;

в-третьих, исполнение рассматриваемых мер обеспечивается принудительной силой государства.

Таким образом, главными в принудительных мерах воспитательного воздействия являются психолого-педагогические и связанные с ними методы корректировки личности, подкрепленные отрицательной оценкой деяния.

Анализ ч. 1 ст. 427 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что прекращение уголовного преследования по рассматриваемому основанию является правом следователя и дознавателя. Удовлетворение ходатайства о прекращении уголовного преследования также является правом суда, но не его обязанностью.

Основаниями прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия является доказанность следующих обстоятельств:

1. Несовершеннолетие лица, совершившего преступление.

Прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия применяется исключительно в отношении несовершеннолетнего лица, то есть лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста.

Как уже говорилось ранее возраст подростка, число, месяц и год рождения являются обстоятельством, подлежащим установлению по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним [1].

Заметим, что действующее законодательство не уточняет, должно ли лицо быть несовершеннолетним на момент совершения преступления или на момент принятия решения о прекращении уголовного преследования. В то же время согласно ч. 1 ст. 420 УПК РФ требования главы 50 Кодекса, которая содержит нормы о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия, применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемна-

дцати лет. Кроме того, ст. 90 УК РФ предусматривает применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет.

Более того, согласно ст. 96 УК РФ в исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности суд может применить положения главы 14 УК РФ к лицам, совершившим преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, кроме помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием либо воспитательную колонию. Следовательно, данная категория лиц также может быть освобождена от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Однако УПК РФ не содержит положения, корреспондирующего с нормой ст. 96 УК РФ.

2. Совершение преступления впервые.

Совершение несовершеннолетним преступления впервые должно толковаться не в фактическом, а в юридическом смысле. Решая вопрос о том, совершено ли преступление впервые, необходимо руководствоваться ст. 17, 18 УК РФ, определяющими совокупность и рецидив преступлений.

В соответствии с чч. 1, 2 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было освобождено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 18 УК РФ рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. При этом при признании рецидива преступлений не учитываются: а) судимости за умышленные преступления небольшой тяжести; б) судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет; в) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись, и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном ст. 86 УК РФ.

В целом, лицо считается впервые совершившим преступление в тех случаях, когда:

а) оно вообще не привлекалось к уголовной ответственности (фактически совершило преступление в первый раз);

б) судимости за ранее совершенные преступления погашены или сняты в установленном законом порядке, в том числе в результате актов амнистии и помилования [1];

в) истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности;

г) истекли сроки давности обвинительного приговора суда;

д) лицо освобождалось от уголовной ответственности.

Однако вероятность того, что в несовершеннолетний, ранее освобождавшийся от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям или имевший судимость, исправится путем применения к нему мер воспитательного воздействия, очень низкая. Так, анализ статистических данных показывает, что «... доля подростков, ранее освобожденных от уголовной ответственности (наказания) и вновь совершивших преступления, на этот раз тяжкие, в числе всех лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности (наказания) и вновь совершивших преступления, находится за 80-процентным барьером» [2, с. 168]. В связи с этим данные обстоятельства должны учитываться следователем, дознавателем и судом при оценке способности несовершеннолетнего исправиться путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Доказывание факта совершения преступления впервые осуществляется путем приобщения к материалам уголовного дела необходимых документов:

- справок о проверке судимости,
- копий постановлений о прекращении уголовного дела и т. д.

Сведения о судимости фиксируются также в протоколах допросов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

3. Совершение преступления небольшой или средней тяжести.

Ограничение категории преступлений, за совершение которых возможно назначение принудительных мер воспитательного воздействия, обусловлено тем, что в случае совершения несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести общественная опасность преступления и личности лица, его совершившего, является невысокой и может не требовать воздействия на него путем назначения уголовного наказания.

В соответствии со ст. 15 УК РФ преступлениями небольшой и средней тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает соответственно двух и пяти лет лишения свободы.

4. Возможность исправления несовершеннолетнего путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия.

Исправление подростка заключается в том, чтобы с помощью принудительных мер воспитательного воздействия изменить отрицательные качества подростка, под влиянием которых было совершено преступление, привить ему уважительное отношение к закону, правам и интересам дру-

гих граждан, то есть достичь такого результата, когда несовершеннолетний не совершит других преступлений.

Установление возможности исправления подростка связано с определенным риском, поскольку такой вывод связан с прогнозированием дальнейшего поведения несовершеннолетнего. При этом достоверность предвидения зависит от того, насколько тщательно проанализированы все обстоятельства дела и данные о личности подростка.

Данное основание является единственным, которое предполагает оценочную деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда. При этом ни в уголовно-процессуальном законе, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации не разъясняется, какие обстоятельства должны свидетельствовать о возможности исправления несовершеннолетнего путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Именно поэтому доказывание данного основания применения принудительных мер воспитательного воздействия вызывает трудности у практических работников.

О возможности исправления несовершеннолетнего могут свидетельствовать следующие факты:

- мотивы совершенного преступления. Например, совершение деяния по мотивам спора, озорства, любопытства может говорить о том, что личность подростка не столь опасна для общества;

- второстепенная роль в совершении преступления;

- положительное поведение подростка до совершения преступления: отсутствие судимости и привлечения к административной ответственности; подросток не доставлялся в органы полиции и не состоит там на учете; хорошая учеба или трудовая деятельность, нормальное поведение в быту; положительный образ жизни, хорошие взаимоотношения с другими лицами и т. д.

- позитивное посткриминальное поведение несовершеннолетнего: признание вины, раскаяние в содеянном, явка с повинной, осознание противоправного характера совершенного деяния, оказание помощи в раскрытии преступления, добровольное возмещение причиненного ущерба, примирение с потерпевшим, стремление загладить причиненный преступлением вред и т. д. [3, с. 24–25, 29].

В теории уголовно-процессуального права и практической деятельности часто возникает вопрос о возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, не признавшим свою вину. Большинство ученых полагает, что прекращение уголовного дела возможно только в случае признания подростком себя виновным в совершенном преступлении и раскаянии в содеянном.

Для установления возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия необходимо как можно тщательнее изучить условия жизни и воспитания

подростка, особенности его личности, причины, и условия, способствовавшие совершению преступления, то есть все обстоятельства, подлежащие обязательному установлению по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним.

Доказывание возможности исправления несовершеннолетнего путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия осуществляется с помощью показаний свидетелей (родителей, соседей, учителей, друзей и т. д.), приобщения к делу различных характеристик. Кроме того, следует выяснить мнение педагога или психолога о возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, а также относительно того, какой вид принудительных мер воспитательного воздействия будет в большей степени способствовать исправлению несовершеннолетнего [3, с. 29].

Таким образом, прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия имеет ряд особенностей, которые отличают его от иных видов прекращения уголовного преследования и уголовного дела.

Во-первых, вывод о возможности применения данного вида прекращения уголовного преследования основан не только на обстоятельствах, имевших место в прошлом или имеющихся в данный момент, но и предполагает прогностическую деятельность следователя, дознавателя и суда.

Во-вторых, прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия носит условный характер, поскольку закон предъявляет ряд требований к поведению подростка в будущем, исполнение которых является обязательным. Нарушение данных требований влечет отмену принудительных мер воспитательного воздействия и привлечение его к уголовной ответственности. Все иные виды прекращения уголовного преследования и уголовного дела являются безусловными, так как к последующему поведению лиц, совершивших преступления, закон не выдвигает никаких условий. Однако далеко не все виды принудительных мер воспитательного воздействия носят условный характер. Анализ п. «а» ч. 2 ст. 90 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что предупреждение носит разовый, а, следовательно, безусловный характер.

---

1. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1: в ред. постановлений Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 февраля 2012 г. № 3, от 2 апреля 2013 г. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Авалиани К. А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: дис. … канд. юрид. наук. Кемерово, 2009.

3. Анферова О. А. Проблемы прекращения уголовного дела (преследования) с применением к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.

Ключевые слова: прекращения уголовного преследования, применение принудительной меры воспитательного воздействия.

УДК 343.13

ОТНЕСЕНИЕ К РАЗНОВИДНОСТИ ИМУЩЕСТВА ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ (КОРРЕСПОНДЕНЦИИ). НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫЕ ОТПРАВЛЕНИЯ (КОРРЕСПОНДЕНЦИЮ), РАЗРЕШЕНИЕ НА ИХ ОСМОТР И ВЫЕМКУ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СВЯЗИ

Ермакова Алина Леонидовна,
курсант 2 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Научный руководитель: Гришин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Статья посвящена отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу особенностей наложения ареста на различные виды имущества, а также вопросам контроля над незаконной реализацией арестованного имущества

Субъекты, на имущество которых законом разрешено наложение ареста на имущество, перечислены в частях 1 и 3 ст. 115 УПК РФ. К ним отнесены: 1) обвиняемый; 2) подозреваемый; 3) лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия; 4) другие лица, у которых находится имущество, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

Последний из приведенных пунктов нуждается в специальных пояснениях, поскольку включенные в ч. 3 ст. 115 УПК РФ положения непросты для практического применения. Так, арест на имущество, находящееся у других лиц, может быть наложен только при наличии достаточных оснований полагать, что такое имущество получено в результате преступных действий обвиняемого (подозреваемого).

Сразу же возникает вопрос, подлежит ли аресту имущество, находящееся у других лиц, если такое имущество получено обвиняемым (подозреваемым) законным путем до совершения преступления, которым причинен вред потерпевшему, но передано этим лицам на хранение, во владение, пользование в целях сокрытия от ареста и препятствования его изъятию в обеспечение гражданского иска, других имущественных взысканий, возможного штрафа или конфискации имущества. Буквальное толкование ч. 3 ст. 115 УПК РФ приводит к выводу, что указанное имущество арестовано быть не может.

В одном из комментариев к УПК РФ отмечалось, что ограничение на арест имущества иных лиц, указанием на то, что в деле имеются достаточные доказательства о приобретении подозреваемым или обвиняемым данного имущества преступным путем, не касается случаев укрытия ими имущества от наложения ареста у других лиц [1, с. 324]. Но подобный вывод прямо не следует из текста ст. 115 УПК РФ. Не дает оснований для аналогичного вывода и сама ст. 115 УПК РФ. Вместе с тем; комментируя ст. 115 УПК РФ, М. М. Корнеев полагает, что ограничение ареста имущества других лиц наличием в деле доказательств, указывающих на получение этого имущества в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, не касается имущества подозреваемого или обвиняемого, укрываемого этими лицами от наложения ареста [2, с. 231].

По мнению А. П. Короткова, наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих материальную ответственность за их действия, допускается вне зависимости от места, где оно находится [3, с. 216]. Такой же точки зрения придерживается И. Л. Петрухин [4, с. 183].

Хотя названные процессуалисты и пытаются представить законодательную регламентацию наложения ареста на имущество таким образом, что она однозначно предоставляет возможность ареста имущества обвиняемого (подозреваемого) независимо от того, где и у кого оно находится, на самом деле это не так.

В части 3 ст. 115 УПК РФ сказано, что имущество, находящееся у других лиц, может быть арестовано, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого. Из приведенной формулировки закона вытекает, что на любое другое имущество, находящееся у посторонних лиц, в том

числе на имущество, принадлежащее подозреваемому, обвиняемому на законных основаниях, арест наложен быть не может.

В части 1 ст. 115 УПК РФ также нет указания на возможность наложения ареста на имущество обвиняемого (подозреваемого) независимо от места его нахождения. Из ее содержания такой вывод можно сделать весьма условно.

Поэтому полностью соответствующим букве закона надлежит расценивать вывод А. Д. Марчука и А. В. Федулова, сделанный ими при комментарии ст. 115 УПК РФ: «... наложение ареста возможно и на имущество, которое находится у других лиц, но только в том случае, если в уголовном деле имеются доказательства, что это имущество получено в результате преступных действий подозреваемого или обвиняемого» [5, с. 327].

Очевидно, что закон должен прогнозировать распространенные в реальной действительности случаи укрывания обвиняемым (подозреваемым) имущества у других лиц и предусматривать его арест и изъятие. Для этого ч. 3 ст. 115 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «Арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно принадлежит подозреваемому, обвиняемому или получено в результате их преступных действий».

Анализ ст. 115 УПК РФ показывает, что для наложения ареста на имущество, полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого и находящееся у других лиц; не имеет значения юридическое основание, по которому такое имущество перешло к ним. Поэтому в любом случае, передано ли, приобретенное обвиняемым (подозреваемым) преступным путем имущество на хранение или во временное пользование другим лицам, перешло ли к ним право собственности на, такое имущество, оно может быть арестовано и изъято. При переходе права собственности на имущество, полученное в результате преступных действий обвиняемого (подозреваемого), к другим лицам наложение ареста на данное имущество закон также не связывает с тем, знал ли и должен ли был знать владелец, что приобретаемое им имущество добыто преступным путем, и каким способом – возмездно или безвозмездно он получил это имущество.

Ранее в литературе высказывалась точка зрения, согласно которой при переходе права собственности на имущество, приобретенное пресступным путем, к другим лицам возможность наложения ареста на имущество и его изъятия зависит от того, знал ли и должен ли был знать владелец, что приобретаемое им имущество добыто преступным путем и каким способом он приобрел это имущество, т. е. возмездно или безвозмездно. С учетом содержания ч. 3 ст. 115 УПК РФ для положительного решения вопроса о наложении ареста на имущество и его изъятии безразлично, знало ли лицо и должно ли было знать, что приобретаемое им имущество нажито пре-

ступным путем, возмездно или безвозмездно оно приобрело это имущество. Свои права и законные интересы, регулируемые ст. 302 ГК РФ, добросовестный приобретатель будет отстаивать в порядке гражданского судопроизводства.

Заслуживает поддержки высказанное в юридической литературе предложение о дополнении ст. 115 УПК РФ нормой, содержащейся в п. 9 ч. 1 ст. 29 УПК РФ и разрешающей наложение ареста на денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях [6, с. 5]. Такое дополнение ст. 115 УПК РФ создаст прочную правовую основу для ареста счетов физических и юридических лиц (так называемых фирм-однодневок), на которых содержатся «криминальные деньги» для временного хранения, обналичивания.

Наложение ареста на имущество, учитывая его целевое назначение в уголовном судопроизводстве, предполагает принятие соответствующих мер к сохранению описанного имущества.

Уголовно-процессуальный закон в качестве гарантий обеспечения сохранности арестованного имущества предусматривает изъятие последнего и передачу на хранение собственнику, владельцу имущества либо другим лицам с предупреждением их об уголовной и гражданской материальной ответственности за необеспечение сохранности имущества.

В УК РФ уголовная ответственность лиц, которым вверено арестованное имущество, за его растрату, отчуждение, сокрытие, передачу другим лицам установлена ч. 1 ст. 312 УК РФ.

Диспозиция этой нормы изложена в следующем виде:

«Растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества, подвергнутого описи или аресту, совершенные лицом, которому это имущество вверено, а равно осуществление служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест...».

Однако данная статья УК РФ мало используется [6, с. 107]. Между тем проблема утраты описанного имущества при производстве по уголовным делам весьма актуальна и существует много лет. В разные годы исследователями констатировалась распространенность случаев «разбазаривания» арестованного имущества лицами, которым оно передано на хранение, в связи с чем возмещение причиненного преступлением ущерба и обеспечение возможной конфискации имущества по уголовному делу становилось невозможным или проблематичным. Отмечалось, что чаще всего хранителями арестованного имущества назначаются сами владельцы имущества (подозреваемые, обвиняемые, гражданские ответчики) или их родственники. По данным В. Я. Понарина, по изученным им уголовным делам в 22,0 % случаев хранителями были владельцы имущества и в 33,7% слу-

чаев – их родственники, в то время как изымалось имущество только в 16,7 % случаев.

Для сокращения числа случаев незаконной реализации арестованного имущества С. Тюрин и С. Самойлов рекомендовали обязательное его изъятие. Подобная рекомендация, безусловно, правильна, но практическая ее реализация затруднена, если исходить из того, что арестованное имущество должно храниться в правоохранительных либо содействующих им органах, в обязанности которых входит принятие мер по обеспечению возмещения вреда от преступления.

Еще в 1964 г. Пленум Верховного суда СССР в Постановлении от 25 марта 1964 г. «О практике исполнения судебных приговоров и решений: в части возмещения ущерба, причиненного преступлениями государственным, кооперативным и общественным организациям рекомендовал изъятое: имущество сдавать в камеры хранения вещественных доказательств либо с согласия потерпевших организаций передавать его им на хранение [7, с. 636].

В юридической литературе высказывалось, предложение и о необходимости оборудования для этих целей специальных камер при органах расследования. К сожалению, приходится отмечать, что, как и много лет назад, далеко не во всех органах расследования оборудованы помещения, в которых можно было бы хранить арестованное и изъятое имущество.

Если хранение имущества, похищенного из организаций, вполне может быть обеспечено последними в случае передачи им такового, то применительно к уголовным делам о преступлениях против собственности граждан рассматриваемая проблема не снимается. Поэтому фактически изымаются, в первую очередь, ценности и ценные бумаги, сберегательные книжки, денежные суммы и особо ценное имущество.

Выход из анализируемой ситуации Ф. Н. Багаутдинов видит, во-первых, в дополнении закона запретом на передачу описанного имущества на хранение самому обвиняемому, его родным, близким, т. е. заинтересованным лицам, и, во-вторых, в установлении порядка, когда описанное и изъятое имущество должно передаваться для хранения Службе судебных приставов, которая сможет обеспечить его сохранность, для чего необходимо изыскать соответствующие средства и помещения. Кроме того, он: считает целесообразным учесть опыт решения аналогичных вопросов в Положении о порядке и условиях хранения арестованного и изъятого имущества, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 7 июля 1998 г. № 723. В соответствии с данным Положением при принудительном исполнении судебных актов; имущество должника передается на хранение под роспись в акте ареста имущества должнику или другим лицам, назначаемым судебным приставом-исполнителем. Не заинтересованный в исходе спора хранитель получает за хранение имущества вознаграждение. Пре-

дусматривается также возможность заключения договоров хранения и имущественного страхования арестованного и изъятого имущества.

Предложения и соображения Ф. Н. Багаутдинова по обеспечению при расследовании уголовного дела сохранности арестованного и описанного имущества заслуживают внимания и тщательного анализа. Представляется, что их практическая реализация будет возможной по мере создания соответствующих организационно-ресурсных условий.

Особенности наложения ареста на различные виды имущества. В статье 115 УПК РФ термин «имущество» употребляется как родовое понятие и является собирательным. Понятие «имущество» в гражданском праве включает в себя, помимо вещей также и имущественные права и обязанности, которые не могут выступать объектом предусмотренного ст. 115 УПК РФ процессуального действия.

В соответствии со ст. 130 ГК РФ следует различать движимое (вещи, деньги и ценные бумаги) и недвижимое имущество (земельные участки, здания, сооружения). Кроме того, к объектам недвижимости относятся и предприятия как имущественные комплексы (ст. 132 ГК РФ).

Арест ценных бумаг. Сущность ареста ценных бумаг заключается в запрещении владельцу, эмитенту, держателю реестра ценных бумаг и депозитарию совершать операции, связанные с осуществлением обвиняемым, подозреваемым прав на арестованные ценные бумаги и предпринимать какие-либо действия в отношении них.

Законодательство и подзаконные нормативные акты о ценных бумагах содержат разветвленную; систему правовых норм, регулирующих обращение ценных бумаг.

Нормативно-правовую основу операций с ценными бумаги образуют, в частности, глава 7 Части 1 ГК РФ, Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (с изменениями и дополнениями), Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1996 г. № 208-ФЗ (с изменениями и дополнениями), Федеральный закон «О переводном и простом векселе» от 1 марта; 1997 г. № 48-ФЗ [8], Постановление ФКЦБ от 16 октября 1997 г. № 36 «Об утверждении Положения о депозитарной деятельности в Российской Федерации, установлении порядка введения его в действие и области применения», Постановление Правительства Российской Федерации от 12 августа 1998 г. № 934 , утвердившее порядок наложения ареста на ценные бумаги, письмо ФКЦБ от 26 апреля 1999 г. «Об осуществлении функций номинального держателя профессиональными участниками рынка ценных бумаг» и другие нормативные акты.

Понимая под ценными бумагами документы, удостоверяющие с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные и иные права, гражданское законодательство (ст. 143 ГК РФ) к числу ценных бумаг, относит значительное количество документов (государственная облигация, облигация, вексель, чек, коносамент, акция, депо-

зитный и сберегательный сертификат, банковская сберегательная книжка на предъявителя и др.).

В установленном порядке по каждому виду ценных бумаг определяются обязательные их реквизиты, требования к форме, иные требования. Имеется специфика осуществления операций с ценными бумагами, их учета, хранения.

В связи с этим особенности порядка наложения ареста на ценные бумаги в сфере уголовного судопроизводства закреплены в ст. 116 УПК РФ. Они сводятся к следующему:

1) арест на ценные бумаги налагается для обеспечения возможной конфискации имущества, полученного в результате преступных действий либо нажитого преступным путем, и возмещения причиненного преступлением вреда;

2) арест ценных бумаг либо их сертификатов производится по месту нахождения данного имущества или по месту учета прав их владельца;

3) ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя, аресту не подлежат;

4) в ч. 3 ст. 116 УПК РФ сформулированы специальные правила фиксации в протоколе о наложении ареста на ценные бумаги их индивидуальных свойств, признаков, сведений о лицах, участвовавших в операциях с ценными бумагами (общее количество их вид; категория (тип); серия, номинальная стоимость, государственный регистрационный номер, данные об эмитенте или лицах, их выдавших, о лицах, совершивших учет прав их владельца, о месте и времени их учета (регистрации), данные о документе, подтверждающем право собственности, сведения о депозитных операциях).

Относительно установленного ч. 2 ст. 116 УПК РФ запрета на арест ценных бумаг на предъявителя, находящихся у добросовестного приобретателя, надлежит отметить, что не подлежат аресту и ценные бумаги на предъявителя, похищенные из собственности или правомерного владения физических и юридических лиц и перешедшие в незаконное владение и распоряжение преступника, т. е. приобретенные непосредственно в результате преступных действий, бывшие их объектом. Такие ценные бумаги относятся к вещественным доказательствам (ст. 81 УПК РФ) и не могут служить средством обеспечения гражданских исков. На данное обстоятельство специально обращено внимание в Указании Генерального прокурора РФ от 20 октября 1997 г. № 63/36 «Об изъятии и наложении ареста на облигации внутреннего государственного валютного облигационного займа при проведении предварительного расследования по уголовным делам» [9, с. 182].

Некоторыми сформулированными в ст. 116 УПК РФ правилами должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу,

могут воспользоваться лишь частично, а некоторые и вовсе неприменимы с учетом специфики отдельных видов ценных бумаг.

Так, например, изъятие бездокументарных ценных бумаг не производится. Будучи арестованными, они хранятся в депозитарии. А требование закона об указании в протоколе о наложении ареста на ценные бумаги сведений о документах, удостоверяющих право собственности на эти ценные бумаги, нельзя в полной мере распространить на ценные бумаги «на предъявителя». Характер таких ценных бумаг не предполагает обязательного наличия документов, удостоверяющих право собственности на них [10, с. 288–295].

Поскольку в законе детально не регламентированы особенности ареста конкретных видов ценных бумаг, в процессуальной литературе рекомендуется при наложении ареста на документарные и бездокументарные ценные бумаги наряду с блокированием операций по лицевому счету обвиняемого в системе ведения реестра или по его счету в депозитарии одновременно арестовать, а при необходимости и изъять правоустанавливающие документы [11, с. 450].

К правоустанавливающим относятся документы, подтверждающие право собственности на ценные бумаги. Ими могут быть: выписка из системы ведения реестра владельца именных ценных бумаг; выписка со счета депо, выданная депозитарием; другие правоустанавливающие документы. Наряду с последними изыматься должны и документы, служащие основанием для внесения записей в систему ведения реестра и учетные регистры депозитария (договоры, передаточные распоряжения, поручения клиента или попечителя счета депо депозитарию, свидетельства о праве на наследство, документы, удостоверяющие факты перехода ценных бумаг юридических лиц в порядке реорганизации. При документарной форме выпуска ценных бумаг изъятию подлежат и их сертификаты.

Арест объектов недвижимости. При наложении ареста на имущество следует учитывать положения Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ [12]. Согласно данному закону недвижимое имущество подлежит обязательной регистрации. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним на территории регистрационного округа по месту нахождения недвижимого имущества.

Сведения о правах на объекты недвижимости и о переходе этих прав от одного лица к другому предоставляются по запросам правоохранительных органов. При наложении ареста на недвижимое имущество руководителю соответствующего органа по государственной регистрации недвижимости и сделок с ним направляется соответствующее постановление судьи, запрещающее производить все регистрационные операции с указанными объектами недвижимости.

Представляется, что требование ч. 5 ст. 115 УПК РФ производить наложение ареста на имущество в присутствии понятых не должно распространяться на случаи ареста недвижимости. Их участие в подобных случаях объективно лишено смысла, поскольку по своему содержанию арест объектов недвижимости сводится к направлению постановления судьи об аресте в орган по государственной регистрации недвижимости и сделок с ним.

---

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В. И. Радченко; под ред. В. Т. Томина. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Новая редакция / под общей ред. Н. А. Петухова, Г. И. Загорского. М., 2007.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей и науч. ред. А. Я. Сухарева. М., 2008.

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2002.

5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. М., 2004.

6. Багаутдинов Ф. Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ // Рос. следователь. 2002. № 10.

7. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1973. М., 1974.

8. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 11, ст. 1238.

9. Сборник основных приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации. М., 1999.

10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общей ред. В. П. Верина и В. В. Мозякова. М., 2004.

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практическое издание) / под общ. ред. В. В. Мозякова, С. И. Гирько, Г. В. Мальцева, И. Н. Барцица. М., 2003.

12. Сборник законодательства Рос. Федерации. 2001. № 11, ст. 997; № 15, ст. 1377.

Ключевые слова: наложение ареста, имущество, УПК РФ, конфискация, преступление.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ДЕТЕЙ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ РОДИТЕЛЕЙ

Жиляева Светлана Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2
e-mail: nir-orui@yandex.ru

Статья посвящена актуальной теме определения места жительства детей при раздельном проживании родителей. Автор отмечает, что одним из наиболее сложных вопросов, возникающих при расторжении брака, является вопрос определения места жительства детей. В статье проанализирована судебная практика по спорам, связанным с воспитанием детей.

По требованиям об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей в целях всестороннего и полного исследования доказательств и обстоятельств дела суд назначает экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений.

Такого рода споры между родителями разрешаются судом с учетом мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет.

В качестве примера приведем Определение Верховного Суда РФ № 45-КГ15-3 [1].

Р. (отец несовершеннолетних детей) обратился в суд с иском к Е. (матери несовершеннолетних детей) об определении места жительства детей Д. и Н., освобождении от уплаты алиментов в отношении детей, возложении на ответчика обязанности передать детей истцу.

Е. исковые требования не признала и обратилась со встречным иском к Р., в котором просила определить место жительства детей с ней.

Как установлено судом и подтверждено доказательствами по делу, брак между Е. и Р. прекращен 21 мая 2011 г. на основании решения мирового судьи. От брака стороны имеют двух несовершеннолетних детей Д. и Н. Судебным приказом от 22 января 2013 г. с Р. в пользу Е. взысканы алименты на содержание детей Д. и Н.

Р. и Е. проживают раздельно, несовершеннолетние дети Д. и Н. с сентября 2013 года по июнь 2014 года проживали с отцом.

В соответствии с актом обследования жилищно-бытовых условий от 27 июня 2014 г. по месту жительства Р. проживает вместе с женой Т. и четырьмя несовершеннолетними детьми (три сына и дочь Т.) в двухкомнатной квартире общей площадью 41,7 кв. м. У детей имеется отдельная ком-

ната, в которой присутствуют спальные места, имеются два стола для выполнения уроков, компьютер, принтер, шкаф для детской одежды, большое количество игрушек. Д. обучается в общеобразовательной школе, посещает секцию тхэквондо, Н. является воспитанником детского сада.

Согласно акту обследования жилищно-бытовых условий от 30 июня 2014 г. по месту жительства Е. на момент обследования она проживает с несовершеннолетними детьми в двухкомнатной квартире. В квартире имеется необходимая мебель для проживания, детям выделена отдельная комната 16 кв. м, где есть спальные места для детей, стол для занятий, телевизор, компьютер, игрушки, книги и др. По месту жительства Е. созданы необходимые условия для проживания несовершеннолетних детей.

Разрешая спор и определяя место жительства несовершеннолетних детей с отцом, суд первой инстанции, руководствуясь ст. 61 и 65 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее – СК РФ), исходил из того, что с сентября 2013 года дети проживали и воспитывались с отцом, которым созданы надлежащие условия для их воспитания, развития и образования, у детей сложился привычный круг общения. Кроме того, суд принял во внимание заключение органа социальной защиты, согласно которому место жительства несовершеннолетних Д. и Н. возможно определить по месту жительства их отца Р.

С выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, как принятые с существенным нарушением норм материального и процессуального права, и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в том числе следующее.

По данному делу по требованиям родителей об определении места жительства детей одним из юридически значимых и подлежащих доказыванию обстоятельств с учетом подлежащих применению норм материального права являлось выяснение вопроса о том, проживание с кем из родителей (матерью или отцом) наиболее полно будет соответствовать интересам детей.

В материалах дела содержатся заключения в отношении несовершеннолетних Д. и Н., составленные директором муниципального бюджетного учреждения – центра психолого-педагогической поддержки несовершеннолетних В., являющейся педагогом-психологом, из которых следует, что мальчики в большей степени испытывают доверительные отношения к маме и негативно относятся как к самому Р., так и к его новой семье, проживать с ними не хотят.

Как указано в ст. 57 СК РФ, ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного

разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В случаях, предусмотренных ст. 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145 названного кодекса, органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет.

Между тем, решая вопрос о предпочтении проживания несовершеннолетних Д. и Н. с истцом, суд в нарушение приведенных норм права не учел желание старшего сына бывших супругов проживать со своей матерью по месту ее жительства.

Будучи опрошенным в судебном заседании, несовершеннолетний Д. последовательно утверждал о своем желании проживать с матерью. Мальчик указывал на то, что проживать по месту жительства мамы ему нравится больше, у него появились новые друзья, с которыми он гуляет и к которым ходит в гости, посещает спортивную секцию. По мнению ребенка, он хочет учиться в школе, находящейся в городе, мама с ним занимается домашними уроками, гуляет, покупает одежду и игрушки.

При установлении тех или иных обстоятельств, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, для выявления психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, для психологического анализа ситуации в целом (семейного конфликта), для определения наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей. В этих целях судами, в частности, должны быть назначены судебно-психологические, судебно-психиатрические, а также комплексные судебные экспертизы (психолого-психиатрические, психолого-педагогические, психолого-валеологические, социально-психологические).

Указанные вопросы не были поставлены судом на обсуждение и не исследовались, а заключение органа опеки и попечительства, на основании которого был сделан вывод о соответствии проживания детей с отцом их интересам, принято во внимание без учета всех юридически значимых по делу обстоятельств.

Таким образом, разрешение дел об определении места жительства ребенка в случае раздельного проживания его родителей либо по другим причинам является весьма сложной задачей для суда, ибо оценка фактов и доказательств, представленных по делу сторонами, должна не столько быть объективной, сколько соответствовать законным интересам ребенка. В процессе разрешения споров данной категории неизбежно присутствует значительная доля судебного усмотрения: судья при принятии решения основывается на своем субъективном жизненном опыте и взглядах, что вызвано отсутствием в отечественном законодательстве регулирования определенных правовых вопросов, имеющих значение при разрешении споров родителей. Не секрет, что иногда родители, не принимая в расчет ин-

тересы ребенка, используют его как значимый аргумент в решении своих проблем. Поэтому баланс интересов родителей и детей должен обеспечить орган опеки и попечительства [3].

1. Определение Верховного Суда Рос. Федерации № 45-КГ15-3 // Обзор судебной практики Верховного Суда Рос. Федерации. 2015. № 4.

2. Семейный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: ред. от 30 декабря 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Мамедова М. К., Шейхмурадова П. Г. Особенности рассмотрения споров об определении места жительства ребенка и принудительного исполнения решений по делам этой категории // Современное право. 2015. № 7.

Ключевые слова: брак, раздельное проживание родителей, расторжение брака, права детей.

УДК 347.1

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Кириченко Юлия Николаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Кухарев Юрий Станиславович,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Евсюкова Дарья Сергеевна,
студент юридического факультета,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

В статье рассматриваются актуальные проблемы, касающиеся полицейской деятельности. Акцентируется внимание на способах повышении ее эффективности. Важную роль в статье занимает вопрос о право-

охранительной деятельности по защите прав и законных интересов граждан Российской Федерации. Утверждается, что для обеспечения защиты граждан в полном объеме сил полиции недостаточно, требуется помощь со стороны правительства и других органов управления, а так же взаимодействие субъектов правоохранительной деятельности в различных формах. Формируется вывод: предложенные новации помогут оптимизировать правовое регулирование и осмыслить какова роль полиции для государства и общества и, возможно, повысить эффективность деятельности полиции в современной России.

Основной задачей полиции является защита жизни, здоровья и собственности российских граждан от преступности.

Для обеспечения защиты граждан в полном объеме необходимо взаимодействие разных по своей социальной природе субъектов правоохранительной деятельности в различных формах: взаимный обмен информацией; совместное планирование мероприятий и их проведение; обсуждение проблем борьбы с преступностью; использование СМИ для организации помощи населению и других.

Хотелось бы отметить, что защита прав и свобод граждан – это функция всех органов государственной власти, именно поэтому только усилий полиции в данном направлении, разумеется, не достаточно. Так же не следует опускать вопросы касающиеся: предоставления государственных услуг, взаимодействия полиции с иными органами государственной власти и управления, а так же с институтами гражданского общества.

Важная роль в правоохранительной деятельности принадлежит правозащитным организациям: адвокатура, уполномоченные по правам человека, общества по правам потребителей. Они предоставляют гражданам свои услуги и помогают: правильно составить заявление или ходатайство, подобрать нужный нормативно правовой акт, определить орган, который занимается разрешением подобных конфликтов, отстаивать законные интересы лиц, привлекаемых к юридической ответственности и так далее. Помимо этого, добросовестная работа представителей защитных организаций улучшает деятельность работников полиции, так как эти люди, общаясь по делу друг с другом, вынуждены держать под контролем свое поведение, часто обращаться к закону.

Осуществление защиты человека институтами гражданского общества уравновешивает власть и мощь правоохранительных государственных органов.

Необходимость создания условий для взаимодействия органов полиции и гражданского общества отмечалась уже не раз. Потребность такого взаимодействия была обоснована целью поддержания правопорядка. Наличие правопорядка как такового объективно необходимо, именно потому что данная форма образа жизни обеспечивает нормальное функционирова-

ние общества. Можно сказать, что «правопорядок не совокупность единичных, разрозненных актов поведения, различных правоотношений. Это система отношений» [1, с. 287].

Укрепление правового порядка следует из восстановления социальной значимости правовых и нравственно-этнических норм. Сделать это возможно путем повышения правовой культура россиян, воспитания у граждан нетерпимости к преступному обогащению, уничтожения отдаленности между властью и народом.

Эффективно вся правоохранительная система может функционировать лишь основываясь на сложившейся демократической политической системы, которая обеспечивает обратную связь государства и общества, государства и отдельного человека.

Разработать универсальные критерии эффективности работы полиции сложно, потому что ее деятельность носит весьма разносторонний характер.

В целом эффективность правоохранительной деятельности представляет собой соотношение между результатом и поставленными перед ним целями.

Сотрудники полиции должны обеспечивать действие норм закона и соразмерять своё поведение в соответствии с ним. На практике недопустимо, что бы работники полиции действовали по принципу «цель оправдывает средства». Однако, нередки случаи, когда полицейские, выполняя свои должностные обязанности на высоком уровне, не могут полностью обеспечить защиту прав и свобод граждан от тех или иных противоправных посягательств, ибо законодательные или другие нормативные правовые предписания не предоставляют им такой возможности, при этом представители данной профессии не имеет права действовать вне правового режима. Бывают ситуации, когда работа полицейского полностью материально и физически не обеспечена. К примеру, недостаток или неисправность транспорта, техники, средств связи и много другого.

Все это, в конечном счете сильно снижает эффективность их профессиональной работы, а так же сказывается на защите прав и свобод граждан, обратившихся в органы полиции за помощью.

Особо актуальны в последнее время проблемы укрепления организационно-правовых основ деятельности органов внутренних дел России.

Несколько лет назад государство предпринимало попытки изменения структуры отдельной группы правоохранительных органов. В Министерстве внутренних дел России в 2009-2011 годах была проведена реформа, с целью повышения эффективности правоохранительной деятельности. Предпосылками к реформированию стал ряд громких преступлений, совершенных работниками милиции. Эти события привлекли значительное внимание общественности к вопросу о необходимости изменений.

На тот момент президент России Дмитрий Анатольевич Медведев предложил переименовать милицию в полицию, заявив: «Нам нужны профессиональные люди, сотрудники, которые эффективны, честно и слаженно выполняют свою работу. Поэтому я считаю, что пришла пора вернуть органам правопорядка их имя – полиция» [2].

Кроме того, в ходе данной реформы сократилось число сотрудников, в большей степени аппарата управления. Согласно статистическим опросам граждан России, уровень доверия полиции в области обеспечения личной и имущественной безопасности повысился с 33 % в 2009 году до 52 % в 2011 году (опрос проводился ВЦИОМ среди 1,6 тысячи человек в 45 регионах России, статистическая погрешность не превышает 3,5 %) [3]. Это важно, потому что единым и универсальным критерием эффективности полицейской деятельности может быть только завоевание доверия у граждан и именно их поддержка.

Однако результаты реформы оказались недостаточными, некоторые проблемы до сих пор требуют решения, особенно проблема системы оценки эффективности работы полиции.

Следует выработать принцип организации полицейской деятельности, определить потребность в кадрах на ближайшее время, имеющийся кадровый потенциал и его распределение по территории страны. «Правильный профессиональный отбор, расстановка, обучение и воспитание кадров, сокращение их текучести, создание сплоченного коллектива» [4, с. 303] является обязательным условием повышения эффективности полицейской деятельности.

Основным условием обеспечения и повышения эффективности является изменение приоритетов работников правоохранительной деятельности. Ими должны стать: заострение внимания на профилактике правонарушений; гарантия неотвратимости юридической ответственности лиц, которые совершили правонарушение; комплексная борьба с преступниками; взаимодействие в ходе работы с населением; использование новейших научных технологий и достижений; а что самое важное, наличие системы контроля за деятельность полиции.

Вышеперечисленные новации помогут оптимизировать правовое регулирование и осмыслить, какова роль полиции для государства и общества. Возможно, помимо этого, они смогут повысить эффективность деятельности полиции в современной России.

---

1. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М., 2002. 616 с.

2. Выступление Д. А. Медведева на совещании по законопроекту о милиции 30 августа 2010 г.

3. URL: http://wciom.ru.

4. Мухортов А. А. Обеспечение эффективности полицейской деятельности в Российской империи // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1.

5. О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

Ключевые слова: деятельность полиции, защита, правоохранительная деятельность, граждане, эффективность, государство.

УДК 343.1

ОРГАНЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ

Кириченко Юлия Николаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Кухарев Юрий Станиславович,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Хлопотной Александр Владимирович,
студент юридического факультета,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

В статье последовательно рассмотрены общие теоретические вопросы регулирования и становления органов ФСБ. Выявлено значение данного органа как в правоохранительной функции внутренних дел, так и в правозащитной. Показано взаимодействие с другими органами, учреждениями в целях обеспечения государственной безопасности РФ.

Вопросы обеспечения и сохранения государственной безопасности играют большую роль, особенно в современной России. Осуществление безопасности есть главная цель нашей страны. Благодаря правовой основе деятельности органов Федеральной службы безопасности (Конституция РФ, Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ) население чувствует их гарантом осуществления безо-

пасности на всей территории РФ. Они осуществляют контроль и надзор органов ФСБ, направляя их деятельность, полномочия и правовые основы и принципы их осуществления.

Объектом безопасности является: личность, общество, государство. Все это указывает на то, что национальная безопасность представляет собой хорошо созданную и значимую для правоохранительной деятельности систему безопасности личности, общества и государства в целом. Каждый компонент которой взаимосвязан и одинаково значим (см. схему № 1).

Схема № 1. Объекты безопасности.

Тем не менее ведущее место в обеспечении национальной безопасности занимает государственная безопасность, в которой, исходя их природы и свойств государства, органически интегрируются безопасность личности и общественная безопасность, а государственно-правовые свойства и факторы пронизывают всю триединую систему национальной безопасности. В соответствии с этим основным субъектом обеспечения системы безопасности является государство. Только оно может определить приоритеты, соотношения различных видов безопасности, цели, исходя из государственных и общественных интересов, обеспечить их дифференциацию на отраслевом, функциональном и территориальном уровнях [1]. Именно, государство, обладая публичной властью, способствует регулированию органов управления ФСБ, опираясь на весь характер обеспечения контроля над ним. Но открытость всего регулирования не может быть доступна народу, как источнику власти т. к. некоторые государственные тайны могут причинить вред как государству в целом, так и правоохранительному органу. Как бы ни осуществлялся надзор органа ФСБ, надо все равно понимать, что такой важный орган, обеспечивающий безопасность страны все равно действующий в большей мере по факту.

Итак, ФСБ России – это федеральный орган, именно, исполнительной власти, в пределах своих полномочий осуществляющий государственное управление в области обеспечения безопасности РФ, обеспечивающий в современном обществе в первую очередь информационную безопасность

и непосредственно контролируя их в разных сферах общества. Исключительным значением его контроля либо же надзора в Современной России служат федеральные законы, горячие телефонные линии так для сотрудников ФСБ, так и для населения РФ. Главные полномочия (руководства) данного органа осуществляет Президент РФ. Благодаря такому органу мы имеет возможность повысить экономический, научно-технический и оборонный потенциал страны. Для организованного обеспечения между структурами (управлениями, отделами и т. п.) существуют засекреченные виды специальных связей в РФ, так и в учреждениях за рубежом. Все выше сказанное закреплено в федеральном законодательстве РФ.

Далее, для непосредственного выполнения функций безопасности в стране создана система, представляющая собой совокупность федеральных органов, руководители которых Президент РФ и Правительство РФ. Среди огромного количества органов в России, ведущим является Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России), представляющая собой хороший структурированную и успешно развивающуюся, эффективную систему (см. схему № 2).

Схема № 2. Структура руководства ФСБ РФ.

Деятельность органов ФСБ России имеет следующие направления: контрразведывательная, борьба с терроризмом, борьба с преступностью, разведывательная, пограничная деятельность. Иные направления деятельности органов ФСБ определяются федеральным законодательством.

Квалифицированные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей сотрудника органов Федеральной службы безопасности, устанавливаются руководителем ФСБ России. Сотрудникам данного органа запрещается: предпринимательская деятельность, совмещать службу с иной оплачиваемой деятельностью, преподавательской и творческой деятельностью, за исключением, когда это предусмотрено законодательством РФ и необходимо для решения задач оперативной-служебной деятельности. Сотрудником ФСБ

может стать лицо, не имеющие иностранного гражданства, способное к профессиональной деятельности, имея хорошее здоровье при исполнении возложенных на него обязанностей, не являющиеся сотрудником политической партии, общественного объединения и иных организаций. Кандидат на должность должен не иметь судимости.

В системе органов обеспечения безопасности РФ важное место отводится внешней разведке. Вопросы правового регулирования деятельности специальных служб всегда привлекали внимание не только разведчиков-профессионалов, сотрудников контрразведывательных органов, военных, но и многих политиков, представителей общественности, широкого круга граждан. Такого рода интерес как ранние, так и сейчас во многом обусловлен тем обстоятельством, что правовое регулирование функционирования разведывательных органов длительный период осуществлялось закрытыми нормативными правовыми актами. Это создавало определенный ореол таинственности и всемогущества вокруг органов внешней разведки. Тем не менее, на сегодняшний день деятельность органов внешней разведки урегулирована ФЗ «О внешней разведке». Внешняя разведка является составной частью сил обеспечения безопасности РФ и призвана защищать безопасность личности, общества и государства от внешних угроз с использованием определенных настоящим Федеральным законом методов и средств [2; 4, с. 328].

Не малую значимость играют федеральные органы государственной охраны, основывающие свою деятельность на ФЗ «О государственной охране» [5]. Государственная охрана определена как функция федеральных органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности объектов государственной охраны, осуществляемая на основе совокупности правовых, охранных, оперативно-розыскных и иных мер.

ФСБ России взаимодействует в обеспечении охраны и защиты государственной границы с Министерством обороны России, Министерством внутренних дел России (МВД России), Службой внешней разведки России и другими органами.

МВД России оказывает содействие пограничным органам в проведении мероприятий по защите государственных границ, борьбе с нелегальной деятельностью, через нее разыскивает лиц, нарушивших режим государственной границы. Итак, обеспечивает участие органов внутренних дел в контроле за соблюдением пограничного режима и режима в пунктах пропуска через государственную границу.

В целях осуществления контрразведывательной деятельности в Вооруженных Силах России, других войсками, воинских формированиях ФСБ России тесно взаимодействуют с указанными войсками на основе «Положения об управлениях ФСБ РФ в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах», утвержденным Указом Президента РФ от 7 февраля 2000 г. № 318.

ФСБ России тесно взаимодействует с рядом федеральных органов исполнительной власти в осуществлении контртеррористических операций в соответствии с Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Указом Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму».

Пограничные органы ФСБ России взаимодействуют с органами местного самоуправления, организациями и объединениями, общественными объединениями и их должностными лицами. Порядок привлечения граждан к охране государственных границ России утвержден постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1995 г. № 339.

На основании международных договоров РФ органа ФСБ России взаимодействуют также со специальными службами, с правоохранительными органами и иными организациями иностранных дел [3; с. 106–107].

Так в целом можно представить систему и взаимосвязь органов безопасности страны. Повторимся, в нормативных актах не имеется полного перечня органов безопасности, поэтому, по сути, в этот перечень могут входить любые органы исполнительной власти, создание которых допускается законом. Для обеспечения государственной безопасности как важнейшей составляющей национальной безопасности необходимо: более действенное объединение органов власти всех уровней, правоохранительных структур, политических партий и общественных объединений по своевременной выработке более точных оценок потенциальности и существующих угроз, выработке предложений по предупреждению и нейтрализации угроз безопасности России на основе прогнозов развития политических, социально-экономических и криминогенной обстановки в стране.

---

1. О федеральной службе безопасности: Федер. закон Рос. Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: ред. от 7 мая 2015 г.

2. Учебник / под общ. ред. Г. И. Загорского и Н. А. Петухова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. 448 с.

3. Качалов В. И., Качалова О. В. Правоохранительные органы РФ в схемах и комментариях: учеб. пособие. М.: Экмос, 2001. 287 с.

4. О внешней разведке: Федер. закон Рос. Федерации от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ: ред. от 8 декабря 2011 г.

5. О государственной охране: Федер. закон Рос. Федерации от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ: ред. от 8 декабря 2011 г.

Ключевые слова: Федеральная служба безопасности РФ (ФСБ России), государственная безопасность, национальная безопасность, статус, государственная тайна.

УДК 343.1

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Кокорева Любовь Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,
Московский областной филиал Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево

В научной статье рассматривается современное состояние и перспективы развития института привлечения в качестве обвиняемого. Приводятся мнения ученых-процессуалистов о необходимости реформирования рассматриваемого института. Даны предложения по изменению и дополнению некоторых норм УПК РФ.

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Привлечение в качестве обвиняемого обеспечивается осуществлением уголовного преследования лица, подозреваемого в совершении преступлении, в ходе которого подготавливается, выдвигается и обосновывается обвинение – т. е. официальное утверждение о том, что конкретное лицо совершило деяние, которое запрещено уголовным законом. По мнению ряда ученых, институт привлечения лица в качестве обвиняемого является одним из важнейших элементов, на пути достижения целей уголовного судопроизводства. Все дальнейшее производство по уголовному делу зависит от правильного, своевременного и обоснованного привлечения лица в качестве обвиняемого. Однако данная точка зрения, не смотря на важность рассматриваемого института, поддерживается не всеми учеными-процессуалистами [7, с. 9–16].

Анализ юридической литературы позволяет утверждать, что основы рассматриваемого процессуального института были заложены в Уставе уголовного судопроизводства 1964 г. Однако в нем еще не содержалось непосредственных норм, предписывающих вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Значимым в аспекте понимания сущности предъявления обвинения, являлось то, что право составления обвинительного заключения входило в компетенцию прокурора, и именно этот акт представлял собой окончательное обвинение, которое и определяло пределы судебного разбирательства [6, с. 75]. УПК РСФСР 1923 г. законодательно закрепил основания и процессуальный порядок предъявления обвинения, содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, порядок вызова обвиняемого, его привода и розыска, порядок допроса, собственноручной дачи показаний и т. д. [1, с. 103]. В УПК РСФСР

1960 г. было закреплено понятие обвиняемого, что означало нормативное закрепление момента появления в уголовном деле данного участника уголовного судопроизводства и наделение его процессуальным статусом.

УПК РФ институт привлечения лица в качестве обвиняемого закрепил в главе 23 (ст. 171–175 УПК РФ), которая сформулирована с учетом ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека 1950 г., ст. 9 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.) и других международных договоров РФ. Отметим, что с 2001 г. следственная практика накопила значительный опыт по реализации предписаний уголовно-процессуального законодательства, касающихся данного института.

Однако, как полагают некоторые ученые, нормы УПК РФ, оказались весьма консервативными в части регламентации института привлечения в качестве обвиняемого, что стало причиной его противоречия с общей структурой уголовного судопроизводства [7]. Это и предопределяет, как нам видится, возрастающее внимание ученых к изучению данного процессуального института.

Несмотря на длительное существование института привлечения в качестве обвиняемого, ни учеными, ни сотрудниками правоохранительных органов не выработано его единое понятие. Нет единства в понимании предназначения и сущности рассматриваемого института.

По мнению Б. Я. Гаврилова, которое поддерживается рядом ученых (Н. П. Ефремова, В. В. Кальницкий, С. Е. Егоров и др.) [4; 7, с. 11], а также большинством практических сотрудников предъявление обвинение в условиях перехода российского уголовно-процессуального законодательства на охранительный характер стало, по сути, правовым анахронизмом. Предъявление обвинения – это центральный этап стадии предварительного расследования, который выработал устойчивый стереотип его неотъемлемости. Утверждая, что институт привлечения в качестве обвиняемого не согласуется с современной системой досудебного производства, учеными предлагается внести соответствующие изменения в действующую редакцию УПК РФ, предусматривающие замену института предъявления обвинения на процессуальные нормы об уведомлении лица о существующем в отношении него подозрении в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, а не по факту совершения преступления [10].

Бесспорным является тот факт, что в УПК РФ институт привлечения в качестве обвиняемого получил принципиально новое освещение. В свою очередь ч. 2 ст. 171 УПК РФ вызывает обоснованную критику у ученых и затруднения в практической деятельности. Данные положения нуждаются в некотором уточнении.

Так, момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого либо обвинительного акта или обвинительного постановления связан с появлением такого участника уголовного судопроизводстве как

обвиняемый (ст. 47 УПК РФ). Причем, в соответствии с ч. 2 ст. 171 УПК РФ законодатель не обязывает следователя приводить в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого собранные им доказательства. Вопрос о ссылке на доказательства решается следователем самостоятельно и в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела.

Однако, по мнению Н. А. Колоколова, применительно к некоторым видам преступлений (хищения, подделка документов и т. п.) нельзя обойтись без ссылки на вещественные доказательства (какие именно предметы похищены, какие документы подделаны и т. п.), иначе описание событий преступления будет неконкретным [5, с. 422]. Ряд ученых-процессуалистов считают целесообразным в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указывать доказательства, на которых основывается обвинение [3, с. 32]. Как указывают ученые, данное положение находит отражение в ст. 214 Международного пакта о гражданских и политических правах [8].

С точки зрения процессуального порядка интересно положение о сроке предъявления обвинения, который также является в настоящее время дискуссионным.

Обратим внимание на еще одно противоречие. Глава 23 УПК РФ обозначена законодателем как «Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинение». Полагаем, что привлечение в качестве обвиняемого включает в себя предъявление обвинения и, следовательно, не нуждается в отдельном упоминании в названии рассматриваемой главы.

По мнению ученых, термин «привлечение в качестве обвиняемого» имеет несколько значений. Одни полагают, что это решение следователя, которое он формулирует в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Другие считают, что это специальный этап стадии предварительного расследования. Третьи рассматривают данный процессуальный институт как совокупность норм, касающихся оснований, условий и процедуры наделения гражданина уголовно-процессуальным статусом обвиняемого. Существует мнение, что привлечение в качестве обвиняемого «есть формулирование обвинения, вытекающего из совокупности собранных доказательств, вынесения постановления об этом, предъявления обвинения лицу с одновременным разъяснением принадлежащих ему прав» [2, с. 11; 11, с. 178].

Таким образом, акт привлечения в качестве обвиняемого складывается из нескольких самостоятельных процессуальных действий: 1) вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ); 2) предъявления обвинения (ст. 172 УПК РФ), которое также включает в себя ряд обязательных элементов (вызов обвиняемого; удостоверение в личности обвиняемого; объявление постановления о привлечении в качестве обвиняемого; разъяснение существа предъявленного обвинения и прав обвиняемого); 3) допрос обвиняемого (ст. 173 УПК РФ).

В качестве факультативного действия выделяется изменение и дополнение обвинения, а также частичное прекращение уголовного преследования. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 175 УПК РФ, если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь обязан своим постановлением прекратить уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляется обвиняемый, его защитник, а также прокурор. Полагаем данные нормы ограничивают права потерпевшего и его представителя (законного представителя) на уведомление о предъявленном обвиняемому обвинении. Целесообразнее в анализируемую норму внести изменения и изложить ч. 2 ст. 175 УПК РФ в следующей редакции:

«ч. 2. Если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его законного представителя и представителя, а также прокурора».

Обратим внимание на тот факт, что согласно определению Конституционного суда РФ от 11 июля 2006 г. № 300-О [9], а также п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, с постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого имеет право знакомиться потерпевший (потерпевший вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении). В связи с этим, полагаем необходимым внести изменения также и в ст. 172 УПК РФ и дополнить ее п. 10 следующего содержания:

«10. О предъявленном обвинении следователь незамедлительно уведомляет потерпевшего, его законного представителя и представителя».

Изложенное позволяет сделать вывод, что изучение исторического аспекта формирования и развития института привлечения в качестве обвиняемого позволяет в полной мере дать правовую оценку нормам современного законодательства и сформулировать предложения по их реформированию. В связи со многими существенными изменениями как в мире, так и в России, рассматриваемый институт нуждается в кардинальном реформировании.

---

1. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебное пособие / под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013.

2. Громов Н. А. Статус обвиняемого и защитника в досудебных производствах // Следователь. 2003. № 10.

3. Гуськова А. П. Проблемные вопросы функции уголовного преследования // Унификация законодательства, борьба с преступностью в условиях союзного государства: материалы Международной научно-практической конференции, 19 октября 2010 г., г. Смоленск. М.: РАЮН, ЮИ МВД России.

4. Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. Омск: Академия МВД России, 2007.

5. Колоколов Н. А. Уголовно-процессуальное право: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2010.

6. Мариупольский Л. А. Привлечение в качестве обвиняемого. М., 1976.

7. Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения: материалы круглого стола (Академия управления МВД России) // Юридический консультант. 2010. № 3.

8. О гражданских и политических правах [Электронный ресурс]: международный пакт от 16 декабря 1966 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 июля 2006 г. № 300-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовная юстиция: связь времен // Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 г. М.: ЗАО «Актион-Медиа», 2012.

11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. перераб. и доп. СПб., 2009.

Ключевые слова: обвиняемый, привлечение в качестве обвиняемого, участники уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ СУДОМ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ ПОКАЗАНИЙ ДОПРАШИВАЕМЫХ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ СВИДЕТЕЛЕЙ

Колесников Сергей Александрович,
заместитель начальника правового отдела,
Управление Министерства внутренних дел России
по Белгородской области
308000, г. Белгород, пр-т Славы, д. 70

Статья посвящена отдельным проблемам представления сторонами в гражданском процессе доказательств, связанных со свидетельскими показаниями, возможности представленных одной из сторон других доказательств, для изобличения недостоверности доказательств противоположной стороны и условиями их принятия судом, а также критериям оценки доказательств, в частности показаний допрошенных свидетелей, судом.

К числу тенденций, имеющихся в современном гражданском процессе и требующих принятие адекватных мер реагирования путем изменения соответствующих норм гражданского процессуального законодательства, можно отнести непринятие судом доказательств, представленных одной из сторон, для изобличения недостоверности доказательств противоположной стороны. Например, заимствованная из сферы уголовного производства и внедряемая в гражданский процесс методика доказывания – определение местонахождения сторон, свидетелей с помощью данных оператора сотовой связи. Указанная ситуация создается отчасти и оттого, что от суда, разрешающего споры в условиях неопределенности, создаваемой сторонами, сложно требовать подробнейшего и достовернейшего суждения об исследуемых доказательствах. Суд оценивает доказательства только с помощью тех познавательных возможностей, которые имеются в его распоряжении.

Так, зачастую в решениях судов можно встретить достаточно поверхностное, но вынужденное указание следующего характера: «Показания свидетеля такого-то опровергаются показаниями других свидетелей, допрошенных в судебном заседании, не доверять которым у суда оснований нет». В условиях реального судебного процесса суд, как правило, не может с достоверностью изобличить ложь свидетеля – иное означало бы, что в отношении свидетелей, чьи показания были судом отвергнуты, сразу следовало бы возбуждать уголовное дело по ч. 1 ст. 307 УК РФ. Равным образом в подобных случаях нельзя утверждать, что свидетелем были даны ложные показания – как уже отмечалось, сложившаяся ситуация является следствием объективной неопределенности.

Также в правоприменительной практике участия УМВД России по Белгородской области в гражданских процессах имеет место случай вынесения судом решения об удовлетворении иска о восстановлении на службе в органах внутренних дел сотрудника, уволенного за прогул. При этом основанием к удовлетворению иска послужило представление истцом в судебное заседание доказательств (свидетельских показаний) уважительности причин отсутствия на службе, о которых он не заявлял при проведении служебной проверки.

При этом ни суд первой инстанции, ни суд апелляционной инстанции вопреки доводам УМВД не дали оценки действиям истца по злоупотреблению правом, выразившимся в сокрытии уважительной причины неявки на службу. Кроме того, судами обеих инстанции отклонены ходатайства УМВД об истребовании информации о местонахождении абонента сотовой связи с абонентским телефонным номером, принадлежащим истцу, которая бы могла подставить под сомнение правдивость показаний свидетелей, допрошенных со стороны истца.

Указанные обстоятельства свидетельствует о том, что, как правило, система доказательств и доводов, приводимых одной из сторон, напрямую не опровергает систему доказательств и доводов другой стороны.

Несмотря на то, что доказательства, представляемые оппонентами в гражданском процессе позволяют сделать противоположные выводы, суду в данной ситуации бывает сложно аргументированно и критически оценить показания свидетелей «со стороны» истца или ответчика.

Это вынужденно порождает множество штампов в оценке доказательств, встречающихся в решениях судов: а) «показания свидетеля, вызванного по инициативе истца (ответчика), подтверждаются всей совокупностью обстоятельств дела»; б) «не доверять им у суда нет оснований»; в) «показания свидетеля даны незаинтересованным лицом»; г) «мотивов для оговора стороны свидетель не имеет»; д) «показания свидетеля не опровергнуты стороной» и др. Приведенная аргументация, безусловно, имеет право на существование, однако ее уязвимость состоит в том, что она может быть без каких-либо изъятий приложена и к доказательствам, представленным другой стороной.

В связи с этим, особая роль в гражданском процессе придается оценке доказательств судом. Доказательства, представленные сторонами, оцениваются судом по внутреннему убеждению, которое представляет собой отношение судьи к истинности результатов познания обстоятельств, имеющих процессуальное и материально-правовое значение, к их правовой сути, а также к самим этим обстоятельствам; отношение, определяющее готовность судьи к принятию решения по делу.

Каждый судья оценивает доказательства самостоятельно, руководствуясь только собственными суждениями, сформировавшимися в ходе судебного исследования. Судья может свободно высказывать свое мнение

о ценности доказательств, основывая выводы лишь на собственном убеждении.

Часть 1 ст. 67 ГПК РФ определила условия оценочной деятельности суда. Внутреннее убеждение судьи формируется в результате беспристрастного, всестороннего, полного, объективного и непосредственного рассмотрения имеющихся в деле доказательств. Всесторонность предполагает оценку всей совокупности доказательств во взаимосвязи, необходимой для обоснования требований истца и возражения ответчика. Полнота означает необходимость оценки доказательств с точки зрения их достаточности для истинного вывода. Требование объективности связано с положением суда в состязательном процессе. В соответствии со ст. 56 ГПК РФ представление доказательств является правом и обязанностью сторон. Стороны на протяжении всего процесса вправе просить о вызове свидетелей, о приобщении к делу представленных ими письменных доказательств либо об истребовании их от других лиц, о приобщении к делу вещественных доказательств и их проверке, о назначении экспертизы. Суд оценивает тот доказательственный материал, который представлен сторонами. По общему правилу у суда отсутствует право по собственной инициативе истребовать доказательства, что позволяет ему объективно оценивать как отдельно взятое доказательство, так и их совокупность. В то же время оказание процессуальной помощи сторонам в формировании доказательственного материала создает дополнительные гарантии установления действительных обстоятельств дела. Непосредственное исследование доказательств означает, что суд имеет право оценивать только те доказательства, которые восприняты им непосредственно в ходе судебного разбирательства по правилам ч. 1 ст. 157 ГПК РФ. Оценивая доказательства с точки зрения непосредственности, суд должен оценить соблюдение порядка их представления, получения, изучения. Объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов заслушиваются судом. Суд знакомится с письменными доказательствами, осматривает вещественные доказательства, прослушивает аудиозаписи и просматривает видеозаписи. В ходе непосредственного исследования доказательств особое внимание суд уделяет устранению противоречий, имеющихся между доказательствами.

Как показывает практика, наибольшую сложность вызывает оценка свидетельских показаний с учетом заинтересованности свидетеля. Как правило, большинство свидетелей находятся со сторонами в родственных, соседских, дружеских отношениях. Данный фактор способен оказать существенное влияние на достоверность сообщаемых сведений. О прямой зависимости между достоверностью показаний и фактической заинтересованностью говорить нельзя, но учитывать ее при оценке свидетельских показаний необходимо. Свидетель может состоять в указанных отноше-

ниях, быть заинтересованным в деле и давать на этой почве ложные показания.

Суд должен выяснить вопрос о возможной заинтересованности свидетеля, установив взаимоотношения между ним и лицами, участвующими в деле (ч. 2 ст. 177 ГПК РФ). Оценка свидетельских показаний с учетом возможной заинтересованности свидетеля является важнейшим условием их правильной оценки.

Причины заинтересованности свидетеля в исходе дела разнообразны. К ним могут быть отнесены: желание помочь близкому человеку; неприязненные отношения; месть; стремление скрыть неблаговидный поступок; давление со стороны заинтересованных лиц; служебная зависимость и т. п.

По мотивам заинтересованности, в сочетании с другими обстоятельствами, суд может отвергнуть свидетельские показания при вынесении решения.

Оценку свидетельских показаний следует осуществлять в совокупности с другими доказательствами.

На содержание свидетельских показаний могут оказывать известное влияние личностные качества свидетеля: образ жизни, профессия, пол, возраст, темперамент и другие психологические особенности личности.

При оценке свидетельских показаний необходимо выяснить уровень их конкретности. Конкретными следует признать те свидетельские показания, в которых содержатся сведения об определенных фактах, входящих в предмет судебного познания.

Представляется, что по завершении оценки свидетельских показаний отдельно и в совокупности с другими доказательствами у суда формируется внутреннее убеждение, выступающее как результат оценки доказательств. Оно закрепляется в мотивировочной части судебного решения, выражающей мнение суда относительно доказанности или недоказанности фактов, составляющих предмет и пределы судебного доказывания.

Ключевые слова: гражданско-процессуальное законодательство; доказывание в гражданском процессе; свидетельские показания; оценка доказательств; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

УДК 347.1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА

Коробов Алексей Александрович,
кандидат экономических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Появление Исламского государства Ирака и Леванта для мировой общественности стало полной неожиданностью. Позже оно сменило название на Исламское государство («ИГ»).

Появление «ИГ» – это «весомый вклад» в международный терроризм, который мировым сообществом считается одной из наиболее значимых угроз современности.

В данной статье на примере «ИГ» рассматриваются социально-экономические аспекты исламского терроризма.

Для анализа и глубокого понимания социально-экономических предпосылок формирования Исламского государства необходимо обратиться к истории.

В период противостояния СССР и США среди стран социалистической ориентации числились Египет, Сирия и Ирак. Между этими странами наблюдались более-менее тесные связи в области экономики, геополитики, идеологии. В дальнейшем на волне подъема арабского национализма Египет в 1958 году объединился с Сирией и государство стало называться Объединенная Арабская республика (ОАР). И хотя Сирия, недовольная условиями союза, уже в 1961 году из него вышла, Египет вернулся собственному названию только в 1971 году. Это произошло вскоре после смерти президента Гамаль Абдель Насера (1970 г.), который был кумиром для арабских националистов, а египетская антимонархическая революция 1952 года стала предтечей революций в целом ряде стран. Пришедший ему на смену Анвар Садат, в отличие от своего предшественника, не питал иллюзий как насчет возможности объединения разноликого арабского мира, так и относительно социалистического будущего страны, и взял курс на сближение с США и достижение мира с Израилем. За это он был объявлен предателем в радикальных кругах арабских стран, после чего утратил авторитет в странах «социалистического лагеря» и погиб в 1981 году в результате теракта, организованного исламистами (одной из боевых групп «Братьев-мусульман», под названием «Аль-Джихад»).

Что же касается Ирака и Сирии, то их отношения, говоря фигурально, строились по марксистскому (или гегелевскому) закону единства и борьбы противоположностей.

Сирийцы христианин Мишель Афляк, суннит Салах Битар при активном содействии алавита Акрама Хаурани образовали общеарабскую партию, в 1954 году получившую название БААС («Возрождение»), в русской аббревиатуре ПАСВ – Партия арабского социалистического возрождения. Она создала свои отделения в ряде арабских стран, в Сирии пришла к власти в 1963 году, в Ираке – в 1968 году. Хотя в какой-то момент эти страны хотели объединиться, но по большей части они враждовали. Тем не менее, режимы имели светский характер, их идеологией был арабский социализм, в котором социалистические элементы сочетались с панарабизмом и антиимпериализмом. Религиозные общины в лице суннитов и шиитов были в обеих странах, но то, насколько они были представлены во власти, вооруженных силах и бизнесе, до поры до времени не выходило на поверхность политической жизни в Ираке. В этой стране ведущую роль в жизни общества и соответственно во власти, в вооруженных силах и бизнесе традиционно играли сунниты, живущие преимущественно в северо-западных районах и составляющие около 30 % населения. (Считается, что доминирование суннитов в Ираке берет корни еще в XV веке, когда страна была завоевана оттоманами-суннитами.) Шииты же составляют более 60 % населения и живут в основном на юго-востоке страны, в том числе в пограничным районах с Ираном, в котором шиизм является господствующей религией.

Фактически единолично правивший Ираком с 1979 по 2003 год Саддам Хусейн отличался крайней жестокостью и шел к руководству страной, что называется, по трупам.

После захвата партией БААС власти президентом стал генерал Ахмед Хасан Бакр. Саддам Хусейн с его необыкновенной работоспособностью, коварством и упорством в достижении цели, планомерно продвигался к руководящим постам в партии, установил контроль над спецслужбами и стал играть важную роль в политике государства. При правлении А. Х. Бакра были проведены многие прогрессивные преобразования в социально-экономической и культурной сфере, в области медицины и т. д. Строились дороги, промышленные предприятия и т. д. За счет больших доходов от нефти значительно повысился жизненный уровень иракцев. Были установлены дружественные отношения и широкое сотрудничество с Советским Союзом.

Складывались все предпосылки к тому, чтобы Ирак стал одной из новых индустриальных стран. Но в 1979 году произошла шиитская революция в Иране, появилось брожение в шиитских районах Ирака, куда проникали иранские пропагандисты, активизировалась борьба за независимость курдов. В этой обстановке возникли разногласия в иракском руководстве, которые закончились 11 июля 1979 года дворцовым переворотом, уходом с поста Бакра и приходом к власти Саддама Хусейна. А дальше начались карательные операции против курдов с применением химического

оружия, репрессии против нелояльных шиитов и войной с Ираном, продолжавшейся с 1980 по 1988 год.

Кстати, США, оказавшись в острой конфронтации с режимом Хомейни, подталкивали Саддама к этой войне и, как говорят, даже негласно помогали Багдаду оружием.

Война с Ираном потребовала немалых расходов, Ирак влез в большие долги, и Хусейн решил их погасить за счет богатого нефтью соседнего Кувейта, который был оккупирован иракской армией и объявлен 19-й провинцией Ирака. (Объяснялось это тем, что Кувейт когда-то принадлежал Ираку.) В мире не согласились с таким поворотом событий, и ООН потребовала от Хусейна немедленно вывести войска из Кувейта. Лично хорошо знавший Саддама Евгений Примаков встречался с ним по поручению советского руководства, пытаясь убедить его не доводить дело до войны. Однако знавший собственную страну, но имевший слабое представление о расстановке сил в мире Хусейн был уверен, что войска коалиции государств во главе США не смогут одержать верх над хорошо вооруженной миллионной армией Ирака. В военной операции, названной «Буря в пустыне», Ирак потерпел сокрушительное поражение, ООН наложила на него санкции, экспорт нефти был крайне ограничен, и саддамовский режим оказался в тяжелом положении. Но Ирак – богатая природными ресурсами страна и народ не голодал. Тем более что ООН приняла программу «Нефть в обмен на продовольствие», по которой Ирак экспортировал нефть и взамен импортировал продовольствие.

Что же касается Сирии, там ситуация складывалась по-другому. Сунниты составляют не менее 60 % населения, а около 40 % – этноконфессиональные меньшинства: алавиты, курды, друзы, исмаилиты, христиане и др.

Алавиты, которых ортодоксальные сунниты считали сектой, не идентифицировали себя как мусульмане и находились на нижних ступенях социальной лестницы, в то время как высшие ступени занимали представители суннитских кланов. В религиозной доктрине алавитов ислам сочетается с элементами древних культов и христианством, поэтому «правоверные» мусульмане к алавитам относятся неоднозначно.

Алавиты, в отличие от традиционных мусульман используют в ритуале вино, почитают Иисуса Христа, отмечают христианские праздники Рождество и Пасху, считают священной книгой Евангелие, часто носят христианские имена, не имели мечетей и молились в молитвенных домах и проч. А с шиизмом их связывает почитание Али, которого они считают подлинным преемником Пророка, при этом алавиты отличаются веротерпимостью.

Сунниты же вообще не считали службу в армии престижной и не стремились в ней служить. Со своей стороны, колониальная держава, которой после распада Оттоманской империи стала Франция, до получения

Сирией независимости в 1946 году предпочитала вербовать в силовые структуры представителей национальных меньшинств и в первую очередь алавитов. В итоге ключевые посты в армии оказались в руках алавитов, составляющих, по разным оценкам, от 10 до 16 % населения страны. Они же, алавиты, стали и костяком партии БААС.

Но и после прихода баасистов к власти политическая ситуация в стране была неустойчивой, пока в 1970 году в результате военного переворота к власти не пришел Хафез Асад, отец нынешнего президента Башара Асада. И поскольку в конституции Сирии записано, что главой государства может быть только мусульманин, то алавиты объявили себя шиитской ветвью ислама, и в алавитских поселениях стали строиться мечети.

Однако и Хафез Асад столкнулся с активизацией исламских экстремистов во главе с «братьями-мусульманами» (создавшими свою общину еще в 1937 году), которые на рубеже 1980-х годов в борьбе против «неверных» во власти развернули террористическую деятельность по всей стране. С особой жестокостью они убивали курсантов военных училищ, членов партии БААС и т. д.

Ответ Асада был решительным и беспощадным. Город Хама, в котором исламисты в 1982 году подняли вооруженный мятеж, фактически был стерт с лица земли. Тотальная борьба властей с «братьями-мусульманами» привела к их исчезновению с политической арены.

Многие западные аналитики считали такие действия сирийских властей недопустимо жестокими. Но никто не знает, как бы поступили с «неверными» те, кто захватил бы власть в Сирии. Приведем слова известного арабиста Георгия Мирского, который дает характеристику тем, кто поднял мятеж в Сирии. В суннитском исламе, говорит он, есть течение, называемое «ваххабизмом» (иногда его называют «салафизмом»), носители которого отличаются крайней нетерпимостью к «чужим» и необыкновенной жестокостью. Они «совершали зверства в Афганистане, а сейчас зверствуют в Сирии в борьбе с режимом Башара Асада и уничтожают в Ираке шиитов, курдов, езидов и христиан».

Но, так или иначе, Сирия получила мир на 30 лет, в течение которых много было сделано для развития страны. При этом нельзя сказать, что алавиты правили единолично. Во всех структурах, как военных, так и партийных, они не были в большинстве, кроме, пожалуй, спецслужб. Одно время президентом Сирии был курд, а премьером – суннит.

В то же время нельзя сказать, что только конфессиональный фактор привел к гражданской войне в Сирии. За несколько лет до начала «арабской весны» Сирию поразила тяжелая засуха, причем она больше всего ударила по районам проживания суннитов. В два раза уменьшился сток воды в Евфрате после того, как Турция построила плотину и мощную ГЭС «Ататюрк». Стали истощаться запасы подземных вод. Лишившиеся источников существования крестьяне стали стекаться в города, притом, что Си-

рия приняла много беженцев из соседних стран, не считая палестинцев. Оказалась рискованной и политика поощрения рождаемости, в результате которой население увеличилось с 5 млн человек в 1963 году до 22,5 млн по состоянию на начало 2013 года. Резко выросла безработица, в том числе среди образованной молодежи, которая, как известно, инициировала волнения в большинстве стран так называемой арабской весны. Демонстрационный эффект в информационную эпоху, если перефразировать слова Ленина, может стать материальной силой.

Говоря о роли образования, нельзя не отметить следующий интересный, по нашему мнению, факт: движущей силой «цветных революций» и «арабской весны» становились люди, получившие образование в США и обладающие, мягко говоря, искаженным представлением об истории родной страны и ее роли на мировой арене, но убежденными в роли США как «гаранта демократических ценностей» и по большому счету «дирижера на мировой арене».

Захваченные идеями западной демократии, молодые люди наивно полагали, что она может прижиться на почве стран иного уровня общественного развития, иной истории и культуры.

В то же время историческое невежество – застарелая болезнь властных кругов Запада и в первую очередь США.

Если обратиться к истории, то на определенном этапе странах Европы и, в частности, в достаточно цивилизованной Франции господствовал абсолютизм, и, наверное, на тот период истории страны это было разумно. Но была также Священная Инквизиция, деятельность которой во Франции сохранялась до XIX века.

С этой точки зрения, разумно ли навязывать странам, в которых еще не изжиты родоплеменные отношения, западную модель демократии и, вообще, вмешиваться в естественный для них ход развития? Ведь демократия как институт и ценность предполагает улучшение, а не ухудшение качества жизни людей. Предполагает гуманизацию общественных отношений, а не раздувание вражды между людьми вплоть до кровавых междоусобных и межконфессиональных войн.

Конечно же нельзя однозначно оценивать роль Саддама Хусейна – наряду с высоким уровнем экономического развития существовали и репрессии, и господство суннитского меньшинства над шиитским большинством.

Но когда американцы навязали Ираку новый порядок и «демократические ценности», почему-то жизнь большинства иракцев превратилась в сплошной кошмар, если не сказать, в ад, и «люди с улицы» рассказывают российским журналистам, что им несравнимо лучше жилось при Саддаме, чем ныне, когда в опасности находится сама жизнь.

Как и следовало ожидать, американская оккупация вызвала сопротивление в иракском обществе, и прежде всего со стороны суннитских ра-

дикальных элементов. Исламист Абу Масаб Заркави сформировал в Ираке «Аль-Каиду», а после его смерти в 2006 году эта организация трансформировалась в «Исламское государство Ирака» (ИГИ).

В 2010 году ее новый лидер Абу Бакр Багдади солидаризировался с исламистами, воюющими против Башара Асада, и в 2013 году создал «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). В первой половине 2014 года ИГИЛ установило контроль над десятками иракских городов и поселков, захватило нефтеносные районы и объявило о создании халифата, сменив при этом название на «Исламское государство» (ИГ).

Несмотря на длительный период правления шиитского большинства, шииты имеют слабый опыт государственного управления и военного строительства и за десять лет не смогли создать боеспособную армию. При встрече с джихаддистами бойцы иракской армии нередко тут же отступали или разбегались, оставляя боевую технику врагу.

И ситуация в Сирии западным либералам казалась нетерпимой, поскольку представители этноконфессионального меньшинства отец и сын Асады бессменно правили несколько десятков лет при однопартийной системе и в условиях чрезвычайного положения. Справедливость требует сказать, что такое положение конечно же не нравилось многим сирийцам. И когда волна «арабской весны» дошла до Сирии и возникло оппозиционное режиму движение, то на его сторону стали переходить многие из тех, кто еще недавно был в рядах сторонников президента, включая офицеров и даже генералов. Именно они составили костяк светской Сирийской свободной армии. Но, как говорится, дьявол прячется в деталях. Стоило начаться вооруженному противостоянию режиму Асада, как в Сирию со всех сторон потянулись исламисты, включая террористов, экстремистов и наемников, прежде всего из рядов суннитов, которые составляют 90 % исламской общины. Притом, что во время ирано-иракской войны Сирия была единственной арабской страной, которая поддерживала сторону Ирана. (Многие аналитики считали это просчетом Х. Асада, однако, когда режим Башара Асада был на грани поражения, то помощь пришла из Ирана и шиитов Ливана – «Хезболлы»). В итоге Башар Асад сумел добиться перелома в гражданской войне, но исламисты не исчезли бесследно. С одной стороны, они сумели сохранить свои базы в Сирии, а с другой – стали вливаться в ряды боевиков «ИГ».

Таким образом, исламисты Ирака, в том числе и сторонники Саддама Хусейна, с одной стороны, и многочисленные отряды исламистов, боровшихся против режима Башара Асада, с другой – и есть армия новоявленного исламского халифата во главе с Багдади, назвавшего себя «халифом всех мусульман». («Халиф» называет и районы в Ираке и Сирии, которые должны войти в состав «халифата».) И эта армия постоянно пополняется (как говорят западные источники, по тысяче каждый месяц) прежде всего из мусульманских стран, в том числе из Ливии (в которой после устране-

ния от власти Муамара Каддафи победила не демократия, а война всех против всех), из Египта после того, как военные отстранили от власти исламистов.

Свою «квоту» исламистов дает и Запад. И, что удивительно, в их числе немало коренных европейцев и белых американцев, включая женщин и даже молоденьких девушек.

При этом эксперты утверждают, что «ИГ» – самая богатая террористическая организация. Она торгует нефтью с захваченных нефтепромыслов, «облагает налогом» бизнес, грабит банки и имущество, торгует людьми, получает помощь от частных лиц некоторых богатых нефтью арабских стран и т. д.

Таким образом, явление «Исламского государства» – это примерно такое же ультрарадикальное террористическое течение, как и «Аль-Каида», прикрывающееся исламом, но на деле ничего общего не имеет с его гуманистической сущностью.

С той только разницей, что «Аль-Каида» ставит своей конечной целью свержение светских режимов и создание «Великого исламского халифата» во всех странах мусульманской конфессии, а «Исламское Государство» уже поставило в повестку дня задачу создания халифата на территории Ирака и Сирии. Никакой новой идеи не имеет ни то, ни другое, поскольку этого и не требует возврат к средневековому халифату, в котором жизнь человека четко прописана от рождения до смерти.

Ультрарадикальные и террористические течения в мусульманском мире порождены как глобальными, так и местными причинами. К первым можно отнести резкую смену миропорядка, крах целого ряда политических режимов, социальных систем, дискредитацию светских объединяющих общество идей (панарабизм, арабский социализм и т. д.). Сюда же надо включить и негативное воздействие на многие развивающиеся страны мирового финансово-экономического кризиса. А еще и далеко зашедшую деградацию вековых норм семейных и гендерных отношений в странах Запада, когда гомосексуализм и однополые браки становятся чуть ли не нормой жизни, что для мусульманских стран абсолютно неприемлемо.

Что касается местных причин, то это в первую очередь нищета, безработица, коррупция, произвол властей, ущемление этноконфессиональных чувств и интересов.

Если говорить конкретно об «Исламском государстве», то это то зло, которое угрожает едва ли не всем странам. Америке и Европе, в которых много выходцев из мусульманских стран, России, в которой примерно 20 % населения принадлежит к исламской культуре, самим мусульманским странам. В частности, в межконфессиональной войне, развязанной исламистами в Ираке, уже погибли многие тысячи иракцев. И в этом большая вина бывшего премьер-министра шиита Нури аль-Малики, антисуннитская политика которого привела к тому, что ряд суннитских племен перешли на

сторону «Исламского государства» и тем самым облегчили продвижение джихаддистов вглубь территории Ирака. Провозглашенная новым премьером Хейдаром аль-Абади политика опоры на все основные этноконфессиональные группы населения, увольнение из армии многих дискредитировавших себя генералов и высших офицеров, возможно, позитивно скажется на борьбе иракской армии с «Исламским государством».

Что касается нашей страны, то опасность проникновения агентов «Исламского государства» в некоторые регионы вполне реальна, и тут, как и в борьбе с болезнью, лучше профилактика, чем лечение запущенной формы.

По мнению экспертов, источником финансирования группировки являются доходы от криминальной деятельности её членов (в основном грабежей, выкупов, полученных после взятия заложников и т. д.). После ограбления банков в крупных иракских городах финансовый потенциал Исламского государства значительно увеличился. По оценкам экспертов, бюджет организации сейчас может достигать 7 млрд долларов.

Только из банков Мосула была изъята наличность на сумму 500 млн долларов. В частности, в Мосуле в июне 2014 года боевики ИГИЛ ограбили филиал Центрального банка Ирака, присвоив, по разным оценкам, от 900 млн до 2 млрд долларов. Кроме того, террористы получают финансовую помощь от частных инвесторов из стран Персидского залива, в частности из Кувейта и Саудовской Аравии, поддерживающих войну с режимом Башара Асада. Член иранского парламента Мохаммад Салех Джокар утверждает, что ИГИЛ получила финансовую помощь (в том числе от Саудовской Аравии) в объёме 4 млрд долларов на ведение террористической деятельности в Ираке. Халифат ИГИЛ торгует нефтью Ирака и Сирии на чёрном рынке (со скидкой), зарабатывая от 25 до 60 долларов за баррель, получая около 3 млн долларов в день.

24 ноября 2014 года на заседании Контртеррористического комитета ООН сообщили, что за 2013 год «Исламское государство» стало одним из лидеров по финансовой выручке от захвата заложников – 45 млн долларов. По оценке израильского издания журнала Forbes, общий бюджет организации сравним с бюджетом крупной корпорации и составляет около 2 млрд долларов. Основным источником поступлений в бюджет террористической организации стали доходы от продажи нефти (в руках организации находятся несколько крупных нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающих заводов в Ираке и Сирии), также террористы захватили сотни миллионов долларов в банках занятых ими городов.

18 февраля 2015 года представитель Ирака в ООН Мухаммад аль-Хаким заявил о том, что «Исламское государство» убивает людей, чтобы продавать их внутренние органы. По его словам, в братских могилах жертв «Исламского государства» были обнаружены тела людей со следами хирургических операций. У этих людей отсутствовали почки и другие внут-

ренние органы. Также он заявил о том, что в Мосуле сторонники «Исламского государства» убили несколько десятков врачей за отказ от участия в операциях по изъятию органов для последующей продажи.

Также ИГИЛ получает доход от транзита наркотиков. По данным главы ФСКН Виктора Иванова, ежегодный доход ИГИЛ от транзита афганского героина в Европу составляет до миллиарда долларов.

ИГИЛ начал чеканить собственную «валюту» – исламский динар. Заявлено, что курс динара составляет 139 долларов США.

Ключевые слова: терроризм, террористы, финансирование, Исламское государство Ирака и Леванта, ИГИЛ, исламский динар.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Кузнецова Елена Владимировна,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Московский областной филиал Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево

В статье исследуется вопрос о положении потерпевшего в рамках института досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрены позиции различных ученых-процессуалистов.

Досудебное соглашение о сотрудничестве относительно новый институт в уголовном судопроизводстве России. Законодатель, включая в 2009 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) главу 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» рассчитывал

на то, что она в первую очередь позволит повысить раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе совершаемых членами организованных преступных групп и преступных сообществ.

За период своего существования глава 40.1 УПК РФ подверглась широкой критике, как учеными-процессуалистами, так и практиками. В первую очередь полемика коснулась соблюдения прав и законных интересов потерпевшего, а также его участие при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Мнения ученых по данному вопросу разошлись, одни приходят к выводу, что закрепленные в главе 40.1 УПК РФ положения ограничивают права потерпевшего. Так, например, А. В. Смирнов считает, что своеобразной гарантией справедливого разрешения уголовного дела является предоставление участникам уголовного судопроизводства равных возможностей, в частности необходимость согласия потерпевшего при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [1].

Другие авторы отмечают, что именно потерпевший, в первую очередь, претерпевая неблагоприятные последствия, связанные с совершением в отношении него преступления, должен иметь исключительную возможность определить, заслуживает ли подсудимый снижения срока или размера наказания, предусмотренного за его деяние соответствующей нормой уголовного закона [2].

Н. А. Колоколов приходит к выводу, что соглашение о досудебном сотрудничестве заключается не в частных интересах конкретного потерпевшего, а исключительно в публичных интересах, в основе которых лежит не только скорейшее разрешение социального конфликта, но и по возможности полное раскрытие преступления, изобличение максимального числа виновных. Очевидно, что в таких ситуациях интересы общества и конкретного потерпевшего могут не совпадать [3].

Указанную позицию разделяют А. С. Александров и И. А. Александрова, они отмечают, что «потерпевший не имеет права участвовать в заключение договора, очевидно потому, что цель института, в конечном счете, публичная – борьба с преступностью. Получается, что права и законные интересы потерпевшего оказались жертвой достижения этой задачи. Такую позицию можно понять: интересы потерпевшего могут иметь узкоэгоистический характер, и ставить достижение публичных задач в зависимость от них нельзя» [4].

В этой связи определенный интерес вызывает предложенный Д. Ф. Фатахутдиновым и О. П. Копыловой компромисс между интересами потерпевших и государства. Такой компромисс, подразумевает внесение изменений в главу 40.1 УПК РФ, в частности указанные выше авторы предлагают вменить в обязанность прокурора уведомлять потерпевших о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, который в свою очередь будет иметь право высказывать свое мнение, сообщить подробно-

сти совершенного преступления и указать последствия, нанесенные преступлением. Указанные сведения должны быть приобщены к уголовному делу. Так же авторы считают необходимым внести в досудебное соглашение о сотрудничестве пункт, о том, как обвиняемый намерен компенсировать потерпевшему причиненный вред [5].

Вместе с тем исходя их целей и сущности досудебного соглашения о сотрудничестве в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 . № 16 указано, что участники уголовного судопроизводства, в частности потерпевший, его законный представитель, гражданский истец и его представители вправе участвовать в исследовании рассматриваемых судом вопросов, в том числе высказывать свое мнение по вопросу об особом порядке судебного разбирательства при досудебном соглашении о сотрудничестве. При этом следует иметь в виду, что возражение потерпевшего (его законного представителя, представителя), гражданского истца и его представителя против особого порядка проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, само по себе не является основанием для рассмотрения дела в общем порядке.

Однако при решении задач уголовного судопроизводства публичного характера в рамках института досудебного соглашения о сотрудничестве не должны ограничиваться права потерпевшего, поэтому компромисс между интересами потерпевших и государства будет являться первым шагом по защите его законных прав и интересов.

---

1. Смирнов А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 8.

2. Парфенов В. Н. Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при особом порядке принятия судебного решения в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Рос. судья. 2009. № 1. С. 15–18; Семенов Е. А., Казначеева Е. М. Проблемы производства по уголовным делам при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Наука и практика. 2015. № 2. С. 189–192.

3. Колоколов Н. А. Назначение наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Рос. судья. 2010. № 12. С. 38–42.

4. Александров А. С., Александрова И. А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 10.

5. Фатахутдинов Д. Ф., Копылова О. П. Проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевших при заключении досудебного согла-

шения о сотрудничестве // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2013. № 4 (48). С. 117–125.

Ключевые слова: потерпевший, досудебное соглашение о сотрудничестве, права и законные интересы, особый порядок.

УДК 343.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ И ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Кузьменко Елена Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России
603950, Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3

Николаева Татьяна Анатольевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России
603950, Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3

В статье рассматриваются основные проблемные вопросы, связанные с процессуальным статусом подозреваемого лица, и предлагаются возможные пути их решения.

В числе проблем, возникающих при решении вопроса о возбуждении и прекращении уголовного дела, необходимо назвать процессуальный статус лица, подвергаемого уголовному преследованию. Принято считать, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, однако мы не можем с этим согласиться. Так, В. Т. Томин утверждает, что оперативно-розыскная деятельность, направленная на выявление, предупреждение и пресечение преступления входит в состав уголовного преследования, образуя его неотъемлемую часть [1].

И здесь необходимо обратить внимание на два важных момента: получение объяснений от лиц, которым что-либо известно о преступлении, и законодательно закрепленный порядок признания лица подозреваемым. Рассмотрим их предметно.

Проводя так называемую доследственную проверку, представители правоохранительных органов, с целью решения вопроса о возбуждении уголовного дела либо об отказе в таковом, получают объяснения от лиц, которым что-либо известно о преступлении.

Однако в настоящее время в уголовно-процессуальном законе регламентация объяснения, как источника доказательств, характерна только для расследования уголовных дел в форме сокращенного дознания.

Кроме того, необходимо обратить внимание на статус лица, подвергаемого уголовному преследованию, при проведении доследственной проверки. При даче объяснений, лицо не обладает каким-либо процессуальным статусом, и говорить о наличии прав и обязанностей, установленных уголовно процессуальным законом, мы не можем.

В правоприменительной практике неофициально существует еще одно наименование статуса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование – «заподозренный», но до настоящего времени это законодательно не закреплено, поэтому мы не можем говорить о полноценном смысле статуса подозреваемого. И действительно, это именно так. Ведь для решения вопроса о возбуждении уголовного дела при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление причастности конкретного лица к совершенному или готовящемуся преступлению, фактически осуществляется его уголовное преследование. Тем самым, осуществление оперативно-розыскной деятельности направлено на решение задач уголовного судопроизводства. Однако в рамках уголовно-процессуального законодательства лицо лишено возможности защищать свои интересы. Реализуя свои полномочия, сторона обвинения опирается на права личности, закрепленные в Конституции РФ.

На первоначальном этапе проверки сообщения о преступлении, как правило, практически все очевидцы дают одинаковые объяснения об обстоятельствах происшествия. Несомненно, что, если мы получаем сходные по содержанию объяснения об одинаковых событиях, сомневаться в достоверности показаний не приходится. Однако после возбуждения уголовного дела, на практике может возникнуть минимум две ситуации:

1) подозреваемый, первоначально давший признательные объяснения отказывается от них. Одновременно с ним отказываются от ранее данных объяснений и свидетели со стороны подозреваемого, умышленно искажая свои показания. При этом предупреждение их об уголовной ответственности при проведении опроса не осуществляется, поскольку решение о возбуждении уголовного дела еще не принято, и процессуальным статусом такие лица не обладают. Такая ситуация, порой, приводит к тому, что доказать виновность подозреваемого становится весьма проблематично;

2) по уголовным делам о совершении преступлений общеуголовной направленности, чаще по делам о дорожно-транспортных происшествиях, не повлекших смерть потерпевшего, зачастую срок предварительного расследования может длиться месяцами, при этом нормы закона соблюдаются. Объяснения очевидцев получены в самом начале проверки сообщения о преступлении, а срок расследования затягивается из-за длительных исследований и судебных экспертиз. По истечении времени, будучи вызванными

к следователю на допрос, свидетели уже не могут вспомнить всех обстоятельств исследуемых событий и начинают неумышленно искажать ранее данные показания, что также негативно сказывается на результатах расследования и затрудняет установление объективной истины произошедшего. Также имеют место случаи, когда от потерпевшего, являющегося единственным участником со стороны обвинения по делам о дорожно-транспортных происшествиях, получено объяснение. Наступившая впоследствии смерть потерпевшего также существенно затрудняет расследование уголовного дела, поскольку значительно сужается круг источников получения значимой для уголовного дела информации.

Полагаем, во избежание затруднений в расследовании уголовных дел, назрела необходимость рассмотрения вопроса о возможности применения к лицам уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний при получении объяснений на стадии возбуждения уголовного дела, повышении уровня ответственности должностного лица за недостоверное отражение показаний в тексте объяснения.

Определение статуса подозреваемого возможно только в установленных законом случаях. Так, закрепить за лицом процессуальный статус подозреваемого возможно путем возбуждения в отношении него уголовного дела, задержания в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, избрания ему меры пресечения в соответствии со ст. 100 УПК РФ, либо направления ему уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке ст. 223.1 УПК РФ.

И если с определением процессуального статуса подозреваемого лица, в отношении которого вынесено постановление о возбуждении уголовного дела и (или) направлено лицу уведомление о подозрении в совершении преступления в порядке ст. 223.1 УПК РФ сомнений нет (этим статусом лицо будет обладать до тех пор, пока следователь или дознаватель не вынесет в отношении него постановление о прекращении уголовного преследования либо прекращении уголовного дела), то при задержании лица или избрании ему меры пресечения неминуемо возникают спорные ситуации.

При задержании лица в порядке ст. 91, 92 УПК РФ законодатель четко определил процессуальные сроки – 48 часов, то есть по истечении 48 часов статус, приобретенный лицом только в связи с тем, что оно было задержано, утрачивает силу.

Тогда вместе с постановлением об освобождении лица из изолятора временного содержания следователь или дознаватель должен (выделено нами – Е. К., Т. Н.) вынести и постановление о прекращении в отношении конкретного лица уголовного преследования. Однако впоследствии, при получении доказательств причастности этого лица к преступлению, руководитель следственного органа (или прокурор) будет вынужден отменить ранее вынесенное следователем (дознавателем) постановление о прекращении уголовного преследования.

В случае избрания меры пресечения лицо приобретает статус подозреваемого и становится «носителем» прав и обязанностей подозреваемого лишь на 10 суток, как это определено законодателем, но что потом? Следуя букве закона, согласно ч. 1 ст. 100 УПК РФ мера пресечения по истечении 10 суток немедленно отменяется, если лицу не предъявлено обвинение. Соответственно, он перестает быть подозреваемым, поскольку вместе с истечением сроков задержания и меры пресечения у лица должен измениться и статус, например на статус свидетеля. Так каково же положение лица, которое еще совсем недавно было обладателем статуса подозреваемого, если не доказана его вина и ему не предъявлено обвинение? Уголовно-процессуальным законом этот момент не урегулирован.

Полагаем, указанные пробелы требуют разъяснения и четкой законодательной регламентации.

Говоря о проблемных ситуациях, возникающих при приостановлении и прекращении производства по уголовным делам, и выявленных по итогам проведенного анализа изученных материалов уголовных дел, необходимо отметить следующие аспекты.

Во-первых, при приостановлении расследования по уголовным делам у лиц, являющихся участниками уголовного процесса и, соответственно носителями прав и обязанностей, процессуальное положение не меняется, поскольку ни следователь, ни дознаватель не принимают решения о статусе лица, подвергаемого уголовному преследованию. Таким образом, даже по приостановленному уголовному делу, лицо является подозреваемым и несет на себе соответствующее бремя обязанностей.

Во-вторых, на практике зачастую возникают ситуации, когда после отмены постановления о возбуждении уголовного дела и вынесения постановления о прекращении уголовного дела разъяснение подозреваемому права на реабилитацию не осуществляется, что является нарушением требований закона.

В-третьих, прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям практически всегда связано с неполнотой проведенной доследственной проверки, либо с непосредственным нарушением требований УПК РФ. Так, по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, это, в первую очередь, неполнота объема проведенных оперативно-розыскных мероприятий. После предоставления материалов следователю, у него уже практически нет возможности получать доказательства, напрямую не связанные с проведенными оперативно-розыскными мероприятиями, и после исчерпания всех возможных способов доказывания уголовное дело прекращается в связи с отсутствием в действиях подозреваемого состава преступления. Либо возникает другая ситуация, когда уголовное преследование в отношении подозреваемого прекращается, а предварительное следствие по уголовному делу приостанавливается в связи с тем, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого,

не установлено, что также свидетельствует о низком качестве проведенных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лица, причастного к совершению преступления.

Таким образом, органы предварительного следствия используют форму окончания предварительного расследования прекращением уголовного дела достаточно редко. В случаях необходимости прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, осуществляются такие действия, как отмена постановления о возбуждении уголовного дела прокурором, либо прекращение уголовного преследования лица в случае установления его непричастности к совершению данного преступления с последующим приостановлением предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Подводя итог, необходимо отметить, что вопросы отмены постановления о возбуждении, приостановлении и прекращении уголовного дела в ходе предварительного расследования, а также четкого определения статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию, требуют детальной проработки в целях соблюдения гарантий прав граждан на стадии предварительного расследования.

---

1. Проблемные лекции по отечественному уголовному процессу / В. Т. Томин, П. Г. Марфицин, А. С. Александров, В. В. Кальницкий и др. М.: Юрайт, 2010. 590 с.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, уголовное дело, уголовное преследование, возбуждение уголовного дела, прекращение уголовного дела.

УДК 343.1

МОРАЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Кухарев Юрий Станиславович,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Воротникова Анна Сергеевна,
студент юридического факультета,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Устинов Вадим Дмитриевич,
студент юридического факультета,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

В представленной статье рассматривается актуальный вопрос о нравственной стороне деятельности следователя. Стоит ли пренебрегать аморальными средствами расследования для достижения поставленной цели? И важно ли соблюдение нравственных норм в расследовании дел? Попробуем разобраться в этих вопросах.

В настоящее время отношение общества к представителям правоохранительных органов носит довольно неоднозначный характер. Это отчасти обусловлено неким произволом «власть имущих». Дело в том, что первостепенная задача работников правоохранительных органов заключается в защите прав и свобод граждан, общественного правопорядка, а сотрудник данной структуры должен являться воплощением ответственности, законности и справедливости. Именно поэтому эта деятельность подразумевает под собой повышенные со стороны общества требования к своим сотрудникам, в частности, к следователям. Речь идет о моральной, этической стороне вопроса.

Во время выполнения своей работы перед следователем стоит определенная задача: как можно быстрее и эффективнее расследовать дело и найти виновного. Но каким образом это сделать, с помощью каких инструментов и средств? Не смотря на существующую сложность: необходимость стопроцентного раскрытия преступлений, деятельность следователя не допускает отклонений от нравственных принципов. Совершенно ясно, что решение поставленной перед ним профессиональной цели не должно отступать от норм морали.

Следует отметить, что законом на следователя возлагается требование о разъяснении прав и возможности их осуществления лицам, участвующим в деле. Следователь в общении с участвующими в деле лицами должен быть предельно корректен, выдержан, тактичен, внимателен, независим от того, какое положение в деле они занимают, какие эмоции вызывает у следователя их личность и поведение, ему следует избегать проявления собственного превосходства, невежества, грубости, соблюдать определенные правила речевого этикета и вежливую форму обращения.

Справедливо пишет об этом Д. П. Котов: «В отношении любого человека – опасного преступника и обычного скандалиста, рецидивиста и бытового склочника, потерпевшего и просто обиженного – лица, осуществляющие производство по уголовному делу, обязаны быть максимально выдержанными, тактичными, хладнокровными, собранными, спокойными, корректными и целеустремленными в осуществлении задач судопроизводства. И как бы при этом ни велико было эмоциональное и умственное напряжение, как бы ни тяжело было сдерживать гнев по отношению к убийце, насильнику, грабителю, срыв недопустим так же, как недопустимы угрозы, грубость, обман, какими бы соображениями и причинами они не объяснялись» [3, с. 46].

А несоблюдение этих прописных истин говорит лишь о малом опыте работы следователя, его непрофессионализме, халатном отношении к работе, неразвитом чувстве профессионального долга, дефектах профессиональной совести и низком уровне общей и правовой культуры [4, с. 48].

Важно сказать, что действия следователя будут абсолютно правомерны и эффективны, при условии, если, во-первых, строго соблюдается процессуальный закон; во-вторых, создается здоровая нравственная атмосфера уважения достоинства всех участвующих в деле лиц.

В следственной деятельности, помимо непосредственной процедуры допроса свидетелей и подозреваемых, существуют тонкости, исходя из этического аспекта, и в методах ведения расследования. Речь идет о так называемых «следственных хитростях». Причем, на этот счет имеются различные мнения.

Например, советский правовед М. С. Строгович отмечал, что «следственные хитрости и психологические ловушки» формируют у подследственного ошибочное представление о различных фактах. Фактически, следователь не имел право открыто лгать обвиняемому, но, так как без этого он обойтись не может, он использует более сложную его форму, суррогат-«формирование ошибочного представления». Такая, по выражению М. С. Строговича, «хитроумная форма лжи, обмана в нравственном отношении еще более нетерпима и недопустима» [6, с. 126–127].

Однако Л. Я. Драпкин под «психологическими ловушками» и «следственными хитростями» понимают «изобретательность и маневрирование информацией» [2, с. 123–127]. А О. Я. Баев считает, что «сущность этих

приемов сводится к воздействию на допрашиваемого путем маневрирования следователем имеющейся в его распоряжении информацией с целью свободного и осознанного изменения допрашиваемым своего отношения к предмету следственной ситуации и самого своего поведения в ней» [1, с. 132]. Эти методы способствуют наиболее эффективному раскрытию преступлений, и это подтверждает практика. Тем не менее, споры по поводу моральной стороны этого вопроса не утихают до сих пор.

По образному выражению А. Р. Ратинова, «психологические методы должны быть подобны лекарству, которое, действуя на больной организм, не причиняет никакого вреда здоровым частям организма» [5, с. 168].

К числу таковых относится, к примеру, преувеличение имеющихся доказательств, блеф со стороны следователя, который заставляет преступника говорить правду. Применяется также мнимое наличие свидетеля со стороны обвинения, когда боязнь преступника быть уличенным ведет к собственному признанию или раскаянию. Однако сама по себе сущность этих методов является аморальной, безнравственной. Существует вероятность того, невиновный человек может сознаться в преступлении, которого не совершал посредством такого психологического воздействия.

Неоднозначно мнение исследователей и на счет перекрестного допроса, когда свидетелю (подозреваемому) задаются множественные непоследовательные вопросы, которые просто сбивают с толку, но, тем не менее, помогают выявить, лжет ли человек или нет.

Постановка наводящих вопросов во время допроса тоже имеет двоякое представление в умах ученых. С одной стороны, использование этого средства помогает следователю более точно узнать интересующую его информацию, поставить в замешательство лгуна, поскольку тот не сможет оперативно построить линию доказывания, чтобы не запутаться или не сказать лишнего; а, с другой стороны, наводящий вопрос представляет собой вопрос о подтверждении/опровержении уже известного факта, то есть обвиняемый, не виновный в предъявляемом ему обвинении, может сознаться в совершении преступления, узнав о деталях непосредственно со слов следователя.

Существует также так называемый эмоциональный эксперимент, который представляет собой неожиданное предъявление свидетеля или доказательств и аудио-, видеофиксация эмоционального состояния, реакции на это явление свидетеля для последующего подробного изучения следователем. Если им будет замечено отклоняющееся поведение, проявление волнения, чрезмерных переживаний, то полученные данные будут являться подтверждением если не причастности, то осведомленности, которую тот пытается утаить.

Так имеет ли право следователь обманывать обвиняемого, подозреваемого и других лиц, делая ложные заявления, сообщая им заведомо лож-

ные сведения, или давая обещания, которые не может или не собирается выполнять? Разумеется, нет.

Еще в 1864 году статьей 405 Устава уголовного судопроизводства было сформулировано положение: «Следователь не должен домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами, ни тому подобными мерами вымогательства» [7, с. 240].

Однако главным нарушением этических норм, которые являются не просто аморальными и безнравственными, а противозаконными, является применение насилия, физического давления и угроз на подозреваемого, свидетеля со стороны следователя.

В Российском государстве признается преступлением и строго карается принуждение к даче показаний путем применения угроз или иных незаконных действий со стороны сотрудников правоохранительной деятельности. А если эти действия соединены с применением насилия или издевательством над личностью допрашиваемого, то они влекут за собой жесткие последствия. Таковым является, например, задержание свидетеля по надуманным основаниям в целях получения от него желательных для следователя показаний. Оно само по себе уже образует состав преступления, предусмотренного ст. 301 УК [8].

Помимо этого, аморальным считается также пассивность, приводящая к нераскрытию преступлений, поверхностное ведение следствия, небрежность в производстве следственных действий и их протоколировании, обвинительный уклон, сводящийся к разработке лишь одной версии. Эти действия влекут за собой колоссальные ужасающие последствия: в заключении может оказаться невиновный человек из-за халатности сотрудника правоохранительных органов. В неудержимой гонке за процентом раскрытых дел следователь пренебрегает моральными нормами.

Кроме того, глубоко безнравственным является разглашение сведений об интимных сторонах жизни подозреваемого, свидетеля в корыстных целях: попытке сыграть на чувствах, когда тот не сможет себя контролировать и сообщит необходимую информацию.

Вот здесь и всплывает главный вопрос: стоит ли игра свеч? Перед следователем стоит необходимость выбора одного из двух вариантов: или использовать закон «всухую», придерживаясь этических норм, или обеспечить себе наибольшую эффективность в расследовании преступлений путем обхода закона. Решением данной дилеммы является некий компромисс, пограничное положение между предложенными программами действия, которое не переходит грани законности и безнравственности, но, тем не менее, обеспечивает результативную профессиональную деятельность следователя. Ярая приверженность моральных принципов, непредвзятость и объективность, строгое соблюдение законности принятия решений – вот черты, отличающие следователя-профессионала.

1. Баев О. Я. Тактика следственных действий, 1995. 456 с.
2. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. 164 с.
3. Кокорев Л. Д., Котов Д. Л. Этика уголовного процесса: учебное пособие, 1993. 224 с.
4. Кобликов А. С. Юридическая этика: учебник для вузов. М., 2000. 168 с.
5. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 2001. 352 с.
6. Строгович М. С. Проблемы судебной этики. М., 1974. 272 с.
7. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России: учебное пособие, 2005. 464 с.
8. Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 30 марта 2016 г.: с изм. и доп.

Ключевые слова: правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, следователь, этика, мораль.

УДК 343.1

ДОПУСТИМОСТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Кравчук Любовь Алексеевна,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

В статье рассматривается вопрос о допустимости объяснений в качестве доказательства в стадии возбуждения уголовного дела.

На протяжении длительного времени продолжается дискуссия о доказывании в стадии возбуждения уголовного дела. Федеральным законом от 4 марта 2013 г. [1] внесено предписание о том, что «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения, могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса» (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

В юридической литературе некоторые авторов приветствуют данные нововведения. Так, В. В. Терехин считает, что законодатель предпринял попытку отказаться от формально-юридического толкования понятия допустимости доказательств и дал дополнительное подтверждение их определению как «любых сведений»… В этом усматривается сближение отечественного позитивного доказательственного права с англосаксонским [2].

А. С. Александров, М. В. Лапатников считают, что распространение режима «доказательство» за пределы процессуального поля указывает на закладывание нового смысла устоявшихся понятий. Грань между процессуальной и непроцессуальной деятельностью практически стерта [3]. По мнению авторов отрицающих доказательственное значение результатов, полученных при проверке сообщения о преступлении, основным «пороком» является то, что способ их получения не соответствует условиям допустимости и не обеспечивает достоверности содержащихся в них сведений. Эти сведения можно использовать только для оценки основания к возбуждению уголовного дела [4].

Конечно, мысль о возможности использования сведений, полученных в стадии возбуждения уголовного дела, привлекательна. Однако судебно-следственная практика показывает неоднозначное отношение к данному вопросу. Рассмотрим на примере получения объяснения.

В теории уголовного процесса ряд авторов считают, что с точки зрения относимости, допустимости, достоверности полученные сведения при объяснении вполне подпадают под категорию «иные документы»: происхождение данного документа легко удостоверить, он содержит информацию по расследуемому делу, заверен подписями [5]. Другие ученые-процессуалисты считают основным препятствием признания доказательствами сведений, полученных при получении объяснения, тот факт, что законом не предусмотрен такой вид доказательства и получены сведения из недопустимого источника [6].

По определению Конституционного Суда РФ объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела, следует относить к «иным документам» (ст. 84 УПК РФ) [7]. Несмотря на это, нередко суды по уголовным делам исключают объяснение из числа доказательств, обосновывая решение тем, что оно не отвечает требованиям ст. 74 УПК РФ [8]. Так, по вымогательству при получении объяснения пострадавший, что обвиняемые требовали передачи имущества и угрозы выражали только словесно. При допросе в качестве потерпевшего он уточнил, что при требовании передачи имущества один из обвиняемых демонстрировал пистолет. В ходе судебного разбирательства по ходатайству защитника и подсудимого был допрошен оперуполномоченный ОУР, который получал объяснение от пострадавшего. Относительно сведений о наличии пистолета, последний ответил, что прошло много времени, и он не помнит обстоятельств получения объяснения. Потерпевший показал, что был сильно взволнован, поэтому забыл сказать о пистолете. Каких-либо других доказательств о наличии пистолета в уголовном деле не представлено. Судья вынес решение об отказе в удовлетворении ходатайства защитника и подсудимого о недопустимости показаний потерпевшего в части наличия пистолета, указывая на то, что объяснения не относится к доказательствам [9].

Полагаем, что недопустимо, когда решение вопроса поставлено в зависимость от разового субъективного усмотрения конкретного судьи.

Для ответа на вопрос, можно ли использовать объяснение в качестве доказательства, обратимся к общей теории доказывания. В науке уголовного процесса с точки зрения гносеологии доказывание есть познание и подчиняется общим закономерностям, формулированным философией и другими прикладными науками [10, с. 13–15]. Особенность уголовно-процессуального доказывания состоит в том, что оно имеет ретроспективный характер и осуществляется опосредованным путем уполномоченными на то органами и должностными лицами, в порядке, строго регламентированном УПК РФ [11, с. 86]. В основе доказывания лежат доказательства. Доказательство, в соответствии со ст. 74 УПК РФ, представляет собой единство трех элементов: сведения о фактах, источник сведений о фактах, способы и порядок собирания, закрепления и проверки сведений о фактах и их источниках [11, с. 167].

По отношению к объяснению обозначенные элементы проявляются следующим образом.

Объяснение – это сведения о фактах, отражающее действительное состояние события конкретным носителем информации. Носителем информации при получении объяснения имеют разное отношение к фактам, интересующим должностное лицо, осуществляющим проверку сообщения о преступлении. Ими могут быть заявитель, лицо, имеющее отношение к интересующим фактам, но не совершившие преступление- очевидец, лицо, которое могло совершить преступление – «заподозренное» либо «явившийся с повинной». Законодатель не представил данным участникам процессуального статуса.

Источник сведений о фактах – это единство носителя информации и процессуальной формы передачи сохранения этих сведений. Сведения о фактах от носителя информации формируется в показаниях, при этом носитель информации имеет конкретный процессуальный статус. Источники сведений перечислены ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В этом перечне отсутствует объяснение как самостоятельный вид доказательства.

Способы и порядок собирания сведений о фактах и их источников определены УПК РФ. Сведения об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, получают в ходе допроса (ст. 76–80 УПК РФ). Условия, порядок и процессуальное оформление допроса детально регламентированы уголовно-процессуальным законом. Получение объяснения – это, конечно, не допрос. Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель предоставил право «получать», а не «требовать» объяснения. Значит, должностное лицо, уполномоченное на проверку сообщения о преступление, не вправе применять меры уголовно-процессуального принуждения и ограничивать конституционные права и свободы иных субъектов уголовно-процессуальных отношений. Получение объяснения возможно только

при добровольном волеизъявлении. Лицо не несет ответственности за сообщение заведомо ложной информации. Это значит, что сведения, исходящие от лица, не обремененного ответственностью за умышленное искажение фактов, могут вызвать сомнения в достоверности, поэтому о качественном доказательстве говорить нельзя.

Ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ содержит принципиальное предписание о допустимости сведений в качестве доказательства, если они отвечают требованиям ст. 75 УПК РФ. Однако п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ закрепляет правило, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, считаются недопустимыми. Учитывая, что порядок получения объяснения и его процессуальное оформление законом не закреплены, то сложно говорить о каких-либо нарушениях требований УПК РФ.

Сказанное позволяет сделать вывод, что единство трех обозначенных выше элементов, формирующих доказательство, при получении объяснения отсутствует. В результате чего говорить об объяснении как самостоятельном виде доказательств невозможно.

Суждение о том, что объяснение приобретает такой вид доказательства как «иные документы» ошибочно, поскольку иные документы приобщаются к уголовному делу, если они получены, истребованы или представлены в порядке ст. 86 УПК РФ, то есть в ходе предварительного расследования.

Таким образом, получение объяснения – это уголовно-процессуальный познавательный способ проверки сообщения о преступлении, в результате которого должностное лицо, получает сведения, имеющие значение для решения о возбуждении уголовного дела или отказе в нем.

---

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Рос. газ. 2013. 6 марта. № 48.

2. Терехин В. В. Допустимость материалов проверки как доказательств // Рос. следователь. 2013. № 11. С. 28–30; Абдул-Кадыров Ш. Доказательства, полученные при производстве доследственной проверки // Уголовное право. 2014. № 2. С. 96–99 и др.

3. Александров А. С., Лапатников М. В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 23–28.

4. Воскобойник И. О., Гайдышева М. Г. Проблемы формирования доказательственной базы при проверке сообщений о преступлениях // Адвокатская практика. 2013. № 5. С. 23–26; Зажицкий В. И. Дополнения к ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы // Рос. юстиция. 2013. № 11. С. 28–31.

5. Григорьев А. И. Допустимость объяснений в качестве доказательств по уголовному делу // Рос. юридический журнал. 2013. № 5. С. 145–148; Быков В. М. Новый Закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Рос. юстиция. 2013. № 5. С. 24–30; Балакшин В. С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Рос. юридический журнал. 2012. № 5. С. 124–126.

6. Зажицкий В. И. Дополнения к ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы // Рос. юстиция. 2013. № 11. С. 28–31; Шалумов М. С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 32; Земцова А. В. Способ получения свидетельских показаний как условие их допустимости // Рос. следователь. 2009. № 21. С. 6; Балакшин В. С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Рос. юридический журнал. 2012. № 5. С. 124–126.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 28 мая 2013 г. № 723-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Хакасия [Электронный ресурс]: от 18 февраля 2015 г. № 22-146/2015 по делу № 22-146/2015. URL: http://sudact.ru/regular/doc/wWLPR9dH74rW (дата обращения: 1 декабря 2015 г.)

9. Уголовное дело № 22-3856/2015 // Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга.

10. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Проспект, 2000.

11. Балакшин В. С. Допустимость доказательств: понятие, правая природа, значение, алгоритм оценки: научно-практическое пособие. Екатеринбург. Изд-во УМЦ УПИ, 2013.

Ключевые слова: объяснение, доказательство, сведения о фактах, носитель информации, источник сведений о фактах, способы собирания сведений о фактах.

УДК 343.1

ХРАНЕНИЕ В ЛОМБАРДЕ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВИД ХРАНЕНИЯ

Малышева Наталия Александровна,
курсант 301 учебной группы,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Научный руководитель: Коробов Алексей Александрович,
кандидат экономических наук, преподаватель кафедры
гражданско-правовых и экономических дисциплин,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

ГК РФ выделяет общие и частные положения договора хранения. Общие положения применимы, например, договору хранения на товарном складе. Особое место в гражданском праве уделяется специальным видам хранения. Профессиональным видам хранения посвящена глава 47 ГК РФ, представленная несколькими статьями, представляющими разновидности специального хранения. Таким образом, к специальным видам хранения относятся: хранение в ломбарде, хранение ценностей в банке, хранение ценностей в индивидуальном банковском сейфе, хранение в камерах хранения транспортных организаций, хранение в гардеробах организаций, хранение в гостинице, хранение вещей, являющихся предметом спора (секвестр).

Нормы гражданского законодательства, регламентирующие отношения по поводу хранения, в основном диспозитивны – стороны могут выбирать различные варианты поведения (то или иное правило закона сопровождается словами: «если иное не предусмотрено договором»). В изъятие из этого общего правила положения о хранении вещей в ломбарде отмечены императивным началом: законом предписывается определенный вариант поведения, отступление от которого не допускается (в том числе и по соглашению сторон).

Отношения, возникающие по поводу хранения вещей в ломбардах, регулируются ГК РФ и Федеральным законом от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах».

Ломбардом является юридическое лицо – специализированная коммерческая организация, основными видами деятельности которой являются предоставление краткосрочных займов гражданам и хранение вещей [1].

В качестве ломбарда может выступать только субъект предпринимательской деятельности, имеющий соответствующую лицензию, а в качестве поклажедателя – физическое лицо. Ломбарды, помимо своей основной функции по выдаче денежных ссуд под залог имущества, выступают также

в качестве профессиональных хранителей. В основном они осуществляют хранение личных вещей, принадлежащих гражданам. Действуют ломбарды на основании специальной лицензии. Договор хранения вещей в ломбарде оформляется путем выдачи именной сохранной квитанции, которая не может передаваться другим лицам.

Некоторые правила, касающиеся регулирования залоговых отношений в ломбарде, распространяются и на хранение вещей в ломбарде. Так, ломбард не вправе пользоваться и распоряжаться вещами, сданными на хранение, и несет ответственность за утрату и повреждение вещи, если не докажет, что это произошло вследствие непреодолимой силы.

Договор заключается на определенный срок, по истечении которого поклажедателю предоставляется еще два льготных месяца для получения вещи с взиманием за это платы, предусмотренной договором хранения. После того как истечет и льготный срок, ломбард вправе реализовать невостребованные вещи в порядке, установленном ст. 350 ГК РФ для продажи с публичных торгов заложенного имущества. Из вырученной суммы ломбард вправе удержать плату за хранение и иные причитающиеся ему платежи, а остаток обязан вернуть поклажедателю.

По условиям договора хранения гражданин (физическое лицо) – поклажедатель сдает ломбарду на хранение принадлежащую ему вещь, а ломбард обязуется осуществить на возмездной основе хранение принятой вещи.

Договор хранения в ломбарде вещей является публичным договором. Договор хранения в ломбарде должен содержать следующие существенные условия:

- наименование сданной на хранение вещи;
- сумму оценки вещи;
- срок хранения;
- размер вознаграждения за хранение;
- порядок уплаты вознаграждения.

Указание на то, что договор хранения вещей в ломбарде является публичным, означает, что ломбард обязан оказывать услуги по хранению вещей каждому гражданину, который к нему обратится. Ломбард не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения договора хранения, кроме случаев, предусмотренных законом и иными правовыми актами. Вознаграждение за хранение вещей в ломбарде, а также иные условия договора хранения устанавливаются одинаковыми для всех потребителей, за исключением случаев, когда законом и иными правовыми актами допускается предоставление льгот для отдельных категорий граждан.

Заключение договора хранения в ломбарде вещей удостоверяется выдачей ломбардом поклажедателю именной сохранной квитанции. Другой экземпляр сохранной квитанции остается в ломбарде. Сохранная кви-

танция является бланком строгой отчетности, форма которого утверждена Приказом Минфина РФ от 14 января 2008 г. № 3н.

Сохранная квитанция должна содержать следующие положения и информацию:

- наименование, адрес (место нахождения) ломбарда, а также адрес (место нахождения) территориально обособленного подразделения (в случае если он не совпадает с адресом (местом нахождения) ломбарда);
- фамилию, имя, а также отчество поклажедателя, если иное не вытекает из федерального закона или национального обычая, дата его рождения, гражданство (для лица, не являющегося гражданином Российской Федерации), данные паспорта или иного удостоверяющего личность документа;
- наименование и описание сданной на хранение вещи, позволяющие ее идентифицировать, в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации;
- сумму оценки сданной на хранение вещи;
- дату сдачи вещи на хранение и срок ее хранения;
- технологические условия хранения вещи;
- вознаграждение за хранение и порядок его уплаты.

Сохранная квитанция должна содержать информацию о том, что поклажедатель в случае реализации не востребованной им вещи имеет право получить от ломбарда сумму, вырученную от продажи невостребованной вещи, или сумму ее оценки (наибольшую из указанных сумм) за вычетом расходов на ее хранение.

На ломбард возложена обязанность за свой счет производить страхование в пользу поклажедателя принятых на хранение вещей в полной сумме их оценки. Оценка вещи, передаваемой в залог или сдаваемой на хранение, производится по соглашению сторон в соответствии с ценами на вещи такого рода и качества, обычно устанавливаемыми в торговле в момент и в месте ее принятия в залог или на хранение. Заложенная или сданная на хранение вещь должна быть застрахована на протяжении всего периода ее нахождения в ломбарде [2].

Постановлением Министерства труда и социального развития РФ от 31 декабря 2002 г. № 85 утвержден Перечень должностных лиц и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель имеет право заключать письменные договоры о полной индивидуальной материальной ответственности за недостачу вверенного имущества, куда входят и заведующие, другие руководители ломбардов [3].

Не допускается понуждение заемщика или поклажедателя к страхованию вещи, принятой от него в залог или на хранение, за его счет.

Страхованию подлежит риск утраты и повреждения вещи. Ломбард вправе также страховать за свой счет иные риски, связанные с вещью, принятой в залог или на хранение.

Договор страхования при этом должен содержать информацию о страхуемом объекте. Если сведения об объекте отсутствуют в договоре страхования, такой договор считается незаключенным и по нему нельзя получить страховую выплату. В таком случае ответственность за утрату сданного на хранение имущества ложится на ломбард.

В случае невостребования в установленный срок вещи, сданной на хранение в ломбард, ломбард по истечении льготного двухмесячного срока вправе продать это имущество в порядке, установленном ФЗ от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах».

Днем начала течения льготного двухмесячного срока считается день, следующий за днем окончания срока хранения, указанного в сохранной квитанции. Истекает этот срок в соответствующее число последнего месяца срока (ст. 11 Закона о ломбардах; ст. 192 ГК).

В течение льготного двухмесячного срока, а также срока дальнейшего хранения вплоть до реализации сданной на хранение вещи ломбард не вправе ухудшать условия хранения такой вещи. За хранение вещи в указанный период взимается соразмерное вознаграждение.

Пунктом 5 ст. 358 ГК РФ предусматривается возможность продажи вещи на основании исполнительной надписи нотариуса. Некоторое время в юридической науке имели место сомнения в правомерности существования исполнительной надписи нотариуса, поскольку в силу ч. 3 ст. 35 Конституции РФ никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Судебная практика представляла собой «разноречивую картину, включая решения о неконституционности исполнительной надписи» [4, с. 81]. В настоящее время возможность совершения нотариусами исполнительных надписей не оспаривается.

Целью реализации невостребованной вещи является удовлетворение требований ломбарда к заемщику или поклажедателю в размере, определяемом в соответствии с условиями договора займа или договора хранения на день продажи невостребованной вещи (ч. 1 ст. 13 Закона о ломбардах).

Как представляется, возможность реализации ломбардом невостребованной вещи обусловлена также существом отношений, ибо ломбард не может хранить переданные ему вещи вечно.

В Законе о ломбардах установлено, что реализация невостребованной вещи, на которую обращено взыскание, осуществляется путем ее продажи, в том числе с публичных торгов. В случае если сумма оценки невостребованной вещи превышает 30 тыс. рублей, ее реализация осуществляется только путем продажи с публичных торгов. В иных случаях форма и порядок реализации невостребованной вещи определяются решением ломбарда, если иное не установлено договором займа или договором хранения. Публичные торги по продаже невостребованной вещи проводятся в форме открытого аукциона в порядке, установленном ст. 447–449 ГК РФ, и при этом начальной ценой невостребованной вещи является сумма ее

оценки, указанная в залоговом билете или сохранной квитанции. В случае объявления торгов несостоявшимися ломбард вправе при проведении повторных торгов снизить начальную цену вещи, но не более чем на 10 % от начальной цены на предыдущих торгах. Повторные торги могут проводиться путем публичного предложения.

После продажи невостребованной вещи требования ломбарда к заемщику или поклажедателю погашаются, даже если сумма, вырученная при реализации невостребованной вещи, недостаточна для их полного удовлетворения [5].

Если после продажи невостребованной вещи сумма обязательств заемщика или поклажедателя перед ломбардом оказалась ниже суммы, вырученной при реализации невостребованной вещи, либо суммы ее оценки, ломбард обязан возвратить заемщику или поклажедателю:

1) разницу между суммой оценки невостребованной вещи и суммой обязательств заемщика или поклажедателя в случае, если сумма, вырученная при реализации невостребованной вещи, не превышает сумму ее оценки;

2) разницу между суммой, вырученной при реализации невостребованной вещи, и суммой обязательств заемщика или поклажедателя в случае, если сумма, вырученная при реализации невостребованной вещи, превышает сумму ее оценки.

Ломбард по обращению заемщика или поклажедателя в случае, если такое обращение поступило в течение трех лет со дня продажи невостребованной вещи, обязан выдать ему денежные средства в указанном размере и предоставить соответствующий расчет размера этих средств. В случае если в течение указанного срока заемщик или поклажедатель не обратился за получением причитающихся ему денежных средств, такие денежные средства обращаются в доход ломбарда (ст. 13 Закона о ломбардах).

Таким образом, хранение в ломбарде относится к специальным видам хранения, регулируемым 919–920 ГК РФ, ФЗ «О ломбардах», а также иными нормативно-правовыми актами. К специфичным признакам данного вида хранения следует отнести то, что поклажедателем может быть только физическое лицо, а хранителем лишь юридическое лицо, то есть ломбард, имеющий лицензию на осуществление деятельности по хранению ценных вещей.

---

1. О ломбардах [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ: ред. от 21 декабря 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: В 3 т. Том 3 [Электронный ресурс] / под ред. П. В. Крашенинникова. «Статут», 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Берг О. Материальная ответственность в трудовых отношениях // Кадровый вопрос. 2015. № 3.

4. Крылов С. Исполнительная надпись: вопросы применения // Нотариальный вестник. 1998. № 7–8.

5. Хорошилова И. Первые «подножки» торгового сбора: разбираемся с неясностями новой главы НК РФ // Рос. налоговый курьер. 2015. № 15.

Ключевые слова: ГК РФ, договор хранения, договор хранения на товарном складе, специальный вид хранения, профессиональное хранение, глава 47 ГК РФ, разновидности специального хранения, хранение в ломбарде, хранение ценностей в банке, хранение ценностей в индивидуальном банковском сейфе, хранение в камерах хранения транспортных организаций, хранение в гардеробах организаций, хранение в гостинице, хранение вещей, являющихся предметом спора (секвестр).

УДК 347.1

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Медведев Алексей Владимирович,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин,
Белгородский юридический институт МВД России
308034, Белгород, ул. Горького, 71

Ворона Анна Анатольевна,
студент юридического факультета,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Демьячук Виктория Александровна,
студент юридического факультета,
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Данная статья посвящена раскрытию международных стандартов в области прав человека и гражданина, имеющие свое отражение во многих международных актах. Освещены аспекты, которые обуславливают важность принятия международных актов в отношении защиты прав и свобод человека и гражданина.

Согласно Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются наивысшей ценностью, а соблюдение этих прав и свобод – обязанностью государства» [8, ст. 2]. Каждый человек от рождения наделен особыми правами, они неотчуждаемы. С возрастом количество этих прав возрастает. Поэтому, чтобы реализовать свои возможности каждый учится понимать и рассуждать для чего эти права ему даны, чтобы в полной мере пользоваться ими. На международном уровне всегда человек, его права и свободы были на первом месте. Именно с помощью международных стандартов, которые нашли свое отражение в различных международных актах, устанавливается четкая стабильность стремления обеспечить и улучшить общественную жизнь [1, с. 200].

Признание, уважение и соблюдение прав человека без иных форм дискриминации в отношении всех лиц является обязательством любого государства. Согласно дуалистической теории соотношения международного и национального права, подобные права и свободы предоставляются индивидуально лицам и лицам, объединившимся в группы посредством внутреннего права. То есть, прямо от международных сообществ эти лица никаких прав не получают, а только в рамках своей государственности. Право на уважение закреплено соответствующим принципом в Уставе Организации Объединенных Наций, так как одной из целей Организации является реализация международного сотрудничества «в одобрении и уважении к правам человека и основным свободам для всех, в независимости от пола, национальности, места жительства, этнической принадлежности, цвета кожи, языка, религии и других весомых признаков» [14].

Для того, чтобы принципы международного права нашли свое отражение и получили юридическое закрепление, необходима конкретная детализация в обычных и договорных нормах международного права. Международные и правовые обязательства, которые вырабатывают и конкретизируют принцип уважения прав человека и его свобод, называют международными стандартами. Государство обязано предоставлять лицам, которые находятся под их юрисдикцией, определенные права и свободы, а также не допускать нарушений в области прав человека, расовой, национальной и другой дискриминации. Стандарты могут быть универсальными и региональными. Особенностью региональных стандартов является использование традиций и обычаев. Уровень развития любой группы стран более широкий и конкретный. Например, региональные стандарты, принятые в рамках общеевропейского процесса. Универсальные, в свою очередь, являются признанными во всем мире [8, с. 117].

К отдельным видам стандартов относят и ограничения прав и свобод человека. Так, в статье 22 Международного пакта о гражданских и политических правах говорится, что права и свободы могут быть ограничены, в случаях, предусмотренных законом или при необходимости охраны государственной безопасности, общественного порядка, жизни, здоровья или нравствен-

ности населения [9]. Также в статье 4 говорится о том, что во время чрезвычайного положения, участники Пакта могут принимать определенные меры отступления от своих обязательств в соответствии с настоящим Пактом. Согласно этой же статье, нельзя не учитывать то, что отступление от стандартов, которые запрещают использование любых форм дискриминации на основе существенных человеческих признаков, а также закрепляющих право на жизнь, недопустимость рабства и пыток не допускается [9].

Права и свободы человека всегда остаются важнейшим элементом любого демократического государства. На международном уровне для реализации и защиты прав и свобод были и будут разрабатываться соответствующие международные нормативные правовые акты. Многие документы ратифицируются в странах Европы, несут рекомендательный характер. Наличие международных актов на сегодняшний день достаточно велико, это обусловлено непосредственно важностью принятия. Особо важными являются: Всеобщая декларация прав человека, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Конвенция о правах ребенка, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и многие другие, которые внесли огромный вклад в развитие личности, его законных прав и свобод [4; 7; 11].

Всеобщая декларация прав человека коренным образом повлияла на формирование личности, ее интересов и возможностей. Именно в этом акте впервые упомянуто о правах человека. Реализация этих прав прямо закреплена законом и считается действующей на территории многих независимых государств, что по сути определяет статус международного обычая этого акта. Также декларация закрепляет международные стандарты, связанные с правами и свободами всех людей в целом [2].

Еще более известным примером является Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, который был принят 19 декабря 1966 года. Входящие в состав Пакта государства, основывались на статьях этого акта для развития фундамента правовой системы каждого из них. Пакты, в общем-то и созданы для удовлетворения потребностей в целях защиты общества и государства. Влияние этого акта также нашло свое закрепление в международных стандартах [12].

Таким образом, изучив международные стандарты в области прав и свобод человека и гражданина, можно сделать вывод о том, что международно-правовые акты о правах человека и гражданина обладают особыми функциями: они являются основой нормативных правил для национального права, а также играют важнейшую роль в формировании личности и государства в целом [13, с. 95].

---

1. Бирюков П. Н. Международное право. М.: Юрайт, 2012.

2. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 г. // Генеральная Ассамблея ООН, 1981.

3. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18 декабря 1992 г. // Генеральная Ассамблея ООН, 1992.

4. Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г. // Страсбург, 1987.

5. Конституция Рос. Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 9, ст. 851.

6. Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М., 2011. 287 с.

7. Международное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков, 2010. 624 с.

8. Чепурнова Н. М. Международное право. Учебно-методический комплекс, 2008. 295 с.

9. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Генеральная Ассамблея ООН, 1966.

10. Мюллерсон Р. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991.

11. Сорокина Е. Я. Основы международного права. М., 2000.

12. Шестаков Л. Права человека: сб. международных документов. М., 1990.

13. Шумилов В. М. Правоведение. М.: Юрайт, 2012.

14. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Сан-Франциско, 1945.

15. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Генеральная Ассамблея ООН, 1948.

16. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Рим, 1994.

17. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. // Генеральная Ассамблея ООН, 1959.

18. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Генеральная Ассамблея ООН, 1966.

Ключевые слова: международные документы, международное право, права человека, международные стандарты, Всеобщая декларация прав человека.

УДК 343.1

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Миленин Юрий Николаевич,
кандидат юридических наук, мировой судья,
судебный участок Свердловского района Орловской области
303320, Орловская область, пгт. Змиевка, ул. Коммунальная, д. 1

В статье проводится теоретико-правовой анализ гражданского иска в уголовном судопроизводстве.

Правом на судебную защиту обладают граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства. В установленном законом порядке это право принадлежит как отечественным юридическим лицам, так и иностранным организациям. Судебной защите подлежат имущественные (право собственности) и личные неимущественные (право на имя, право на здоровье и т. п.) права. Эта защита осуществляется в исковой форме.

Способом возмещения причиненного преступлением вреда в уголовном процессе служит возможность предъявления гражданского иска при производстве по уголовному делу.

В науке гражданского и арбитражного процесса в каждом иске различают две стороны: материально-правовую и процессуальную. Первая из них содержит притязание истца к ответчику, составляющее предмет иска и опирающееся на материальное право. Вторая характеризует форму и процессуальный порядок реализации этого притязания. Эти стороны соотносятся друг с другом как содержание и форма одного и того же явления [1].

В правовой литературе, в зависимости от характера спора и вида судебной защиты, которой требует истец, выделяют:

а) иски о присуждении;

б) иски о признании;

в) иски об изменении или прекращении правоотношений (преобразовательные иски) [2].

Исковое производство характерно для гражданского и арбитражного судопроизводств. Однако в случаях, когда истец в рамках производства по уголовному делу требует возмещения вреда, причиненного ему преступлением, исковые требования рассматриваются и разрешаются в рамках производства по этому уголовному делу. Правовым основанием к заявлению такого иска является ст. 44 УПК РФ, по смыслу которой физическое или юридическое лицо, которому непосредственно преступлением причинен имущественный или моральный вред, вправе предъявить требование о возмещении вреда в рамках уголовного судопроизводства. Такой иск именуется гражданским иском в уголовном деле (гражданским иском в уголовном процессе).

Гражданский иск в уголовном процессе – это требование физического или юридического лица о возмещении причиненного непосредственно преступлением имущественного вреда, или об имущественной компенсации морального вреда (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Этот иск не меняет своей природы и остается иском о присуждении.

Гражданский иск в уголовном деле, как и любой другой, имеет два элемента: ***предмет*** и ***основание***.

Под предметом гражданского иска понимают обращенное к суду требование о возмещении имущественного или морального вреда, который имеет денежное выражение и обусловлен непосредственно совершением преступления [3].

О том, что предметом гражданского иска является требование только о возмещении имущественного или морального вреда, говорит ст. 44 УПК РФ. В то же время, ст. 42 УПК РФ предусматривает, что потерпевшему от преступления может быть причинен не только имущественный или моральный вред, но и вред физический, а в случае, если потерпевшим является юридическое лицо – то и вред его деловой репутации.

Под физическим вредом, о котором говорится в данной главе, понимается:

1) вред, причиненный жизни или здоровью гражданина – утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение (ст. 1085 ГК РФ);

2) вред, причиненный лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца (ст. 1088 ГК РФ).

Известно, что преступлений, в результате которых причиняется вред жизни или здоровью гражданина совершается достаточно много. Однако, буквальное толкование ст. 44 УПК РФ не позволяет предъявлять и рассматривать такие иски в рамках производства по уголовному делу, поскольку ст. 44 УПК РФ ограничивает предмет гражданского иска в уголовном процессе только требованием о возмещении имущественного или морального вреда, причиненного непосредственно преступлением.

Как свидетельствует судебная практика Орловской области, при предъявлении требований в уголовном процессе о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, соответствующие иски либо оставляются без рассмотрения, либо в отдельных случаях решается вопрос только о взыскании дополнительно понесенных истцом расходов, вызванных повреждением здоровья (расходов на лечение, дополнительное питание и т. п.) [4].

Таким образом, указанные лица вынуждены обращаться заново в суд с исковым заявлением в порядке гражданского судопроизводства по правилам, установленным ГПК РФ.

Подобное ограничение представляется не вполне обоснованным, что позволяет сделать предложение о внесении изменений в ст. 44 УПК РФ, изложив, ч. 1 данной статьи в следующей редакции: «Гражданским истцом является физическое лицо, предъявившее требование о возмещении физического или имущественного вреда или требование о компенсации морального вреда, а также юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении вреда, причиненного его имуществу и деловой репутации, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Решение о признании гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя».

На сегодняшний день, как уже было отмечено выше при рассмотрении уголовных дел суды, руководствуясь действующей редакцией ч. 1 ст. 44 УПК РФ, разрешают лишь требования о возмещении имущественного либо морального вреда, причиненного преступлением.

Согласно ч. 3 ст. 42 и ч. 1 ст. 44 УПК РФ потерпевшему и гражданскому истцу обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением.

Имущественный вред может быть определен как разность между материальным положением потерпевшего до, и после преступления. Денежную оценку имущественного вреда называют убытками. Согласно ч. 1 ст. 15 ГК лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков. В соответствии с ч. 2 указанной статьи под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В порядке уголовного судопроизводства подлежит возмещению только реальный ущерб, причиненный преступлением, т.е. прямые убытки, находящиеся в прямой причинной связи с противоправным деянием. Вопрос о возмещении косвенных убытков (включая упущенную выгоду) выносится за рамки уголовного судопроизводства и решается в порядке гражданского судопроизводства. Решение уголовного суда при этом будет иметь преюдициальное значение для установления фактов причинения вреда, вины причинителя и пр. (ст. 90 УПК РФ).

Относительно определения размера имущественного ущерба Верховный Суд РФ в своих решениях по конкретным уголовным делам указывает следующее:

– при возмещении собственнику ущерба, причиненного преступлением, следует исходить из стоимости похищенного на момент рассмотрения дела;

– в случае изменения цен размер подлежащего взысканию материального ущерба от преступления определяется исходя из цен, действующих на день принятия решения о его возмещении;

– действительный ущерб по состоянию на момент вынесения приговора должен определяться с учетом инфляционных процессов в экономике страны с учетом сводного индекса потребительских цен по данной территории [5].

Данные требования полностью согласуются с положениями п. 3 ст. 393 ГК РФ, согласно которому если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, при определении убытков принимаются во внимание цены, существовавшие в том месте, где обязательство должно было быть исполнено, в день добровольного удовлетворения должником требования кредитора, а если требование добровольно удовлетворено не было, – в день предъявления иска. Исходя из обстоятельств, суд может удовлетворить требование о возмещении убытков, принимая во внимание цены, существующие в день вынесения решения.

Потерпевший вправе требовать компенсации в денежном выражении причиненного ему морального вреда (ч. 4 ст. 42 УПК РФ). Аналогичное право предоставляется гражданскому истцу (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Правила исчисления и компенсации морального вреда предусмотрены также ст. 1099–1101 ГК РФ, которые подлежат применению в рамках уголовного судопроизводства.

Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина [6].

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др. [6].

Лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе также предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, которая в соответствии с законом осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. При определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать: чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием), они нанесены, характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение, в какой сумме потерпевший оценивает компенсацию перенесенных нравственных или физических страданий и другие конкретные обстоятельства дела, влияющие на решение суда по предъявленному иску. Во всех случаях при определении размера компенсации вреда должны быть учтены требования справедливости и соразмерности.

Суд вправе рассмотреть самостоятельно предъявленный иск о компенсации причиненных истцу нравственных или физических страданий, поскольку в силу действующего законодательства ответственность за причиненный моральный вред не находится в прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно.

Основание гражданского иска подразделяется на две составляющие: фактическую и юридическую.

Фактическое основание гражданского иска составляют юридические факты, с наличием которых закон связывает возникновение правоотношения между гражданским истцом и гражданским ответчиком.

Этими фактами являются:

а) преступное деяние;

б) наличие имущественного или морального вреда у истца;

в) наличие прямой (необходимой) причинной связи между преступлением и вредом.

Таким образом, возможность предъявления гражданского иска в уголовном деле не безгранична. Такой иск может быть предъявлен не только потому, что одно лицо причинило вред другому, а потому, что это лицо (причинитель вреда) обвиняется в совершении именно того преступления, которым непосредственно причинен этот вред и которое является предметом расследования и (или) судебного разбирательства. Если же лицо, обвиняемое в совершении преступления, действительно причинило вред, но не тем преступлением, которое является предметом расследуемого или рассматриваемого судом уголовного дела, к нему не может быть предъявлен иск в рамках данного уголовного дела [7].

Юридическим основанием гражданского иска являются нормы УПК РФ (ст. 42, 44, 54 и др.), а также нормы ГК РФ (ст. 15, 1099–1101 и др.) и иных актов, предусматривающие право гражданского истца на возмещение имущественного или морального вреда, причиненного ему непосредственно преступлением.

Особенности рассмотрения гражданского иска вместе с уголовным делом в известной мере обусловлены зависимостью от характера совершенного преступления. Связь иска с преступлением предопределяет ограничение состава сторон по спору о праве гражданском их отношением к совершенному преступлению и его последствиям [7]. В то же время недооценка на практике значения связи гражданского иска в уголовном деле с преступлением, в котором обвиняется лицо, приводит к попыткам расширения круга субъектов уголовного процесса, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений в связи с иском. Тем самым необоснованно усложняется ведение производства по делу.

В уголовном процессе возможен и регрессный гражданский иск. Согласно ст. 1081 ГК лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т. п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Помимо случаев, указанных в ст. 1081 ГК, право на предъявление регрессного гражданского иска в уголовном деле возникает, например, у организации, оплатившей листок нетрудоспособности потерпевшему от преступных действий, которая вправе обратиться с регрессным гражданским иском о взыскании этой суммы с обвиняемого независимо от того, умышленно или по неосторожности им был причинен вред.

Основание для предъявления регрессного гражданского иска в уголовном процессе образуется также, если магазин, из которого была совершена кража, по договору охранялся вневедомственной охраной органов внутренних дел, то последняя должна возместить ущерб магазину. Ущерб с осужденных подлежит взысканию в пользу вневедомственной охраны в порядке регресса, по иску последней. В данной ситуации собственник магазина (индивидуальный предприниматель лицо юридическое лицо) будет выступать в качестве потерпевшего; управление вневедомственной охраны либо управление внутренних дел (в зависимости от того, обладает ли управление вневедомственной охраны статусом юридического лица - государственного учреждения либо федерального государственного унитарного предприятия) буде являться гражданским истцом; а подсудимые будут одновременно являться и гражданскими ответчиками (при отсутствии обстоятельств, позволяющих привлекать к гражданско-правовой ответственности за их действия третьих лиц – родителей, опекунов и т. д.).

Завершая анализировать правовую природу гражданского иска в уголовном судопроизводстве необходимо сделать вывод о том, что гражданский иск в уголовном процессе по своей природе является уголовно-процессуальным институтом. Поэтому установление оснований иска и, следовательно, оснований гражданско-правовой ответственности осуществляется по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом. Однако не в коем случае не стоит игнорировать нормы гражданского законодательства, которое подлежит применения на ряду с уголовно-процессуальным.

---

1. Скобликов П. А. Арбитражный и уголовный процессы: коллизии в сфере доказывания и пути их преодоления. М.: Норма, 2006. С. 52.

2. Колосович С. А., Зайцева Е. А. Уголовный процесс: учебник. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. С. 180.

3. Рыжаков А. П. Уголовный процесс: учебник для вузов. Изд. 5-е, перераб. М., 2011. С. 98.

4. Угланова М. А. Обзор судебной практики рассмотрения дел о возмещении вреда, причиненного здоровью за 2011 год [Электронный ресурс]. URL: www.oblsud.orl.sudrf.ru.

5. Зорин А. И. Гражданский иск в уголовном процессе: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 24.

6. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 // Рос. газ. 1995. 8 февр. № 29.

7. Божьев В. П. Гражданский иск в уголовном процессе // Законность. 2004. № 7. С. 20.

Ключевые слова: возмещение вреда, гражданский иск, уголовное судопроизводство, УПК РФ.

УДК 347.1

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕДУРЕ ОКОНЧАНИЯ ДОЗНАНИЯ С СОСТАВЛЕНИЕМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА

Миронова Анна Валентиновна,
кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса,
Московский областной филиал Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
143100, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево

В статье рассматриваются проблемы соблюдения единой процессуальной формы окончания предварительного расследования, анализируются пробелы в процедуре окончания дознания с составлением обвинительного акта.

Упорядоченность уголовно-процессуальных отношений служит гарантией обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и выполнения его назначения, определенного в ст. 6 УПК РФ. Такая позиция поддерживается большинством ученых и практиков, которые не опасаются переоценить значение уголовно-процессуальной формы, подчеркивая ее исключительную важность. Например, указывается, что «процессуальная форма создает режим законности, обеспечивает защиту прав и законных интересов…, является важнейшим и единственным инструментом достижения задач уголовного процесса, ее соблюдение – важнейшее условие успешного доказывания» [1]. Г. Н. Ветрова считает, что любая процедура является важнейшим социальным регулятором, и поэтому, безусловно, в идеале процессуальная форма должна быть максимально полезным социальным инструментом, обеспечивающим решение задач судопроизводства, и отвечать как интересам государства в борьбе с преступностью, так и интересам участвующих в деле лиц [2].

Учитывая значение процессуальной формы в целом для уголовного процесса, считаем, что она в частности важна и для таких ответственных процессуальных решений, как придание участнику его процессуального статуса, а также принятие итогового решения по уголовному делу.

Таким образом, на этапе окончания дознания с обвинительным актом, когда составлением этого процессуального документа оформляется акт привлечения лица в качестве обвиняемого и подводится итог произведенного предварительного расследования в форме дознания [3], соблюдение определенной процессуальной формы имеет существенное значение. Вместе с тем анализ норм уголовно-процессуального законодательства показывает, что эта процедура не является определенной, и порождает различную практику в деятельности подразделений дознания. Неоднократно указывалось на то, что в тексте уголовно-процессуального законодательства не всегда выдерживается логика его правовой конструкции, в которой

не оказывается места некоторым важным понятиям или процессуальным статусам. Например, при закреплении статуса уполномоченных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, каждому отведена статья, кроме начальника органа дознания [4].

Также и в правовой конструкции, определяющей процедуру окончания предварительного расследования нет однообразия. В главе 30 УПК РФ «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору» определена процессуальная процедура окончания предварительного следствия в статье 215 «Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением», в главе 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме» в статье 226.7 «Окончание дознания в сокращенной форме» также установлена соответствующая процедура. Логично, что по аналогии с приведенными статьями, в главе 32 УПК РФ «Дознание» должна быть статья, закрепляющая порядок окончания дознания с обвинительным актом и «говорящим» названием. Однако такой статьи нет. Вместо нее в главе 32 УПК РФ есть статья 225 «Обвинительный акт», которая совмещает в себе требования к форме обвинительного акта как процессуального документа с некоторыми элементами процессуального порядка формы окончания дознания с составлением указанного итогового документа. В статье 225 УПК РФ определены:

момент составления обвинительного акта – по окончании дознания (ч. 1);

обязанность ознакомить обвиняемого, его защитника с обвинительным актом и материалами уголовного дела (ч. 2);

обязанность обеспечить право потерпевшего или его представителя по ходатайству ознакомиться с обвинительным актом и материалами уголовного дела (ч. 3);

обязанность составить справку о движении дела в качестве приложения к обвинительному акту (ч. 3.1);

утвердить обвинительный акт у начальника органа дознания и направить материалы уголовного дела вместе с обвинительным актом прокурору (ч. 4).

В приведенной процедуре не определено каких-либо сроков для производства действий дознавателя. В частности не определен срок, в который дознаватель, вынесший обвинительный акт, должен ознакомить с ним обвиняемого, хотя очевидно, что последний вправе знать об изменении своего процессуального статуса своевременно. В процедуре предъявления обвинения в ходе производства предварительного следствия подобный срок предусмотрен в ч. 1 ст. 172 УПК РФ (не позднее трех суток со дня вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого), однако согласно ч. 1 ст. 223 УПК РФ данное правило не распространяется на дознание. Хотя такой же срок (до трех суток), определен для ознакомления с итоговым документом – обвинительным постановлением при производстве доз-

нания в сокращенной форме. В такой ситуации отсутствие срока для ознакомления с обвинительным актом представляется явным законодательным пробелом. Также пробелом представляется отсутствие нормы, определяющей точные пределы сроков производства дознания, как они определены для предварительного следствия в ч. 2 ст. 162 УПК РФ.

Значит ли это, что дознаватель свободен в определении дня ознакомления обвиняемого с обвинительным актом, не выходя за пределы срока дознания. Вероятно, о такой свободе речь не может идти, поскольку это противоречило бы интересам обвиняемого, который должен быть своевременно поставлен в известность об изменении своего процессуального статуса и, как следствие, возникновении у него новых процессуальных прав и обязанностей. Поэтому срок предъявления обвинительного акта для ознакомления, прежде всего обвиняемому, должен быть определенным. Логично было бы закрепить срок, предусмотренный для подобного процессуального действия при производстве предварительного следствия (ч. 1 ст. 172 УПК РФ) и при производстве дознания в сокращенной форме (ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ). Необходимо также закрепить норму по аналогии с ч. 2 ст. 162 УПК РФ и ст. 226.6 УПК РФ, которая установит действия дознавателя, которые должны производится в пределах срока дознания в общем порядке.

Последовательность действий дознавателя на этапе окончания дознания в общем порядке также требует уточнения, поскольку конструкция статьи 225 УПК РФ в практике органов дознания не всегда понимается однозначно. Поскольку законодатель не называет последовательность действий дознавателя, то дознаватели часто ее истолковывают в соответствии с расположением норм (частей) в статье 225 УПК РФ. Так вначале дознаватель составляет обвинительный акт, затем знакомит с ним сторону защиты (обвиняемого и (или) его защитника), затем знакомит с ним сторону обвинения (потерпевшего или его представителя), после чего представляет обвинительный акт для утверждения начальником органа дознания, и далее направляет прокурору. Такая последовательность не соответствует мнению, что юридическую силу обвинительный акт получает лишь после его утверждения начальником органа дознания [5], и значит, стороны должны знакомиться с обвинительным актом после его утверждения начальником органа дознания. Законодатель, в противовес самостоятельности следователя в вынесении итогового документа (обвинительного заключения) подчеркнул несамостоятельность дознавателя в подобном действии, и, что обвинительный акт получит должное оформление, только после этого утверждения.

В процедуре ознакомления с обвинительным актом, законодатель также, по нашему мнению, упустил право гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей на участие в данной процедуре. Тем самым ограничивается право гражданского истца на своевременное заяв-

ление ходатайства о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, а также право гражданского ответчика на защиту своих интересов. Вероятно, по аналогии с нормой ст. 216 УПК РФ соответствующие права гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей могут быть обеспечены, но вместе с тем, отсутствие нормы об обязанности ознакомить их с материалами уголовного дела, в части относящейся к гражданскому иску, в главе 32 УПК РФ, создает ситуацию для ограничения таких прав.

Хотелось бы указать и на такой элемент структуры самого обвинительного акта, как список лиц, подлежащих вызову в суд. В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 225 УПК РФ такой список является частью обвинительного акта, который составляет дознаватель до того как предъявит его участникам уголовного судопроизводства для ознакомления. Однако в процессе ознакомления с обвинительным актом вполне возможна ситуация, когда участники заявят ходатайство об изменении списка лиц, подлежащих вызову в суд, и удовлетворение этого ходатайства повлечет пересоставление обвинительного акта. Считаем, что такую проблему решит вынесение списка лиц, подлежащих вызову в суд за пределы обвинительного акта и оформление его как приложение к нему по аналогии с обвинительным заключением (ч. 4 ст. 220 УПК РФ) и обвинительным постановлением (ч. 10 ст. 226.7 УПК РФ).

Приведение процедуры окончания дознания в общем порядке, в соответствии с общими правилами для предварительного расследования, в иных формах позволит обеспечить единство процессуальной формы и как следствие законность процессуальных действий и решений дознавателя.

---

1. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2008. С. 60.

2. Ветрова Г. Н. Дифференциация судебных процедур при рассмотрении уголовных дел в первой инстанции // Науч. тр. РАЮН. Вып. 12. Т. 2. М.: Юрист, 2012. С. 456.

3. Миронова А. В., Селедникова О. Н. Дознание в органах внутренних дел: курс лекций. Руза: Московский областной филиал МосУ МВД России, 2013. С. 108–109.

4. Миронова А. В., Селедникова О. Н. Указ. раб. С. 22.

5. Есина А. С., Арестова Е. Н. Уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел в качестве органов дознания: учебно-методическое пособие. М.: КНОРУС, 2009. С. 166.

Ключевые слова: процессуальный порядок, обвинительный акт.

УДК 343.1

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЕМ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОРОНЕЖСКОЙ И ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Моругина Надежда Анатольевна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Воронежский институт МВД России
394065, Воронеж, пр-т Патриотов, 53

В статье идет речь о применении руководителем следственного органа предоставленных ему законодателем полномочий.

Как справедливо отмечает Б. М. Лазарев, осуществление процессуального руководства есть не что иное, как процессуальная форма управленческой деятельности [1], поэтому нормы уголовно-процессуального закона, регулирующие деятельность руководителя следственного органа, сформулированы с учетом характера предоставленных ему процессуальных полномочий. Объем и пределы процессуальных полномочий руководителей органов предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации закреплены в Приказе СД МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 [2] Процессуальное положение руководителя следственного органа, по нашему мнению, состоит из объема закрепленных за ним прав и обязанностей (полномочий), с помощью которых реализуются предоставленные ему функции в уголовном процессе (функция обвинения, как основополагающая, а также процессуального руководства деятельностью следователя, процессуального контроля, уголовного преследования).

Если рассматривать систему полномочий руководителя следственного органа, необходимо отметить, что в УПК РФ его полномочия обозначены не в одной норме, а рассредоточены по всему Закону.

Однако коснемся лишь некоторых его полномочий, что бы понять применяются ли они руководителем следственного органа в полной мере?

Итак, в соответствии со ст. 39 УПК РФ, руководитель следственного органа уполномочен:

Поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, а также изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав (согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ решение о производстве предварительного следствия следственной группой, об изменении ее состава принимает только руководитель следственного органа. Когда решение о производстве предварительного следствия несколькими следователями при-

нимается руководителем следственного органа одновременно с возбуждением уголовного дела, фамилии всех следователей указываются им в постановлении о возбуждении уголовного дела), либо принимать уголовное дело к своему производству (руководитель следственного органа, пользуясь полномочиями следователя, вправе лично провести расследование по уголовному делу в полном объеме в форме предварительного следствия или дознания; производить при этом любые следственные действия и принимать процессуальные решения).

Рассматривая систему полномочий ч. 1 ст. 39 УПК РФ, мы обратимся к результатам исследования уголовных дел и материалов проверки, находящихся в производстве органов предварительного следствия и рассмотренных в судах.

Что касается полномочий руководителя следственного органа, связанных с изъятием уголовного дела у следователя и передачи его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, то в ходе изучения уголовных дел судов Липецкой и Воронежской (в скобках) областей в 57 % (64 %) случаев на стадии предварительного расследования руководитель следственного органа изымал уголовное дело у следователя и передавал это дело другому следователю «в связи со служебной необходимостью», в 30 % (27 %) случаев – в связи с уходом в очередной отпуск, в 10 % (7 %) – в связи с направлением в командировку, в 3 % (2 %) – в связи с соединением уголовных дел в одно производство. Однако непонятны причины таких передач при изъятии уголовного дела, так как лишь в 25 % (34 %) случаев в деле имеется постановление руководителя следственного органа об отмене постановления следователя, расследовавшего уголовное дело, и постановление о передаче этого же дела другому следователю. Нам представляется, что, отстраняя следователя от дальнейшего производства расследования, руководитель следственного органа дожжен вынести (например) «Постановление об отстранении следователя от дальнейшего производства расследования и передаче уголовного дела другому следователю», так как «служебная необходимость» без всякого пояснения причин этой «необходимости», по нашему мнению, не может являться основанием для изъятия уголовного дела.

В ходе изучения уголовных дел, в рамках диссертационного исследования, на территории Липецкой и Воронежской области мы увидели, что после передачи руководителем следственного органа уголовного дела от одного следователя другому во всех 57 % (64 %) случаев руководитель следственного органа давал следователю письменные указания такого характера, как например: «Принять уголовное дело №…, по факту открытого хищения чужого имущества к своему производству и провести расследование» [3]; «Принять уголовное дело №… по факту кражи сотового телефона из кармана куртки гр-на Хаджан к своему производству и организовать расследование» [4]. Но ни в одном из этих случаев нет указаний о том,

какие следственные действия необходимо произвести незамедлительно, кому и какие поручения направить и т. д.

Для того чтобы избежать жалоб на действия (либо бездействие) руководителя следственного органа и следователя со стороны представителей защиты, руководитель следственного органа, изымая уголовное дело у следователя, обязательно должен вынести мотивированное постановление об изъятии уголовного дела. Причиной изъятия уголовного дела может также служить постановление, вынесенное от имени руководителя следственного органа в порядке п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ «Об отмене незаконного (необоснованного) постановления следователя». После того как руководитель следственного органа мотивированно изымет уголовное дело у следователя, он должен передать данное уголовное дело другому следователю, составив, например, «Постановление о производстве предварительного следствия».

Только тогда, по нашему мнению, те полномочия, которые возложены на руководителя следственного органа по изъятию уголовного дела и передачи его другому следователю, приобретут статус мотивированности, законности и обоснованности;

По поводу полномочий руководителя следственного органа попроверке материалов проверки сообщения о преступлении или материалов уголовного дела, отмене незаконных или необоснованных постановлений следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), в процессе изучения материалов и уголовных дел на территории г. Липецка и Липецкой области мы определили, что официальное истребование материалов руководителем следственного органа для проверки осуществлялось менее чем в 24 % случаев от общего числа рассматриваемых уголовных дел.

Из этого следует, что руководитель следственного органа недостаточно использует возможности полномочий, возложенных на него УПК РФ, при осуществлении проверочных действий, вследствие чего наблюдается значительный процент возбужденных уголовных дел, производство которых по истечении срока расследования прекращается за отсутствием состава преступления – 7 % от общего числа рассматриваемых уголовных дел, продляются сроки на решение вопроса о возбуждении уголовного дела – 70 % случаев [5], а это ведет к потере следов преступления и далее, как следствие, к продлению сроков расследования.

В остальных случаях руководитель следственного органа, получая материал, на заявлении заявителя лишь ставил резолюцию, например: «Принять решение в порядке ст. 144–145 УПК РФ по материалу КУСП №… от 23.04.2014 года» [6], далее число и подпись; «Принять решение в порядке ст. 144–145 УПК РФ по материалу КУСП №… от 23.08.2008 года», далее число и подпись [7].

Анализ практики деятельности следственных подразделений показывает, что проверка уголовных дел носит нередко эпизодический характер и

вызвана порой необходимостью принятия мер по устранению допущенного нарушения. Так, по большинству уголовных дел руководители следственного органа в лучшем случае заслушивают доклады следователей (27,7 %), либо знакомятся с делом в полном объеме, когда оно представляется им с обвинительным заключением (38,4 %), либо при отмене необоснованного постановления следователя о приостановлении предварительного следствия (36,9 %) [8].

Думается, руководитель следственного органа, проверяя материал проверки сообщения о преступлении и уголовного дела, должен вынести соответствующие указания, адресованные следователю: «указания о ходе производства предварительного следствия» либо «указания о ходе проверки сообщения о преступлении».

Решение об отмене постановления следователя может быть принято руководителем как по собственной инициативе, так и по предложению прокурора, сделанному на основании п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Порядок отмены постановления следователя о прекращении уголовного дела по инициативе прокурора регламентирован ч. 1 ст. 214 УПК РФ. Признав постановление следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования незаконным или необоснованным, руководитель следственного органа отменяет его и возобновляет производство по уголовному делу. Руководитель следственного органа вправе своим постановлением отменить постановление следователя о приостановлении предварительного следствия и возобновить производство по делу (ч. 2 ст. 211 УПК РФ).

Следующее полномочие руководителя следственного органа связано с правом дачи следователю указаний о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения, а также правом личного рассмотрения сообщений о преступлении, и участия в проверке сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

До 2008 года руководитель следственного органа давал следователю лишь указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, т.е. участвовал в раскрытии и расследовании преступления как бы со стороны. На данный момент руководитель занимается не только контролем, но и сам принимает участие в этом процессе. И это является положительным моментом. Законом, предусмотрено такое важное полномочие руководителя, как направление расследования уголовного дела. Оно взаимосвязано с полномочием давать указания по делу.

На практике направление расследования дела определяет следователь. Свои действия по раскрытию преступления, установлению виновных лиц, причин и условий, способствующих совершению преступления, следователь, как правило, согласовывает с руководителем следственного подразделения. Эта совместная работа однозначно приносит положительные

результаты. Руководители следственных отделов организовывают оперативные совещания с сотрудниками оперативных служб МВД России, на которых совместно вырабатываются версии, направленные на раскрытие преступлений.

Однако, исходя из заявления в Совете Федерации Федерального Собрания РФ Генерального прокурора Ю. Я. Чайки, мы можем констатировать факт о 3,4 млн выявленных в 2012 году прокурорами нарушений на этапе регистрации сообщений о преступлениях [9], тем не менее, по данным Портала правовой статистики, в 2012 г. на территории России всего зарегистрировано 2,3 млн преступлений [10].

Полагаем уместным привести оценку, данную Б. Я. Гавриловым: «Настораживает системность в негативной оценке прокуратурой деятельности органов предварительного следствия. Ранее в основном это относилось к следственному аппарату органов внутренних дел, а сегодня – в большей степени и к следователям Следственного комитета Российской Федерации. Однако зачастую критические оценки даются прокурорами без анализа результатов деятельности следственного аппарата на основании фактов отдельных нарушений закона и, как правило, основаны на субъективном мнении прокурора» [11]. И способ показать собственную важность и необходимость здесь один – попытаться продемонстрировать, что другие работать не умеют, не могут, не хотят [12].

Между тем, как ранее мы уже говорили, основная масса сообщений о преступлениях разрешается в срок до 10 суток (более 70 %) [13], несмотря на отведенные УПК РФ 3 суток. Продление срока проверки сообщения о преступлении предусмотренное ч. 3 ст. 144 УПК РФ возможно в случае вынесения мотивированного ходатайства о необходимости продлении срока, однако это требование повсеместно нарушается.

В 50 % случаев продление срока проверки сообщения о преступлении вполне обоснованно, например, необходимостью проведения экспертизы. Однако некоторые следователи, а также их руководители в обоснование необходимости продления срока вставляют такие фразы: «в целях установления преступника», «в целях опроса лиц», «для сбора доказательств», «для получения документов», «в целях направления запроса о получения сведений» и т. п. [14]. Для чего проверяющему лицу необходимо истребовать документы, опросить лиц и произвести другие действия, не указывается;

Что касается полномочия руководителя следственного органа по даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, а также личного допроса подозреваемого, обвиняемого, без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед су-

дом указанного ходатайства (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), то, мы можем сказать следующее.

Только с согласия руководителя следственного органа следователь может обратиться в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемого либо, в исключительных случаях, подозреваемого. Такое право, предоставленное руководителю следственного органа, позволило в разы снизить количество лиц, реабилитированных на стадии следствия и оправданных судом. Как указывает Б. Я. Гаврилов, после передачи основных полномочий по осуществлению процессуального контроля за деятельностью следователей и частично надзорной функции от прокурора к руководителю следственного органа, показатели законности в деятельности следственного аппарата не только не ухудшились, на чем настаивают представители прокуратуры, но и отмечается устойчивая тенденция к их улучшению. По уголовным делам, направленным в суд следователями Следственного комитета Российской Федерации, число оправданных и реабилитированных граждан за два года сократилось на 29 % [15]. Весьма существенными темпами снизилось число необоснованно содержащихся под стражей граждан (на 32,4 % в 2012 г. и еще на 11,6 % в 2013 г.) [16]. Этот показатель красноречиво свидетельствует сегодня о том, что без вмешательства прокуратуры руководители следственных подразделений успешно справляются с поставленными задачами.

В настоящее время закон наделил руководителя следственного органа правом возбуждения уголовного дела, принятия уголовного дела к своему производству и производства предварительного следствия в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя либо руководителя следственной группы, однако законом не регламентирован порядок согласования процессуальных действий именно руководителем следственного органа. Так, в ходе опроса руководителей следственного органа 10 % респондентов ответили, что считают незаконным данное им право на допрос подозреваемого (обвиняемого) без принятия уголовного дела к своему производству, так как в УПК не сказано, как быть, если этим подозреваемым (обвиняемым) окажется несовершеннолетний.

В процессе написания статьи мы рассмотрели лишь малую долю тех полномочий, которыми наделен руководитель следственного органа, однако, уже сейчас мы можем сделать вывод о том, что большая часть полномочий, закрепленных за ним, не используется, и это, по нашему мнению, связано с тем, что руководитель следственного органа все еще зависит от власти прокурора.

---

1. Лазарев Б. М. Государственное управление на этапе перестройки. М.: Юрид. лит., 1988. С. 182.

2. О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов [Электронный ресурс]: Приказ СД МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58: ред. от 22 сентября 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

3. Дело № 22-572, 2012 // Архив Липецкого областного суда.

4. Дело № 1-11-13 // Архив Центрального суда г. Воронежа.

5. Моругина Н. А. Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 222 с.

6. Дело № 22-181/2014 // Архив Липецкого областного суда.

7. Дело № 1-13-12 // Архив Центрального суда г. Воронежа.

8. Шабунин В. А. О развитии полномочий руководителя следственного органа // Рос. следователь. 2013. № 14.

9. О состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2012 год: доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации 27 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.ru/court_report/view/84781 (дата обращения: 6 мая 2013 г.).

10. Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 3 мая 2013 г.).

11. Гаврилов Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокуратурой и руководителями следственных органов: объективная необходимость или волюнтаризм в праве // Вестник МВД России. 2010. № 1. С. 81–88.

12. Боруленков Ю. П. О месте прокуратуры в системе органов уголовного преследования // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы. М. Ч. 2. С. 11–16.

13. Насонова И. А., Моругина Н. А. Руководитель следственного органа в системе обеспечения права на защиту участников уголовного процесса: монография. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2011. 163 с.

14. Боруленков Ю. П. Доследственная проверка: за и против // Рос. следователь. 2013. № 19.

15. Гаврилов Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурорами и руководителями следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве? // Вестник МВД России. 2010. № 1. С. 81–88.

16. Об итогах работы следственных органов Следственного комитета РФ за 2013 год и задачах на 2014 год [Электронный ресурс]: доклад председателя Следственного комитета А. И. Бастрыкина на расширенном заседании коллегии. URL: http://www.sledcom.ru/actual/42998 (дата обращения: 22 сентября 2014 г.).

Ключевые слова: руководитель следственного органа, следователь, полномочия, руководство.

УДК 343.7

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ГЛ. III.1 ФЗ «О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)» ОБ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

Мощонский Игорь Николаевич,
студент магистратуры,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Цель настоящей статьи сформулировать проблему, выявленную в связи с вступлением в силу изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся банкротства гражданина. Одной из немаловажных подобных проблем является сложность в применении гл. III.1 об оспаривании сделок должника к делам о банкротстве физических лиц, так как указанная глава разрабатывалась и длительное время применялась исключительно применительно к юридическим лицам.

Несмотря на то, что исторически институт несостоятельности (банкротства) возник именно для целей регулирования взаимоотношений между кредиторами и должником в качестве физических лиц, в нашей стране в настоящее время внесение изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» касательно банкротства гражданина [1] поистине является новеллой законодательной системы.

В связи с этим перед правоприменителем встает ряд вопросов о том, каким образом возможно применение и адаптация той законодательной базы, которая много лет формировалась и использовалась исключительно в отношении юридических лиц, в делах о банкротстве граждан.

Актуальность данной проблематики заключается в том, что именно в настоящее время вся система банкротства претерпевает серьёзные изменения и именно сейчас остро стоит вопрос о том, по какому пути пойдет судебная практика рассмотрения дел о банкротстве граждан, а также как скоро будет необходимо вносить поправки в главу X Закона о банкротстве в связи с его несоответствием той законодательной системе, которая уже сложилась на данный момент.

Речь идет, в первую очередь, о возможности эффективно использовать те инструменты защиты прав кредиторов, которые уже предусмотре-

ны Законом о банкротстве, в делах о банкротстве физических лиц, развитие института которых находится еще на столь ранней стадии.

В настоящей статье речь идет о проблеме применения предоставленной Законом о банкротстве возможности оспаривания сделок должника применительно к гражданину, совершившему порочную сделку. Так как Законом о банкротстве изначально предусмотрена обширная доказательная база, необходимая для признания сделки недействительной, сформировать ее по отношению к должнику-гражданину либо довольно проблематично, либо невозможно и вовсе в связи с тем, что им не ведется учет активов, а также невозможно достаточно объективно выявить круг заинтересованных лиц.

Однако вопрос оспаривания сделки гражданина нельзя назвать полностью забытым законодателем, так как ст. 213.32 Закона о банкротстве все же предусмотрены особенности оспаривания сделки должника-гражданина.

К таким особенностям, в частности, относятся предусмотренная п. 4 возможность оспаривания сделки не только самого должника, но и его супруга, если сделка совершена в отношении имущества по основаниям, предусмотренным семейным законодательством, а также, например, обязательное наличие заключения органа опеки и попечительства об оценке последствий признания сделки недействительной, в том числе о возможном ухудшении положения прав несовершеннолетнего лица или прав лица, признанного судом недееспособным.

Но по своей сути в подавляющем объеме ст. 213.32 является отсылочной и указывает лишь на возможность применения ст. 61.2 и 61.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» к сделкам должника-гражданина (или супруга) без учета особенностей свершения оспоримых сделок не юридическими лицами, а именно гражданами.

Именно в этом и заключается основная проблема правоприменения, так как применение ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве порой затруднительно в связи с невозможностью доказать обстоятельства, необходимые для признания сделки недействительной.

При этом, вопрос возможности оспаривания сделки является особенно важным с точки зрения максимальной защиты прав кредиторов, так как зачастую банкротство инициируется не вследствие тяжелого стечения обстоятельств, а с целью злоупотребления и намеренного стремления не отвечать по своим обязательствам путем отчуждения ликвидного имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Институт оспаривания сделок является одним из главных инструментов по борьбе с должниками, которые подошли к вопросу банкротства подготовлено и уже провели необходимые меры для того, чтобы их имущество не было направлено на погашение требований кредиторов.

Для более точного формулирования проблемы оспаривания сделок должника-гражданина целесообразно проанализировать те основания, по которым такие сделки могут быть признаны судом недействительными и это в первую очередь, подозрительные сделки должника и сделки, влекущие за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами.

В соответствии с п. 1 ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, может быть признана арбитражным судом недействительной при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе в случае, если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка). Неравноценным встречным исполнением обязательств будет признаваться, в частности, любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств.

В соответствии с Постановлением Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (ред. от 30 июля 2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» для признания такой сделки недействительной необходимо доказать совокупность обстоятельств, одним из которых является то, что другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки (с учетом пункта 7 настоящего Постановления).

Пункт 7 названного Постановления указывает, что в силу абзаца первого пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве предполагается, что другая сторона сделки знала о совершении сделки с целью причинить вред имущественным правам кредиторов, если она признана заинтересованным лицом (статья 19 этого Закона) либо если она знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника. При этом, при решении вопроса о том, должна ли была другая сторона сделки знать об указанных обстоятельствах, во внимание принимается то, насколько она могла, действуя разумно и проявляя требующуюся от нее по условиям оборота осмотрительность, установить наличие этих обстоятельств.

И именно в этом заключается основная проблема доказывания порочности подозрительной сделки, так как зачастую довольно сложно установить заинтересованность между двумя физическими лицами и уж тем

более доказать тот факт, что одно физическое лицо знало о неплатежеспособности другого. С учетом необходимости доказывания факта осведомленности другой стороны сделки о ее порочности, при отсутствии каких-либо явных связей, оспорить такую сделку будет просто невозможно на практике.

Аналогичные трудности у лица, оспаривающего сделку могут возникнуть и при применении оснований, предусмотренных ст. 61.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», так как в соответствии с п. 12 вышеуказанного Пленума ВАС РФ аналогичным образом указано на то, что если сделка с предпочтением была совершена не ранее чем за шесть месяцев и не позднее, чем за один месяц до принятия судом заявления о признании должника банкротом, она может быть признана недействительной, только если в наличии имеются условия, предусмотренные абзацами вторым или третьим пункта 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве или имеются иные условия, соответствующие требованиям пункта 1 статьи 61.3, и при этом установлено, что кредитору или иному лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было или должно было быть известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Указанные нормы ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве действительно хорошо себя зарекомендовали в отношении юридических лиц. Сохраняя баланс интересов сторон, способствовали оспариванию порочных сделок с аффилированными лицами и не позволяли нарушить прав третьих лиц, которые не были осведомлены о порочных целях свершения этих сделок. Но применительно к банкротствам гражданина доказать аффилированность второй стороны сделки будет очень затруднительно с учетом, если между ним и второй стороной сделки не будет усматриваться прямой связи, так как невозможно будет ссылаться на такие типичные обстоятельства как наличие в его распоряжении бухгалтерской отчетности должника или участие в капитале должника.

В этой связи эффективность такого инструмента восстановления нарушенных прав кредиторов падает в разы при рассмотрении дел о банкротстве физических лиц.

В связи с этим, по мнению автора, для более эффективного применения института оспаривания сделок в банкротстве в отношении физических лиц, необходимо более глубоко подойти к регламентации особенностей оспаривания сделок должников и расширить критерии, необходимые для признания сделки порочной, а возможно, и предусмотреть совершенно иные критерии с учетом того, что действующие адаптированы законодателем для юридических лиц и малоэффективны.

Таким образом, усматривается то обстоятельство, когда упрощение работы законодателя путем создания отсылочной нормы затрудняет работу

правоприменителей, так как очевидна необходимость создания отдельных норм для оспаривания подозрительных сделок, совершенных физическими лицами.

Устранение выявленной проблемы может быть произведено путем внесения соответствующих поправок в Закон о банкротстве, которые, как сказано выше, будут предусматривать особенные критерии заинтересованности физического лица, либо предусмотреть иные, совсем отличные критерии порочности для признания сделок должника-гражданина недействительными.

Аналогичные поправки требуются и при решении вопроса определения стоимости имущества должника, так как определить на стадии совершении сделки балансовую стоимость имущества должника-гражданина невозможно, в связи с тем, что он бухгалтерскую отчетность не ведет, равно как и не отражает у себя в учете балансовую стоимость одной категории имущества. При таких обстоятельствах, до внесения соответствующих поправок оспаривание сделок не будет столь эффективным инструментом и банкротство гражданина, как следствие, не будет столь продуктивным для кредиторов, особенно при учете невозможности его инициации, когда имущество уже было отчуждено и его недостаточно для финансирования процедуры.

Из вышеизложенного следует, что глава X ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» требует еще большой работы законодателя для того, чтобы стать эффективным инструментом регулирования вопросов несостоятельности граждан. И именно в зависимости от скорости выявления подобных проблем и законотворческой деятельности будет зависеть как соблюдение интересов сторон каждого конкретного дела о банкротстве, так и для общества и экономики в целом.

---

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации № 476-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: пробелы в законе о банкротстве, оспаривание сделок должника, банкротство гражданина.

УДК 343.1

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА

Плетникова Мария Сергеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

В статье исследуются проблемы реализации принципа неприкосновенности жилища, а также проведения следственных действий в жилище на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в РФ. Предлагается механизм реформирования данного института в уголовно-процессуальном законодательстве.

Построение правового государства предполагает наличие фундаментальной и стабильной системы законодательства, которая должна способствовать обеспечению защиты прав и законных интересов человека и гражданина. При этом недопустимо противопоставление интересов общества, интересам отдельной личности, даже если это оправдано мотивами государственной необходимости. Несмотря на постоянное совершенствование и реформирование уголовно-процессуального законодательства, одной из актуальных проблем современной России остается соблюдение и реализация гарантий, прав и законных интересов лица – участников уголовно-процессуальных отношений, закрепленных в Конституции РФ. Таковым является принцип неприкосновенности жилища или иного владения лица.

Неприкосновенность жилища представляет собой одну из основных гарантий предусмотренного частью 1 ст. 23 Конституции РФ права на неприкосновенность частной жизни. Именно такое значение может быть придано этому правовому институту, исходя из положений п. 1 ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, указывающих на необходимость обеспечения неприкосновенности жилища в одном ряду с обеспечением невмешательства в личную и семейную жизнь человека, с защитой его чести и репутации, с охраной тайны его корреспонденции [1].

Принцип неприкосновенности жилища закреплен во всех основополагающих международных правовых актах, в том числе во Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 года (ст. 12) и Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 года (ст. 8). В Советском союзе впервые в уголовном судопроизводстве гарантия лица на неприкосновенности жилища законодательно нашла свое отражение в УПК РСФСР 1960 года (ст. 12). Данная норма права гласила, что никто не имеет право без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц. Однако с принятием Конституции 1993 года (ст. 25) и закреплением в

ней положения о необходимости получения судебного решения для проникновения в жилище, существенно изменили порядок ограничения права неприкосновенности жилища при производстве процессуальных действий.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность принудительного проникновения в жилище для выполнения следственных действий: осмотра места происшествия или помещения, обыска, выемки (ст. 176, 182, 183 УПК РФ). Такие действия будут укладываться в конституционно установленные рамки лишь при условии, что осуществляются они в строгом соответствии с установленными в законе основаниями и порядком. В частности, их проведение возможно только по возбужденному уголовному делу (кроме случаев осмотра жилища, являющегося местом совершения преступления) и лишь на основании судебного решения (п. 4, 5, 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Но не всегда в ходе расследования уголовного дела соблюдаются данные требования, а с учетом того, что в настоящее время не выработано единого подхода к основным понятиям таким как: жилище, следственное действие, проникновение в жилище; не разработан механизм осуществления следственного действия в жилище в случаях, не терпящих отлагательства; не установлены гарантии обеспечения права на неприкосновенность жилища при производстве иных, кроме осмотра, обыска и выемки, следственных действий в жилище – все это ведет к затягиванию расследования уголовных дел, особо на досудебных стадиях уголовного процесса.

Действующий Уголовно-процессуальном кодекс РФ (ст. 12) закрепляет принцип неприкосновенности жилища в уголовном процессе и правила получения судебного решения для производства обыска, выемки и осмотра с проникновением в жилище. Таким образом, законодатель осознанно сужает количество следственных действий, проводимых в жилище до трех и не учитывает возможности проведения иных следственных либо процессуальных действий в жилище. Действительно, обыск, выемка и осмотр лидируют по числу их производства в жилище. По статистическим данным, с проникновением в жилище проводятся обыски (95 %), выемки (85 %), осмотры (75 %) [2].

При этом нельзя забывать о других следственных действиях и мерах процессуального принуждения. Как показывает практика по 32 % уголовных дел – в жилищах проводятся задержания, по 12 % – заключение под стражу. С проникновением в жилище проводятся приводы (70 %), наложения ареста на имущество (65 %) [2]. Кроме того в жилище проводят освидетельствование, проверку показаний на месте происшествия, получение образцов для сравнительного исследования и так далее. Логично возникает вопрос: «Правомерно ли ограничение конституционного права неприкосновенности жилища при производстве других следственных действий и мер уголовно-процессуального принуждения, не указанных в ст. 12 УПК РФ?»

Отвечая на данный вопрос можно отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, запрещающих производство в жилище иных, помимо обыска, выемки и осмотра, следственных либо процессуальных действий. Возникает другой вопрос: «Это пробел законодателя или допустимая возможность для правоприменителя самостоятельно выбирать, какое следственное (процессуальное) действие ему необходимо провести в жилище, заручившись при этом согласием лица проживающего в данном помещении?»

Здесь следует также учесть, что вопрос получения добровольного согласия лица, проживающего в жилище, где проводится то или иное следственное (процессуальное) действие законодательно не урегулирован. Данное упущение иногда позволяет лицу, осуществляющему предварительное расследование по уголовному делу злоупотреблять своими властными полномочиями. Так оказывая моральное, психологическое давление следователь (дознаватель) может принудить лицо дать свое согласие на проведение следственного действия в жилище. В целях пресечения таких фактов, целесообразно процессуально закрепить в УПК РФ норму регламентирующую получение письменного разрешение (согласия) жильца на производство следственных (процессуальных) действий в жилище, в котором будет указываться: форма собственности; фамилия, имя и отчество проживающих(его) лиц(а); адрес и назначение помещений (комнат), в которых разрешено провести следственные (процессуальные) действия.

Отсутствие четкой регламентации института неприкосновенности в жилище влечет за собой не только проблемы получения согласия лица проживающего в нем, но и получения судебного разрешения. Так учитывая положения ст. 25 Конституции РФ и п. 4, 5, 5.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ установлено, что суд в отношении жилища граждан правомочен принимать решения о производстве его осмотра, а также о производстве обыска и (или) выемки в жилище. В отношении остальных следственных действий, при проведении опроса федеральных судей г. Екатеринбурга, было установлено, что рассматривая ходатайство следователя (дознавателя) о проведении следственных действий в жилище, не предусмотренных ст. 12 УПК РФ ими будет принято решение об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства, так как разрешение данного вопроса в соответствии со ст. 29 УПК РФ не входит в сферу их компетенции. Решение данной проблемы видится путем законодательного закрепления возможности у лица, осуществляющего расследование по уголовному делу (следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, в случае принятия уголовного дела к своему производству) при необходимости проведения следственных действий в жилище при отсутствии согласия лиц проживающих в нем, обратиться в суд с ходатайством о проведении таковых. Кроме того расширить полномочия суда, добавив возможность принятия решения о производстве любых следственных действий в жилище, в случае отсутствия доброволь-

ного согласия лиц проживающих в нем и наличии законных основания для проведения такового.

Подводя итог выше изложенному, хотелось бы отметить, что отсутствие в современном уголовном судопроизводстве четкого механизма осуществления следственных действий в жилище влечет за собой зачастую лишь формальное соблюдение права на неприкосновенность жилища, что является прямым нарушением требований вытекающих из ст. 25 Конституции РФ.

---

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] / под общ. ред. Л. В. Лазарева. ООО «Новая правовая культура», 2009. URL: http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/chapter/2/#3.

2. Ишмухаметов Р. З., Матвиенко И. В. Актуальные проблемы применения норм о неприкосновенности жилища при расследовании преступлений [Электронный ресурс] // Пробелы в Российском законодательстве. 2012. № 3. Научная библиотека КиберЛенинка. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-primeneniya-norm-o-neprikosnovennosti-zhilischa-pri-rassledovanii-prestupleniy#ixzz3nRCC9oVq.

Ключевые слова: принцип неприкосновенности жилища, следственные действия, полномочия суда.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Пономарева Наталья Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Воронежский институт МВД России
394065, г. Воронеж, Проспект Патриотов, д. 53

В статье представлены состояние и структура преступности несовершеннолетних. Состояние преступности несовершеннолетних в современных условиях является основой для разработки соответствующих мер, направленных на ее предупреждение.

Проблема преступности несовершеннолетних всегда привлекала особое внимание ученых, практических сотрудников правоохранительных органов и широкой общественности.

В современных условиях сложившаяся криминогенная ситуация отчетливо проявляется в росте числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними. При этом следует констатировать, что произошли изменения и в качественной характеристике преступности несовершеннолетних, отличающейся высокой степенью организованности, совершением подростками тяжких и особо тяжких преступлений. Как показывает практика, лица, совершающие противоправные деяния в раннем возрасте, впоследствии с большим трудом поддаются исправлению и зачастую пополняют ряды взрослой и рецидивной преступности.

На сегодняшний день, несмотря на незначительное снижение ряда статистических показателей, состояние преступности несовершеннолетних в России вызывает у специалистов серьезную озабоченность. Так, по данным МВД России, в 2012 году доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, от общего числа зарегистрированных преступлений (2302,2 тысяч) составила 5,1 %, в 2013 году – 5,4 % от 2206,2 тысяч преступлений, в 2014 году – каждое двадцатое преступление совершено несовершеннолетними или при их участии, что составляет 5,0 % от 2166,4 тысяч зарегистрированных преступлений [1].

Безусловно, на содержание преступности несовершеннолетних оказывают влияние суждения взрослых о том, что совершение подростками преступлений происходит по причине их возрастных особенностей, физиологической незрелости, озорства, обусловливающие в числе прочего низкий уровень социального контроля за поведением подростков. Прослеживается в большинстве случаев равнодушие взрослых к их негативным поступкам, влекущее за собой высокий показатель латентности правонарушений несовершеннолетних. Ежегодно отмечается тенденция роста преступности несовершеннолетних, а, средний возраст субъектов преступления, в свою очередь, снижается.

В научной литературе преступность несовершеннолетних представляет собой особый объект исследования, который рассматривается с общеправовых и криминологических позиций. Изучение преступности несовершеннолетних невозможно без криминологической характеристики исследуемого вида преступности, позволяющей выявить наиболее эффективные пути предотвращения совершения преступлений подростками. Не учитывать криминологически значимых особенностей преступности несовершеннолетних, значит не обеспечивать целенаправленный и дифференцированный подход к борьбе с ней. По мнению А. И. Долговой, выделение преступности несовершеннолетних позволяет более глубоко изучать ее особенности, специфику детерминации, причинности, а также разрабатывать дифференцированные меры специального ее предупреждения [2]. Безусловно, преступность несовершеннолетних характеризуется рядом специфичных, присущих только ей особенностей, проявляющихся в причинном комплексе и формировании мотивов преступного поведения и в

последующем выражающихся в ее уровне и тенденциях развития. Как известно, несовершеннолетние – это перспектива любого общества, и от того, какими нравственными и моральными качествами они будут обладать, каково будет их правосознание, во многом зависит то, каким будет это общество в будущем. Вместе с тем современная ситуация с преступностью несовершеннолетних вызывает обоснованную озабоченность и беспокойство за будущее не только общества, но и государства.

Ученые-криминологи указывают на основные негативные факторы, влияющие на преступность несовершеннолетних. В частности, к ним относят: рост пьянства, наркомании и токсикомании, половой распущенности, как среди подростков, так и среди их родителей; большой процент психических заболеваний среди молодежи, а как следствие – физическое и умственное отставание в развитии этих лиц; вовлечение несовершеннолетних в пьянство и преступную деятельность взрослыми преступниками или несовершеннолетними, уже имеющими преступный опыт; длительную незанятость подростков; резкий рост стрессовых и конфликтных ситуаций [3].

Круг общественно опасных деяний, совершаемых несовершеннолетними, включает в себя различные по составу общеуголовные преступления. Вместе с тем, несмотря на разнообразие объектов, объективной и субъективной сторон преступлений, наряду с общими особенностями преступность несовершеннолетних имеет и ряд черт, характерных для указанной категории лиц. Так, удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления в 2012 году (1 010 938) составил 5,9 % (59 461), в 2013 году (1 012 563) – 6,0 % (60 761), в 2014 году (1 041 340) – 5,7 % (59 240) [4].

Изменилась и качественная характеристика преступности несовершеннолетних, которая отличается на сегодняшний день высокой степенью организованности; отмечается совершение подростками тяжких и особо тяжких преступлений. Необходимо заметить, что прослеживается высокий удельный вес наиболее опасных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. По данным статистики, доля несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления, в общей структуре совершенных ими преступлений в 2012 году составила 22,6 %, в 2013 году – 21,8%, в 2014 году – 27,6% [5].

Качественный показатель структуры преступности несовершеннолетних указывает на удельный вес различных видов преступлений и категорий несовершеннолетних в общем количестве подростковой преступности: по видам преступлений, по полу (мужской, женский), в группе, в одиночку, впервые, повторно, по возрасту (14–15, 16–17 лет), по мотивам (корыстные, насильственные, корыстно-насильственные и т. д.), в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, по месту жительства. Причем перечень оснований для структуризации преступности несовершеннолетних не является исчерпывающим.

В качестве объектов преступных посягательств несовершеннолетних выступают в большинстве случаев собственность, личность и принадлежащие ей права – жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, общественная безопасность, общественная нравственность. Как показывает практика, около 70 % совершаемых несовершеннолетними преступлений составляют такие, как кража, грабеж, разбой, завладение транспортными средствами без цели хищения. В этой связи отмечается присутствие у несовершеннолетних преступников корыстных мотивов. Статистические данные указывают на то, что несовершеннолетними в 2012 году совершено 49 258 преступлений против собственности (82,7 %), в 2013 году – 50225 (82,7 %), в 2014 году – 43591 (80,6 %) [6] . Причем, свыше 90 % несовершеннолетних такие преступления совершают или совместно с взрослыми, или при их подстрекательстве [7]. В свою очередь, показатель совершения несовершеннолетними преступлений против личности не отмечается высоким удельным весом. Так, например, в 2012 году ими совершено 336 умышленных убийств (с покушениями) (0,6 %), в 2013 году – 326 (0,5 %), в 2014 году – 286 (0,5 %). Что касается умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, то в 2012 году несовершеннолетними совершено 886 преступлений (1,5 %), в 2013 году – 847 (1,4 %), в 2014 году – 783 (1,4 %); изнасилований в 2012 году совершено 287 (0,5 %), в 2013 году – 278 (0,5 %), в 2014 году – 218 (0,4 %) [8]. Но вместе с тем такие опасные деяния отличаются повышенным общественным резонансом.

Обращает на себя внимание, что в последнее время несовершеннолетние совершают такие преступления, которые были ранее характерны только для преступности взрослых: мошенничество, компьютерные преступления, торговля оружием и наркотиками, содержание притонов, похищение заложников, вымогательство, а также насильственные преступления, характеризующиеся особой жестокостью, бесчеловечным отношением к жертвам.

Анализ статистических сведений о несовершеннолетних, совершивших преступления, показал, что в структуре преступности несовершеннолетних можно выделить следующие группы совершенных преступлений:

- преступления против личности (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью);

- преступления против свободы, чести и достоинства личности (похищение человека);

- преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (изнасилование);

- преступления против собственности (кража, мошенничество, грабеж, разбой, вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения);

- преступления против общественной безопасности и общественного порядка (хулиганство, хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных веществ);

- преступления против здоровья населения и общественной нравственности (хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества).

Такое разделение данной категории преступлений на группы обусловлено тем, что в указанных группах перечислены преступления, которые наиболее часто совершаются несовершеннолетними. Например, в 2012 году несовершеннолетними совершено 1186 преступлений, связанных с умышленным причинением средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) – (2,0 %), в 2013 году – 1131 такое преступление (1,9 %), в 2014 году – 1049 (1,9 %). В свою очередь, в 2012 году несовершеннолетними совершено 58 преступлений (0,1 %), связанных с хулиганством (ст. 213 УК РФ), в 2013 году – 76 (0,1 %), в 2014 году – 127 таких преступлений (0,2 %); преступных деяний, выражающихся в хищении либо вымогательстве оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных веществ (ст. 226 УК РФ), в 2012 году совершено 36 (0,1 %), в 2013 году – 46 (0,1 %), в 2014 году – 30 (0,1 %); что касается преступлений, связанных с хищением либо вымогательством наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ), то в 2012 году совершение таких преступных деяний не зарегистрировано, в 2013 году совершено несовершеннолетними 1 преступление, в 2014 году – 4 (0,1 %) [9].

Следует согласиться с рядом авторов, о том, что отдельные акты поведения подростка не всегда выражают его социальную сущность, а подчас объясняются возрастными особенностями или совершаются под воздействием внешних факторов [10]. Что касается структуры преступности несовершеннолетних в зависимости от возраста, то в юридической литературе субъектов данного вида преступности принято подразделять на три возрастные группы: 14–15, 15–16 и 17–18 лет. Кроме того, предлагается также деление на две группы: 14–15 лет (подростково-малолетняя) и 16–17 лет (несовершеннолетние) [11]. В свою очередь, криминологи отмечают, что понятие преступности несовершеннолетних связано с определенными возрастными границами и называет 4 возрастные группы несовершеннолетних: 10–13, 14–15, 15–16 и 17–18 лет. Этот возрастной период определяет судьбу каждого человека, поскольку в подростковом возрасте происходит формирование характера и становление личности человека [12].

По данным Генеральной прокуратуры РФ, характеристика несовершеннолетних преступников по половому составу выглядит следующим

образом: в 2012 году выявлено в возрасте 14–15 лет 7483 (1,70 %) несовершеннолетних лиц мужского пола и 1209 (1,50 %) несовершеннолетних лиц женского пола, в возрасте 16–17 лет – соответственно 17355 (3,94 %) и 2115 (2,63 %), в 2013 году выявлено в возрасте 14–15 лет 7087 (1,63 %) несовершеннолетних лиц мужского пола и 1085 (1,33 %) несовершеннолетних лиц женского пола, в возрасте 16–17 лет – соответственно 16346 (3,75 %) и 1874 (2,30 %). Анализ сведений, касающихся характеристики несовершеннолетних преступников по половому составу, позволяет констатировать, что доля лиц мужского пола среди них (90–95 %) значительно превышает долю женщин (4–10 %) [13]. Причем среди несовершеннолетних преступников соотношение лиц мужского и женского пола на протяжении длительного периода практически не изменяется. Несмотря на то, что доля лиц женского пола в преступности несовершеннолетних в 3–4 раза меньше, следует иметь в виду, что противоправная активность в совершении общественно опасных деяний у лиц женского пола достаточно высока, причем до достижения ими возраста уголовной ответственности. В ряде случаев они выступают в роли наводчиц, соучастниц в кражах, грабежах, вымогательстве, мошенничестве и даже убийствах.

Статистические данные указывают на совершение несовершеннолетними преступлений в группе. Так, в 2012 году выявлено 1806 несовершеннолетних, совершивших преступления в составе группы лиц, в 2013 году – 1943, в 2014 году – 1718. В 2012 году выявлено 22 735 несовершеннолетних, совершивших преступления в составе группы лиц по предварительному сговору, в 2013 году – 23362, в 2014 году – 20954. В 2012 году выявлено 76 несовершеннолетних, совершивших преступления в составе организованной группы, в 2013 году – 64, в 2014 году – 7 [14]. Сказанное объясняется наличием возрастных, психологических и личностных особенностей, а также преобладанием для этого возраста группового поведения. В этой связи отмечается совершение ими преступлений со сверстниками, совместно проводящими свободное время. Как показывает практика, преступные группы несовершеннолетних обычно образуются из досуговых группировок подростков-сверстников. Обращает на себя внимание то, что для несовершеннолетних нехарактерно образование устойчивых преступных групп.

В большинстве случаев несовершеннолетние, совершившие преступление, отличаются низким уровнем успеваемости, отсутствием интереса к обучению или работе, недобросовестным отношением к своим обязанностям. Анализ статистической информации показал, что в 2012 году совершено преступлений 1874 несовершеннолетними, имеющими среднее профессиональное образование, 41725 несовершеннолетними, имеющими начальное и основное общее образование, 12 589 – среднее полное (общее) образование; в 2013 году аналогичные показатели составили соответственно 1959, 42933, 12755; в 2014 году – соответственно 1803, 39262, 10552

[15]. Помимо этого для несовершеннолетних характерны повышенная самооценка, отсутствие ответственности за свои поступки, равнодушие к другим людям. Распространёнными чертами характера подростков-преступников являются заниженный самоконтроль, упрямство, эмоциональная неуравновешенность, злобность, агрессивность.

Повышенную общественную опасность представляет совершение несовершеннолетними общественно опасных деяний в результате целенаправленного воздействия на них взрослых лиц. Статистические данные указывают на увеличение фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. Так, если в 2012 году зарегистрировано 2537 таких преступлений, в 2013 году – 2231, то в 2014 году – 3471 [16]. Исследования в области криминологии подтверждают, что под влиянием и с участием взрослых несовершеннолетними совершено до 90 % преступлений [17]. Росту такого вида преступности способствуют следующие обстоятельства: преобладание социально-экономических проблем в области молодежной политики; недостаточное обеспечение уровня жизни, занятости несовершеннолетних; незащищенность подростка от негативного влияния неблагополучной родительской семьи, выражающегося в примере аморального образа жизни, приобретении негативных личностных качеств; недостаточная организация контроля за поведением несовершеннолетних и индивидуальной воспитательно-профилактической работы, социокультурный дефицит личности несовершеннолетнего, негативное влияние уличных компаний и др.

Практика показывает, что вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность представляет собой высоко латентное явление, что негативно отражается на достоверности статистических данных. Одной из причин латентности такого вида преступности является нежелание подростка сообщить о его вовлечении в преступную деятельность взрослым преступником. Несовершеннолетний в силу своего возрастного физического и психического развития не может противостоять воздействиям со стороны совершеннолетних лиц, выражающимся в запугивании, убеждении, обмане, обещании, использовании других мер, вследствие чего при психологическом воздействии у него происходит ломка моральных принципов и правового миропонимания. В свою очередь, физическое воздействие, применяемое к несовершеннолетним, осуществляется как метод воспитания либо как один из способов сломить волю и вовлечь его в преступление или антиобщественные действия [18]. Также к числу причин латентности рассматриваемой преступной деятельности следует отнести: опасение мести со стороны взрослых преступников, боязнь потери авторитета, страх быть разоблаченным из-за причастности к другим преступлениям и др.

В настоящее время обращает на себя внимание преобладание повторности совершения несовершеннолетними преступлений. В 2013 году из общего числа несовершеннолетних, совершивших общественно опас-

ные деяния, ранее совершали преступления 14 079 человек (23,2 %), тогда как в 2011 году этот показатель составлял 19,6 %. Практически каждый седьмой из числа выявленных в 2013 году несовершеннолетних, совершивших преступления, был ранее судим, при этом данный показатель за период 2011–2013 гг. вырос на 0,7 % [19].

Как свидетельствует статистика, у несовершеннолетних правонарушителей отмечается устойчивое антиобщественное поведение, выражающееся в демонстрации пренебрежительного отношения к нормам поведения, склонности к употреблению спиртных напитков, наркотических средств. Надо сказать, что отмечается относительная стабильность в совершении несовершеннолетними преступлений в состоянии алкогольного опьянения [20]. Так, в 2012 году преступления в состоянии алкогольного опьянения совершили 8 262 человек, что составило 13,8 % от общего числа подростков, совершивших преступления, в 2013 году – 8 428 человек (13,8 %), в 2014 году этот показатель составил – 7567 человек (13,9 %). В свою очередь, имеется тенденция к увеличению совершения подростками преступлений в состоянии наркотического опьянения. Если в 2012 году в таком состоянии совершили преступления 261 человек (0,4 %), то к 2014 году – 596 человек (1,1 %).

Таким образом, на сегодняшний день состояние преступности несовершеннолетних определяется следующими критериями:

- ростом числа несовершеннолетних, склонных к девиантному поведению и криминогенной активности;
- увеличением количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в соотношении с показателями сокращения общей численности данной возрастной группы населения;
- более динамичным ростом преступности несовершеннолетних по отношению к общей преступности;
- совершением несовершеннолетними значительного числа преступлений в соучастии с взрослыми преступниками;
- повышением уровня рецидива;
- высокой латентностью преступности несовершеннолетних;
- преобладанием тенденции к увеличению количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;
- увеличением количества совершаемых этой возрастной группой корыстных и корыстно-насильственных преступлений;
- наличием выраженной агрессивности и жестокости у подростков;
- групповым характером преступлений и т. д.

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать, что состояние преступности несовершеннолетних в современных условиях указывает на повышенную общественную опасность подростковой преступности, и

является основой для разработки соответствующих мер, направленных на ее предупреждение.

---

1. Состояние преступности в Российской Федерации за 2012–2014 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://mvd.ru (дата обращения: 2 октября 2015 г.).

2. Криминология / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 889.

3. Криминология: учебное пособие / под ред. С. М. Иншакова, А. В. Симоненко. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 128.

4. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2013 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. С. 38–46.

5. Состояние преступности в Российской Федерации за 2012–2014 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://mvd.ru (дата обращения: 2 октября 2015 г.).

6. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2013 года М.: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. С. 38–46.

7. Лелеков В. А., Кошелева Е. В. Криминологический анализ преступлений несовершеннолетних против собственности // Рос. следователь. 2015. № 13. С. 30.

8. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2013 года М.: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. С. 38–46.

9. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2013 года М.: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. С. 38–46.

10. Бельский А. И., Ягодин Р. С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Рос. следователь. 2015. № 15. С. 49.

11. Ахьядов Э. С. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений несовершеннолетних и молодежи // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 620–624.

12. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2010. С. 556.

13. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru (дата обращения: 4 октября 2015 г.).

14. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2013 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. С. 38–46.

15. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2013 года М.: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. С. 38–46.

16. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2013 года М.: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. С. 38–46.

17. Лелеков В. А., Спичкин М. Ю. Механизм формирования и криминологические особенности личности несовершеннолетних, совершивших преступления корыстно-насильственной направленности // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 132.

18. Строков А. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 3.

19. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2013 года М.: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. С. 38–46.

20. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2012 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2012. С. 38–46; Сведе-

ния о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2013 года М.: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38–46; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления за январь–декабрь 2014 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. С. 38–46.

Ключевые слова: преступление, преступность несовершеннолетних, криминологический анализ преступности несовершеннолетних, структура преступности несовершеннолетних, преступная деятельность несовершеннолетних.

УДК 343.51

ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА – РЕЗУЛЬТАТ РЕФОРМЫ

Расулова Наталья Сергеевна,
адъюнкт,
Уральский юридический институт МВД России
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Время, прошедшее с введения в ст. 144 УПК РФ назначения и производства судебной экспертизы, получения заключения эксперта, показало, что данная реформа уголовно-процессуального законодательства, не нашла ожидаемого применения, а наоборот, несмотря на положительные оценки ученых, осторожно воспринята практическими работникам.

После многолетних дискуссий Федеральный закон РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] существенно расширил систему проверочных действий, закрепленных в ст. 144 УПК РФ. В частности, наряду с истребованием документов и изъятием их в порядке, установленном УПК РФ, проведением осмотра места происшествия, освидетельствования и получением образцов для сравнительного исследования, законодательно регламентированы в стадии возбуждения уголовного дела назначение и производство судебной экспертизы, получение заключения эксперта.

Однако, анализ анкетирования следователей СУ СК РФ по Свердловской области, ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области и СО Линейного отдела МВД России на станции Екатеринбург-Пассажирский, сотрудников уголовного розыска, отдела по экономической безопасности и противодействию коррупции, дознавателей, участковых уполномоченных ГУ МВД России по Свердловской области, ХМАО, Тюменской области,

следователей и оперуполномоченных Управления ФСКН России по Свердловской области показал, что в период с 4 марта 2013 г. до настоящего времени правоприменители указанных регионов не используют в ходе проверки сообщения о преступлении такое эффективное средство доказывания, как назначение и производство судебной экспертизы.

В своих ответах практические работники выделили следующие причины, которые, по их мнению, препятствуют проведению данного следственного действия в стадии возбуждения уголовного дела:

- противоречия норм, закрепленных в ч. 1 ст. 144 и гл. 27 УПК РФ, обусловленные дефектами законодательной техники;

- несоответствие данной нормы принципам уголовного судопроизводства, основанным на Конституции РФ и обеспечивающим гарантии законной деятельности его участников;

- несоразмерность сроков производства некоторых видов судебных экспертиз (бухгалтерская, экономическая, фоноскопическая, компьютерная, химико-фармакологическая экспертиза аналогов наркотических веществ) с максимальными сроками доследственной проверки – 30 суток (ч. 4 ст. 144 УПК РФ);

- угроза сохранности и достаточности объектов исследования для производства повторной или дополнительной экспертизы (боеприпасы, наркотические средства и т. д.)

Таким образом, опрошенные практические работники перечисленных выше регионов в качестве оснований для принятия решения по сообщению о преступлении активно продолжают использовать результаты предварительных исследований, судебно-медицинских освидетельствований, ревизий и документальных проверок, поскольку, во-первых: «…очевидно, что фактом их производства прав участников уголовного судопроизводства не нарушалось» [2, с. 9], а во-вторых, в случае использования всего объекта в ходе его предварительного исследования, отсутствуют основания для заявления ходатайства о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ). Правоохранители Омской области, разделяющие мнение о противоречивости и несовершенстве норм уголовно-процессуального законодательства, нашли иной выход и выработали межведомственное решение, согласно которому «при обнаружении веществ, напоминающих наркотики, сразу возбуждать уголовное дело с согласия прокурора, а затем назначать и производить судебную экспертизу» [3, с. 24].

Следует отметить, что производство судебной экспертизы в силу специфики проведения, основанной на методологии исследования, обладая высокой степенью познавательных возможностей, является одним из наиболее эффективных средств в процессе доказывания, а его результат – заключение эксперта – все больше приобретает первостепенное значение в достижении целей расследования преступлений. Поэтому особенно важ-

ным при получении полноценного доказательства представляется соблюдение процессуального порядка проведения данного следственного действия, включающего многоэтапную процедуру и систему правоотношений, основанных на правах и обязанностях его участников. Однако, на наш взгляд, законодатель, регламентируя производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, явно не учел одно важное обстоятельство. Дело в том, что требования ч. 1 ст. 144 УПК РФ тесно связаны с его нормами, определяющими как порядок производства указанного следственного действия, так и основные правовые положения российского уголовного судопроизводства. Мы поддерживаем мнение С. А. Шейфера о том, что «принципы уголовного процесса и правовой статус его участников образуют как бы фундамент следственного действия, обязывая, в частности, следователя не допускать односторонности при исследовании любого объекта, несущего доказательственную информацию» [4, с. 43]. В действительности, правовые противоречия в нормах уголовно-процессуального закона, появившиеся в результате реформы, приводят к определенной бессистемности «доследственной проверки», искажают назначение данной стадии, что существенно осложняет работу правоприменителей. Вследствие этого вопрос относительно необходимости допустимости производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела продолжает оставаться актуальным и требует своего теоретического осмысления.

---

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Стельмах В. Ю. Введение сокращенной судебной экспертизы как способ устранения процессуальных противоречий // Судебная экспертиза. 2014. № 2. С. 8–17.

3. Ашуров В. К. Практика назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Судебная экспертиза. 2013. № 3. С. 24.

4. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

Ключевые слова: производство судебной экспертизы, предварительное исследование, принципы уголовного процесса.

УДК 343.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Сазин Сергей Тихонович,
кандидат юридических наук, доцент,
руководитель управления,
Северо-Западное Следственное управление на транспорте
Следственного комитета Российской Федерации
195009, Санкт-Петербург, ул. Боткинская, д. 1. Корпус 6

В настоящей статье рассмотрены спорные вопросы, связанные реализацией прав граждан на необходимую оборону, раскрываются отдельные проблемы квалификации и правоприменения.

Институт необходимой обороны в российском уголовном праве является одним из средств охраны интересов государства, собственности, прав и интересов отдельных граждан. Он помогает удерживать неустойчивых лиц, намеревающихся совершить преступление, от осуществления своего преступного намерения.

Вопрос о правильном понимании необходимой обороны и о пределах ее допустимости приобретает в настоящих условиях исключительно важное значение.

Необходимая оборона является неотъемлемым правом личности. Конституция Российской Федерации [1] (ч. 2 ст. 45) признает право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Цель необходимой обороны, ее значение состоит в осуществлении защиты личности, общества и государства от общественно опасных посягательств. Право на защиту является естественным правом любого человека независимо от профессиональной или иной подготовки. Любой гражданин может воспользоваться правом на необходимую оборону, но закон не обязывает его это право применять. При необходимой обороне посягающему причиняется вред. Формально такие действия подпадают под признаки преступного деяния. Но действия обороняющегося не являются общественно опасными. Более того, они общественно полезны, поощряемы государством, поскольку не только направлены на защиту правоохраняемых интересов, но и способствуют повышению социальной активности граждан. Институт необходимой обороны призван обеспечить права обороняющихся и иных субъектов на защиту от общественно опасных посягательств, защитить обороняющегося от возможного необоснованного привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, в том числе и за преступление, связанное с превышением пределов необходимой обороны.

Согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ [2] не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Из содержания этой нормы, а также разъяснений Верховного Суда РФ (Постановление Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление») следует, что если общественно опасное посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, то необходимая оборона будет являться правомерной вне зависимости от того, какие средства и способы были применены при обороне и какой вред был причинен при этом посягающему. Закон признает в таких случаях правомерность причинения любого вреда, вплоть до причинения смерти.

Общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица. О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности:

причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов);

применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.).

Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

При этом опасность для жизни должна быть объективно существующей, реальной. В противном случае действия обороняющегося могут быть расценены как мнимая оборона, что влечет за собой уголовную ответственность.

В практической деятельности возникают сложности в определении реальности угрозы, что приводит к разному толкованию положений закона на стадии следствия и в суде.

В качестве примера здесь следует привести уголовное дело в отношении К. *(Кирсанова Ю. А.)*, осужденного приговором Советского районного суда г. Орла от 20 февраля 2015 г. за убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) к 9 годам лишения свободы, однако впоследствии оправданного 3 июня 2015 г. судебной коллегией по уголовным делам Орловского областного суда по результатам апелляционного рассмотрения (дело расследовалось СО по Советскому району г. Орла). Данное решение судом апелляционной инстанции мотивировано наличием в действиях подсудимого необходимой обороны, поскольку К. причинил смерть С. *(Сиротинину С. А.)* при защите от посягательства, сопряженного с угрозой применения насилия, опасного для его жизни, при котором закон предоставляет обороняющемуся право на причинение посягающему лицу любого вреда, не превысив при этом пределов необходимой обороны. По мнению судебной коллегии, показания К. о том, что он оборонялся от общественно опасного посягательства со стороны С., сопряженного с угрозой применения насилия, опасного для его жизни, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни, не опровергнуты, а согласно ч. 3 ст. 14 УПК РФ, все сомнения в виновности подсудимого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу подсудимого.

В то же время следствие исходило из другой позиции: после того, как К. вырвал пневматический пистолет у находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения С. (в крови обнаружено более 4 промилле) и отбросил его в другую комнату, тем самым устранив какую-либо угрозу для жизни и здоровья, он схватил потерпевшего рукой за голову и с силой ударил ею об стену квартиры, от чего С. упал на пол. В этот момент К., фактически устранив опасность для жизни и здоровья, умышленно, с целью убийства на почве личных неприязненных отношений, наступил С. ногой на шею и удерживал (не менее 2 минут) потерпевшего до наступления смерти, то есть располагал достаточным временем, чтобы оценить обстановку. Таким образом, по нашему мнению, своими целенаправленными и осознанными действиями К. умышленно причинил смерть С.

Данное решение в настоящее время обжаловано прокуратурой в надзорную инстанцию.

Имеется различное толкование данного вопроса также между следствием и прокуратурой. Так, в настоящее время пока не удается придти к консенсусу по уголовному делу в отношении Д. *(Давыденко)* по факту

убийства Д. *(Долгих)* в Ливенском районе. Несмотря на довольно очевидные обстоятельства, установленные следствием, свидетельствующие об умышленном причинении смерти *(после неправомерных действий погибшего по удушению обвиняемого, последний освободился и угроза жизни была устранена, однако с целью убийства взял кирпич и два раза нанес им удар в область головы)*, надзирающим прокурором дело неоднократно возвращается для дополнительного следствия с указанием на наличие в действиях обвиняемого необходимой обороны *(по мнению прокурора, в данном случае нападение носило длящийся характер)*.

Как известно, в соответствии со ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным умышленно, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления либо не желало, но сознательно допускало эти последствия или относилось к ним безразлично. В этой связи следует сделать вывод о том, что при посягательстве, не сопряженном с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, превышение пределов необходимой обороны связано с осознанием обороняющимся неправильности, опасности своих действий в момент причинения вреда. Иными словами, обороняющийся должен с очевидностью осознавать, что защититься от посягательства, пресечь его он имеет возможность, применяя иные средства защиты, с меньшей ее интенсивностью, с причинением посягающему значительно меньшего вреда по сравнению с реально причиненным. Таким образом, обороняющийся должен стремиться не к расправе над посягающим, а к прекращению его действий и причинению только необходимого для отражения посягательства вреда.

Однако на практике объективно не представляется возможным установить в момент обнаружения трупа с признаками насильственной смерти все имеющие значение обстоятельства, свидетельствующие о защите потенциального подозреваемого от нападения погибшего. Ведь зачастую подозреваемые выдвигают версию защиты о якобы имевшем место нападении со стороны погибшего, однако объективно это ничем не подтверждается (на теле не имеется телесных повреждений, в том числе так называемых следов борьбы, при этом на трупе обнаружены множественные повреждения).

В ч. 2.1 ст. 37 УК РФ говорится о том, что не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения. В таких ситуациях при отсутствии объективной оценки обстоятельств нападения умысел на превышение пределов необходимой обороны отсутствует, и поэтому причинение вреда в таких ситуациях признается правомерным.

В связи с этим следствию приходится возбуждать и расследовать уголовные дела по ч. 4 ст. 111 либо ч. 1 ст. 105 УК РФ, привлекая к уголовной ответственности лиц, однако после проведения всех необходимых судебных экспертиз и допросов участников процесса принимать решения о прекращении дела в связи наличием необходимой обороны (что влечет соответственно право на реабилитацию граждан). В качестве такого примера можно привести уголовное дело Свердловского МСО в отношении Р. *(Родиной)* по факту убийства Т. *(Тарасова)*. На момент возбуждения уголовного дела установлено, что 7 декабря 2014 г. в квартире, расположенной в пос. Глазуновка, между находившимися в состоянии алкогольного опьянения Р. и Т. произошла ссора, в ходе которой Т. нанес множественные удары кулаками по голове, туловищу и конечностям Р., причинив легкий вред здоровью. Расценивая действия Т. как посягательство на свою жизнь и здоровье, предотвращая возможное продолжение посягательства, Р. схватила с дивана в комнате нож, умышленно нанесла им не менее 5 ударов в область туловища Т., от которых последний впоследствии скончался 11 декабря 2014 г. в больнице. Следствием указанные действия Р. были квалифицированы как убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), однако прокурором при возвращении уголовного дела для дополнительного расследования было указано на признаки необходимой обороны в действиях Р.

Необходимо отметить, что действующая редакция ст. 37 УК РФ имеет свои недостатки. В частности, потенциальный субъект необходимой обороны зачастую попадает в ситуацию, при которой он должен не только дожидаться посягательства, но также определить его направленность (на жизнь или другие блага) и выяснить характер применяемого или угрожаемого насилия, т. е. решить те вопросы, которые вызывают трудности даже у специалистов и которые без разъяснения Пленума Верховного Суда РФ однозначно толковаться, а значит и применяться не будут. По-прежнему сложными на практике остаются вопросы о критериях отграничения правомерной необходимой обороны от превышения ее пределов, о применении гражданами при защите оружия, о конкуренции необходимой обороны с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния, об аналогии мнимой обороны с необходимой обороной.

В 2008 г. широкую огласку получила история, когда боксер убил педофила, защищая восьмилетнего сына. Из средств массовой информации известно, что «убийство Александр Кузнецов совершил в новогоднюю ночь в состоянии аффекта, когда увидел, что неизвестный пытается в подъезде изнасиловать его приемного восьмилетнего сына». По словам А. Кузнецова, его ребенок был избит, раздет и находился в обморочном состоянии. Отчим мальчика, в прошлом профессиональный боксер, несколькими ударами убил обидчика. Как выяснилось позднее, это был

20-летний уроженец Узбекистана, студент одного из российских вузов Бахтишод Хайриллаев [3; 4].

Уголовное дело было возбуждено по статье «Причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть человека». Суд счел факт нападения на ребенка смягчающим обстоятельством. Отягчающим обстоятельством было признано наличие у обвиняемого условного срока. Не совсем понятно, в чем заключалось превышение пределов необходимой обороны со стороны боксера [3].

Не случайно в тексте статьи на аналогичную тематику А. В. Гришин и О. Г. Селютина обращают внимание на следующее: «при необходимой обороне, т. е. при *защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства* от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни не только обороняющегося, но и *другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия*. В связи с этим непонятно, почему суд не учел указанные положения УК РФ при вынесении приговора по делу с боксером» [3].

Институт необходимой обороны может активно выполнять свое предназначение при отсутствии для человека, защищающего не только свои, но и чужие (других лиц, общества и государства) интересы, реальной опасности быть привлеченным к уголовной ответственности.

Обратимся к критерию «*явное несоответствие*». Из ст. 1 УК РФ четко прослеживается: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из УК РФ, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный кодекс». Следовательно, и критерий «явное несоответствие» должен получить свое развитие именно в УК РФ либо иметь трактовку в законе более высокой юридической силы (в федеральном конституционном законе, Конституции РФ). Без данного критерия должно вытекать единственно верное решение подобной проблемы: если лицо дает либо признательные показания, из которых следует, что оно не действовало в состоянии необходимой обороны, а совершило уголовно наказуемое деяние в ситуации, по внешним признакам похожей на необходимую оборону, либо указанное обстоятельство следует из материалов уголовного дела, то и судить его должны за совершение конкретного преступления, а не за превышение пределов [3].

Другой пример реальной необходимой обороны. Улица, полночь, темный переулок. Гражданин Н. возвращается домой после работы. Навстречу идут двое подвыпивших парней спортивного телосложения и, подойдя к Н., требуют отдать им деньги и мобильный телефон. При этом один из нападавших демонстрирует предмет, похожий на нож. Гражданин Н., защищая свою жизнь, здоровье и имущество, не говоря ни слова, хватает лежавший на асфальте предмет в виде палки и наносит удар одному из грабителей. Куда приходится удар, он не видит – срабатывает элементар-

ный инстинкт самосохранения. Гражданин Н. не имел цели причинить тяжкий вред здоровью либо убить нападавшего. Однако в результате полученной травмы последний скончался [3].

И дело здесь не в предвзятости суда, а в несовершенстве действующего закона. В частности, есть ст. 37 УК РФ, посвященная необходимой обороне, гласящая, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при *защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства* от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено *превышения пределов необходимой обороны*, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. Более того, «не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо *вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения*». И если понятию «умышленное действие» с точки зрения концепции состава преступления можно дать четкую юридическую формулировку, то что такое «явное несоответствие» – в законе не прописано. Значит, нет и четкого критерия того, когда необходимая оборона перестает быть таковой и переходит в разряд уголовно наказуемого деяния [3].

Более того, практически любые здравые попытки более четко обозначить данный критерий почему-то наталкиваются на усиленное сопротивление. Так, недавно вице-спикер Государственной Думы Игорь Лебедев предложил в очередной раз расширить права россиян на применение оружия, когда кто-то угрожает их жизни. Кроме того, депутаты обсуждают идею узаконивания в нашей стране доктрины, аналогичной американской в части пределов применения насилия в целях защиты собственности и жилища. Предлагается, в частности дать гражданам России право с помощью оружия пресекать любые попытки проникновения в частное жилище. В качестве положительного примера называется как имевшийся в нашей стране опыт до известных событий 1917 г., так и современные наблюдения. В частности, когда в России разрешили хранение дома в целях самообороны охотничьих ружей, количество нападений и попыток вломиться в жилища и на дачи граждан значительно уменьшилось. Боязнь получить пулю остудила прыть даже самых дерзких «отморозков» [3; 4].

В связи с этим, по нашему мнению, заслуживает внимания предложение о внесении в федеральное законодательство изменений в части исключения института превышения пределов необходимой обороны. Со-

звучно данной позиции мнение, высказанное А. В. Гришиным, О. Г. Селютиной в научной статье: «при этом любой вред, причиненный посягающему в процессе защиты, признавать правомерным. На основании изложенного полагаем, что в УК РФ необходимо законодательно закрепить *презумпцию*, что к лицу, совершающему (совершившему) преступное посягательство, и (или) при предотвращении такового, а также в случае, когда преступное посягательство окончено и (или) лицо, совершившее деяние, объективно содержащее признаки преступления, доставляется в компетентные государственные органы, могут применяться любые меры, вплоть до причинения вреда, влекущего смерть лица, совершившего преступление».

Именно посягающий должен нести риск возможного причинения ему любого вреда, а не защищающийся быть жертвой преступления и еще иметь реальную возможность стать самому преступником. Для обороняющегося общественно опасное посягательство почти всегда неожиданно и у него нет времени на размышления о том, какие действия следует избрать, чтобы не допустить явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства, тем более, что зачастую защищающийся находится в состоянии испуга, страха, сильной взволнованности.

Представляется, что совершенствование уголовного законодательства о необходимой обороне могло бы идти по пути очерчивания наиболее типичных ситуаций, в которых действия обороняющегося, причинившего, любой вред посягающему, признавались бы всегда правомерными.

Конечно, в законе невозможно дать исчерпывающий перечень этих ситуаций. Выходом здесь может стать включение наиболее типичных на практике ситуаций в действующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ путем внесения изменений либо издание нового. Речь идет о некоторых наиболее опасных типичных ситуациях, дающих гражданам возможность однозначно знать, когда и как они могут защищаться, не боясь быть привлеченными к уголовной ответственности за причинение любого вреда посягающему. Это явилось бы действенным средством предупреждения общественно опасных посягательств. Никакого ограничения прав граждан на необходимую оборону в подобной ее регламентации не происходит, поскольку в законе сохраняется в иных случаях указание на само понятие необходимой обороны и на превышение ее пределов.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гришин А. В., Селютина О. Г. К вопросу о квалификации деяний, направленных на защиту личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства с точки зрения теории правовых презумпций // Образование. Наука. Научные кадры. Москва: Издательство «Юнити-Дана». 2015. № 1. С. 54–57.

4. Рудицкий Р. Не влезай – убьют? // Аргументы и факты. 2014. № 42. С. 5. Цит. по: Гришин А. В., Селютина О. Г. К вопросу о квалификации деяний, направленных на защиту личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства с точки зрения теории правовых презумпций // Образование. Наука. Научные кадры. Москва: Издательство «Юнити-Дана». 2015. № 1. С. 54–57.

Ключевые слова: необходимая оборона, квалификация, УК РФ, УПК РФ.

УДК 342.72/.73

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ

Семенов Евгений Алексеевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В статье исследуются теоретические и практические проблемы производства в суде с участием присяжных заседателей, анализируются данные судебной статистики и мнения ученых-правоведов по совершенствование правового положения присяжных заседателей.

Анализ статистических данных позволяет утверждать, что число случаев вынесения оправдательных приговоров судами субъектов в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по делам, в которых имеется государственный (публичный, частно-публичный) интерес, без учета лиц, привлекаемых по делам, подсудным суду присяжных, составляет около 0,5 % , тогда как количество вынесенных оправдательных приговоров в отношении лиц, привлекаемым к уголовной ответственности по делам, подсудным суду присяжных, составляет более 20 % [1].

Такая разница в количестве оправдательных приговоров между должностными судьями (0,5 %) и присяжными заседателями (20 %) не мо-

жет быть объяснена иначе как негласной позицией государства по такому вопросу и зависимостью должностных судей от нее.

По словам А. Ф. Кони, даже тогда, «когда присяжные произносят оправдательные приговоры несмотря на очевидную наличность преступления и на сознание подсудимого, уже не раздается прежних обвинений. Законодательная власть относится к этому с доверием, а общественное мнение старается найти причины таких приговоров не в присяжных, а в условиях общественного быта, в нравах и, наконец, в отживающих свой век обязательных нормах...» [2].

Не случайно, на прозвучавшем 3 декабря 2015 года ежегодном послании Федеральному собранию РФ Президент РФ предложил сократить число присяжных заседателей до пяти-семи человек, одновременно расширив его компетенцию.

Многие ученые справедливо отмечают, что развитие и совершенствование деятельности суда присяжных является важной составляющей в защите прав и законных интересов личности, в установлении баланса интересов между личностью, государством и обществом. Отправляя правосудие, присяжные укрепляют правительство, усиливают его. Однако, в последнее время приходится констатировать следующий факт: «рейтинг» суда присяжных значительно упал. Об этом говорит отношение россиян к высказыванию «Суд присяжных не подходит для России»: 32 % участников опроса согласны с таким утверждением; 39 % с этим не согласны и 29 % затрудняются с ответом [3].

Тем не менее, дела с участием присяжных заседателей в 2014 году рассматривались во всех регионах, за исключением Крымского Федерального округа. Так, с участием присяжных заседателей окончено производством 348 уголовных дел, что составило 11,4 % от общего числа оконченных производством уголовных дел судами областного звена. Из них 308 рассмотрены с вынесением приговора; прекращенных дел – одно; 28 уголовных дел возвращены прокурору (ст. 237 УПК РФ); 11 дел переданы по подсудности или подведомственности в прокуратуру в связи с розыском [4].

Незначительно изменилось число осужденных лиц по уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей, – 671 лицо (в 2013 году – 760), оправдано – 105 лица (в 2013 году – 191 лицо), число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены– 12 (в 2013 году – 32), в отношении 28 лиц (в 2013 году – 45) дела были возвращены прокурору для устранения недостатков [4].

Сегодня российский суд с участием присяжных заседателей рассматривает только уголовные дела, подсудные верховным судам республик, краевым и областным судам, судам городов федерального значения, судам автономной области и автономных округов, окружным (флотским) военным судам.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что в среднем 25 % ходатайств о рассмотрении дел судом с участием присяжных заседателей отзываются, а также отклоняются [5]. Это говорит о том, что суды далеко не всегда предоставляют обвиняемым возможность рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей.

Большинство россиян доверяют судам присяжных, но, как показал социологический опрос Фонда «Общественное мнение», лишь немногие хотели бы в них участвовать [6].

Суд присяжных оправдал пятерых молодых людей, обвинявшихся в нападении на вьетнамского студента. Ву Ань Туан был убит в октябре 2004 года, врачи насчитали у него 39 ножевых ранений [7].

Девятью голосами против трех присяжные оправдали 16-летнего подростка Романа Казакова, обвинявшегося в убийстве девятилетней таджикской девочки, но признали его, как и еще шестерых подсудимых, виновным в хулиганстве. Один подсудимый был признан невиновным и в хулиганстве, а еще двух – присяжные сочли достойными снисхождения [8].

Дважды Верховный суд отменял вердикты присяжных Ростова-на-Дону, раз за разом выносивших оправдательные приговоры спецназовцам ГРУ Эдуарду Ульману, Александру Калаганскому, Владимиру Воеводину и Алексею Перелевскому, обвиняемым в убийстве в январе 2002 года на территории Шатойского района Чечни шестерых мирных жителей. Оба раза присяжные признавали тот факт, что убийство имело место, но отказывались считать подсудимых виновными в убийстве, так как они выполняли приказ[9].

Полной неожиданностью для представителей Генпрокуратуры стал оправдательный вердикт по делу Пола Хлебникова. Гособвинитель по этому делу Дмитрий Шохин объявил, что решение суда присяжных будет обжаловано. Но, как показывает практика, отменить приговор присяжных очень тяжело, а во многих случаях практически невозможно [10].

Данная ситуация спровоцировала споры вокруг суда присяжных. В соответствии со статистикой присяжные оправдывают более 15 % подозреваемых, а профессиональные судьи – чуть около 0,5 % [11]. Что скрывается за этими цифрами – чрезмерная строгость профессиональных судей, излишняя мягкость присяжных или иные проблемы?

В настоящее время, такие авторы, как С. Пашин, Л. Левинсон, анализируя литературу и судебную практику, позволяют определить основные направления совершенствования деятельности судов присяжных в России:

1) обеспечить гражданам право предстать перед судом с участием присяжных заседателей по всем уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях; ввести суд с участием присяжных заседателей по гражданским делам, в первоочередном порядке – по делам о возмещении вре-

да, причиненного гражданам государственными органами и хозяйствующими субъектами;

2) создать за счет средств федерального и региональных бюджетов фонд, куда сторона защиты, потерпевший и его представитель могут обращаться за компенсацией разумных расходов по собиранию доказательств и подготовке к отбору присяжных заседателей;

3) предусмотреть право сторон присутствовать при отборе должностными лицами суда присяжных заседателей на соответствующие процесс и дату; увеличить число безмотивных отводов, которые можно заявлять кандидатам в присяжные заседатели, до шести от каждого подсудимого;

4) вопросы присяжным заседателям задавать в формулировках уголовного закона;

5) увеличить число голосов присяжных заседателей, необходимых для признания лица виновным, до восьми;

6) добиться неколебимости оправдательных приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей [12].

Введение изложенных новшеств должно сопровождаться повышением квалификации правоприменителей, демократической и гуманистической трансформации их правопонимания.

Также авторы вносят и другие предложения, направленные на изменение порядка функционирования суда присяжных. Так, А. А. Леви предлагает такой процессуальный порядок рассмотрения уголовного дела в суде присяжных: «Виновность подсудимого, квалификацию его действий должен определять специалист – профессиональный судья, а назначение меры наказания следовало бы поручить присяжным заседателям» [13].

На наш взгляд, большинство процессуалистов справедливо указывают на преимущества коллективного рассмотрения уголовного дела. Так, например, Ю. К. Якимович считает, что в состав суда, рассматривающего коллегиально дело по первой инстанции, должны входить и профессиональные судьи, и заседатели, как при решении вопроса о виновности, так и при решении вопроса о наказании [14].

Близкую позицию высказывает и А. А. Демичев, который полагает, что присяжные заседатели должны быть соединены в единую коллегию с профессиональным судьей и наделены равными правами с последним, и соотношение 5:1 достаточно, чтобы авторитет профессионального судьи не был доминирующим [15].

Быков В. считает, что совершенствование правового положения присяжных заседателей в рамках действующего суда присяжных не может быть осуществлено. Суд присяжных может эффективно действовать как орган правосудия только в том случае, если профессиональные судьи и присяжные заседатели будут в нем составлять единую коллегию. Предпочтение должно быть отдано такому составу суда присяжных – три профессиональных судьи и четыре присяжных заседателя, составляющих одну

коллегию и совместно решающих все вопросы при рассмотрении уголовного дела путем голосования [16].

Изучив различные точки зрения на суд присяжных, его проблемы и перспективы развития, мы пришли к выводу, что наиболее важными в рамках изучаемой нами темы является проблемы, возникающие при формировании коллегии присяжных заседателей, поскольку именно от качественного состава коллегии присяжных заседателей зачастую зависит характер выносимого ею вердикта по делу. В связи с этим, мы считаем необходимым внести изменения в действующее законодательство в части порядка формирования коллегии присяжных заседателей.

Формирование коллегии присяжных, как представляется, должно идти в два основных этапа. До судебного разбирательства должна быть проведена предварительная проверка лиц, включенных в списки возможных кандидатов, а именно установление личности, анкетирование кандидатов, их опрос. Затем необходим перерыв. Длительность перерыва будет определяться по усмотрению председательствующего с учетом мнения сторон либо по ходатайствам сторон. Цель перерыва – проверка достоверности сведений, сообщенных кандидатами в присяжные заседатели. Проверку, как представляется, следует поручать службе судебных приставов. Исходя из результатов проверки, стороны, а также иные заинтересованные участники получают возможность заявить мотивированные и немотивированные отводы.

Итак, функционирование суда присяжных имеет важное общественно-политическое значение, заключающееся в предъявлении повышенных требований к качеству предварительного расследования и судебного разбирательства, профессионализму должностных лиц, соблюдению ими как профессиональных обязанностей, так и требований закона.

Одни из наиболее дискуссионных вопросов связаны с формированием коллегии присяжных заседателей, поскольку от качественного состава коллегии присяжных заседателей зачастую зависит характер выносимого ею вердикта по делу. В связи с этим, мы считаем необходимым внести изменения в действующее законодательство именно в части касающейся порядка формирования коллегии присяжных заседателей.

---

1. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 25 июля 2015 г.).

2. Кони А. Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Собрание сочинений. В 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 215.

3. Гордейчик С. А. Еще раз о необходимости суда присяжных в России // Рос. судья. 2014. № 4. С. 33.

4. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 25 июля 2015 г.).

5. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http: //www.cdep.ru (дата обращения: 25 июля 2015 г.).

6. Рос. газ. 2014. 20 июля.

7. Колоколов Н. А. Реакция присяжных заседателей на текст и контекст вопроса // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. С. 2.

8. Барсукова М. А. Суд присяжных как кентавр-явление // История государства и права. 2012. № 21. С. 41–43.

9. Фетисова М. А. Суд присяжных как субъект реализации конституционного права граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия // Современное право. 2014. № 5. С. 104.

10. Джабраилов М. А. Перспективные направления развития суда присяжных в России: тезисы // Рос. следователь. 2013. № 4. С. 40–44.

11. URL: http: //www.cdep.ru. (дата обращения: 25 июля 2015 г.).

12. Пашин С, Левинсон Л. Суд присяжных: проблемы и тенденции. М., 2014. С. 25.

13. Леви А. Д. Суд присяжных: нужна реформа // Законность. 2006. № 12. С. 18–21.

14. Быков В. А. Присяжные заседатели как участники уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2008. № 1. С. 38.

15. Демичев А. А. Перспективы российского суда присяжных // Государство и право. 2013. № 11. С. 104

16. Быков В. А. Указ. соч. С. 39.

Ключевые слова: присяжные заседатели, суд присяжных, производство в суде с участием присяжных заседателей, судебное разбирательство.

УДК 343.1

ПОЛНОМОЧИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Семенов Евгений Алексеевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Клыков Дмитрий Александрович,
курсант 306 учебной группы,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В статье рассматривается вопрос о правовом статусе руководителя следственного органа и его взаимодействии со следователем в процессе расследования уголовных дел.

Сегодня предварительное следствие в России переживает свой ренессанс. При определении руководителей следственных подразделений в УПК законодатель применил новый подход, выстраивая их в иерархическую, централизованную вертикаль, не ограниченную только рамками закона. Сторонники бланкетного характера нормы ч. 5 ст. 39 УПК, не учитывают невозможность разрешать административными нормами подзаконных нормативных актов вопросы уголовного процесса, являющиеся предметом регулирования уголовно-процессуального закона, и корректировать его ими на уровне ведомства, тем более что следственные подразделения функционируют в нескольких разных по своему назначению ведомствах.

Полагаем, субъекты, отнесенные к числу руководителей следственных органов, должны обладать единым, установленным в законе объемом полномочий, а сам перечень участников процесса, обладающих такими полномочиями, должен определяться только законом, а не ведомственными нормативными актами.

В ходе реформы законодатель в противовес власти прокурорской наделил самостоятельностью власть следственную, избавив следователей от двойного процессуального контроля. При этом, обе власти уравновесил блокирующими полномочиями прокурора. Такая модель, несмотря на потенциальную возможность разногласий и даже процессуальных конфликтов, вынуждает их на сотрудничество как единственно возможный способ эффективной деятельности каждого из них.

В науке расширение полномочий руководителя следственного органа оценено неоднозначно. Так, ученые (Н. С. Манова, В. С. Балакшин и др.)

отмечают, что в сочетании с административными и дисциплинарными возможностями это ставит следователя в положение лица, утратившего самостоятельность во взаимоотношениях с руководителем следственного органа и не способствует объективному расследованию уголовных дел [1; 2]. Так считают и 52,9 % из 102 опрошенных нами сотрудников следственных управлений УМВД России по Курской и по Орловской областям. Кроме того, учеными высказываются опасения возникновения внутриведомственных интересов по достижению определенных показателей служебной деятельности; презюмируется, что руководитель следственного органа будет на стороне подчиненного следователя и в случае нарушения им закона [4; 6]. В этом уверены 47,1 % опрошенных нами респондентов.

Среди ученых и практиков сложилась и противоположная точка зрения: ввиду тесной связи со следователем руководитель следственного органа заинтересован в недопущении им нарушения закона и в состоянии минимизировать допускаемые следователем нарушения [3; 5]. Полагаем, приведенные выше результаты анкетирования следует объяснить очередным этапом реформирования ОВД, существенно повысившим персональную ответственность руководителей.

В целях улучшения организации контроля со стороны руководителя следственного органа 63,1 % респондентов считают целесообразным внесение изменений в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ: в случае принятия прокурором решения о возвращении уголовного дела следователю материалы уголовного дела с письменными указаниями прокурора подлежат направлению руководителю следственного органа, который принимает решение об их обжаловании либо об организации дополнительного следствия. При этом, по данным официальной статистики, количество таких дел увеличивается и далеко не единичными являются случаи, когда такое решение по делу прокурор принимает неоднократно [8]. Это связано не только с неудовлетворительным качеством проведенного расследования, но нередко и с тем, что в качестве индикатора активности надзорной деятельности прокурора рассматривается количество его постановлений об отмене решений следователя и о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования [4]. Представляется, подобные «палочные» результаты работы вряд ли способны повысить эффективность прокурорского надзора за законностью предварительного следствия.

Суть отношений руководителя следственного органа со следователем можно определить как процессуальное властвование. При этом, анкетирование показало, что потребность обжаловать решения руководителя следственного органа возникает у 53,0 % респондентов, но лишь 19,6 % из них воспользовались этим правом; а 45,0 % отметили, что всегда соглашаются с решениями и данными им указаниями руководителем следственного органа. В числе последних 10,6 % мотивировали это тем, что подчиненный не должен спорить с руководителем, а 84,3 % (23,5 % из них состави-

ли следователи со стажем работы до 3 лет) – полагались на авторитет и больший опыт начальника. Схожая ситуация и в других регионах страны [7]. Причины этого, на наш взгляд, в психологической неготовности следователей к открытому конфликту со своим непосредственным начальником, от которого зависит их дальнейшее продвижение по службе; в патриотической позиции следователей по защите интересов своего ведомства.

31,6 % опрошенных нами следователей считает необходимым законодательно закрепить алгоритм действий руководителя вышестоящего следственного органа по рассмотрению жалобы следователя на действия и решения его руководителя во избежание неверного разрешения процессуальных споров.

По результатам анкетирования лишь 1/3 респондентов указали на полностью самостоятельное осуществление расследования преступлений и половина – на относительно самостоятельное выполнение функциональных обязанностей. При этом, по мнению 52,9 % респондентов, их процессуальную самостоятельность ограничивает отсутствие в УПК РФ нормы о предоставлении времени руководителю следственного органа на согласование решения о направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору в порядке ст. 220 УПК РФ, т.к. они вынуждены оканчивать предварительное следствие до окончания сроков следствия с тем, чтобы предоставить ему время на рассмотрение дела. Предложение о внесении в УПК РФ соответствующих изменений поддерживает более 60 % респондентов, при этом, 29,4 % считают необходимым установить срок до 5 суток, 10,6 % – до трех суток.

Кроме того, в целях обеспечения принятия законного и обоснованного решения руководителем следственного органа на указанной стадии 74,5 % опрошенных нами следователей считают целесообразным внесение дополнений в ст. 220 УПК РФ частью 5.1 следующего содержания: «после подписания следователем обвинительного заключения он в те же сутки передает уголовное дело руководителю следственного органа», а в ч. 1 ст. 221 УПК РФ слова «от следователя» заменить словами «от руководителя следственного органа», что упорядочит взаимоотношения следователя и руководителя следственного органа. Полагаем, что предложенные нововведения могут стать фактором, повышающим процессуальный контроль за качеством уголовно-процессуальной деятельности следователей.

Принцип самостоятельности следователя, на наш взгляд, может быть внедрен при наличии состоятельного в профессиональном отношении следственного аппарата. Это актуализирует проблему повышения качества профессиональной подготовки и роли руководителя следственного органа, создания условий, препятствующих оттоку опытных специалистов.

В целях оптимального распределения полномочий следователя и руководителя следственного органа в правотворческой практике необходимо учесть системные и корреляционные связи и зависимости между явления-

ми и процессами, влияющими на содержание и объем их прав и обязанностей [8]. При этом не должна снижаться эффективность процессуального контроля руководителя следственного органа; а наделение его процессуальными полномочиями не должно повлечь ограничение процессуальной самостоятельности следователя.

---

1. Балакшин В. С. Независимый–зависимый следователь // Законность. 2011. № 10. С. 34.

2. Манова Н. С. О совершенствовании процессуального положения прокурора на досудебном производстве // Человек и право на рубеже веков: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной академии права. 2008. № 1. С. 8–9.

3. Семенцов В. А. Руководитель следственного органа – новый участник досудебного производства // Материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2007. С. 268.

4. Хашулин А. Г. Полномочия прокурора и руководителя следственного органа // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 6. С. 23.

5. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2004. С. 125.

6. Шабунин В. А. Порядок привлечения в качестве обвиняемого требует изменений // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 12.

7. Шейфер С. А., Борисов С. А. О самоидентификации следователей как участников уголовного процесса // Рос. следователь. 2011. № 17. С. 87–91.

8. Ястребов В. Б. Взаимосвязь полномочий прокурора, следователя, руководителя следственного органа (научно-практический анализ) // Законодательство. 2012. № 5. С. 63.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, следователь, процессуальный статус, участники уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С НАЛОГОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Савилов Михаил Григорьевич,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2
e-mail: mikhail.smg@yandex.ru

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями.

По данным МВД России за 2015 год выросло количество преступлений экономической направленности. По статистике их рост составил 4 % [1].

Если говорить о налоговых преступлениях, то по данным Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина, «….. в 2013 году количество возбужденных уголовных дел о налоговых преступлениях возросло на 53 % по сравнению с 2012 годом. В 2014–2015 годах позитивная тенденция сохранилась. Увеличилось и соотношение объема уголовных дел, возбуждаемых по всему массиву материалов, направляемых налоговым органам. В первом полугодии 2014 г. это соотношение составило 29 %, что на 9 % больше, чем в прошлом году» [2].

Все это, наносит серьезный ущерб не только бюджетной системе страны, но и снижает конкурентоспособность предпринимательской деятельности и законопослушных налогоплательщиков.

В этой связи, с целью повышения эффективности борьбы с налоговой преступностью, особенно, с уклонением от уплаты налогов, следует еще раз обратиться к основным причинам и условиям, т. е. обстоятельствам, способствующим их совершению. Так как сами по себе, налоговые правонарушения не совершаются. Изучив и познав их природу можно разрабатывать и соответствующие профилактические мероприятия по их предупреждению.

Как отмечают специалисты в области налогового и финансового права, причинами возникновения налоговых правонарушений и преступлений всегда были и есть одни и те же, а если и менялись, то незначительно.

В частности, еще в 70-х годах XX века один из виднейших специалистов в области финансового права П. М. Годме, занимавшийся исследованиями данных причин, все их многообразие разделил на несколько условных групп: экономические, политические, технические и моральные [3].

Другие авторы дополняют данный перечень причинами правового и организационного, духовно-нравственного и иного характера. На наш взгляд, наибольший интерес из них представляют причины экономического, правового и морального характера. Не вдаваясь в глубокую характеристику данных исследований, отметим, что применительно к России сегодняшнего дня, они также актуальны и имеют место. В современных условиях изменилась лишь форма проявления этих причин. Остановимся на этом более подробно.

Причины налоговых правонарушение и преступлений экономического характера обусловлены самой налоговой системой российского государства, действием хотя и не очень высоких, но достаточно большим количеством различных налогов и сборов, которые должны платить как физические, так и юридические лица. Причем платить своевременно и полно. Суть причин в том, что, законодатель, вводя в 90-е годы такое количество налогов и сборов, исходил из сложившейся в стране экономической ситуации. Тогда действительно, значительная часть предприятий, да и физических лиц, занималась торгово-закупочной деятельностью и имела постоянный и достаточно высокий доход. Такие предприятия могли своевременно и полно платить налоги. Но были и другие предприятия, предприятия – производители, зачастую использовавшие устаревшее оборудование, не имеющие оборотных средств и не могущие реализовать свою продукцию из-за её неконкурентоспособности. Следствием этого являлась их неплатёжеспособность и невозможность уплаты налогов.

Данные причины имеют основополагающий характер, так как финансовое положение налогоплательщика в данной ситуации выступает определяющим фактором совершения налогового преступления.

Правовые причины. Несмотря на более чем двадцатилетний период формирования Российского налогового законодательства, оно еще очень далеко от совершенства! Оно слишком объёмно, его нормы распылены по большому количеству законодательных актов. Более того, в эти нормативные правовые акты постоянно вносятся изменения и дополнения, что приводит к нестабильности и сложности налогового законодательства. Данные причины совершения налоговых правонарушений и преступлений многие специалисты также относятся к числу определяющих [4].

Моральными причинами и условиями неуплаты налогов и сборов являются низкая правовая культура населения, неприязненное отношение к имеющейся налоговой системе и, не в последнюю очередь, корысть налогоплательщиков. Низкая правовая культура обусловлена историческим фактором – существование института налогового права, в более-менее цивилизованном виде, насчитывает в России около ста лет. За это время не смогла сформироваться в стране культура, подобная налоговой культуре западноевропейских государств, где история сбора налогов насчитывает много веков и передается из поколения в поколение.

Таким образом, на основании вышеизложенного, мы можем сказать, что причинами экономического, правового и морального характера совершения налоговых правонарушений и преступлений всегда были и есть одни и те же. Они не изменились, а если и изменились, то незначительно и только форма их проявления. Общая объективная суть их совершения остается неизменной – это стремление человека удовлетворить свои возрастающие, главным образом – материальные потребности, противозаконным способом.

Если обратиться к базисным отношениям, то это действительно так. По своему содержанию данная причина является чисто экономическим явлением и носит объективный характер, поскольку основывается на материальной и корыстной заинтересованности. До тех пор, пока человек будет видеть, что в результате, например, неуплаты налогов можно получить много, больше и сразу, он будет это делать. Это заложено в природе человека. Потребности людей никогда не могут быть удовлетворены полностью. Даже тогда, когда человек сыт, одет, обут, имеет крышу над головой, он хочет большего.

Во-первых**,** он стремится удовлетворять свои основные потребности на более высоком уровне: есть вкуснее, одеваться лучше, иметь жилище более удобное и просторное. Во-вторых, со временем у человека появляются новые более качественные потребности: в медицинском обслуживании, образовании, отдыхе, развлечениях и т. д. Ему хочется иметь более дорогой автомобиль, телевизор, собственный дом. А это и есть экономическая, т. е. объективная составляющая жизни человека. Поэтому причины и условия совершения налоговых преступлений нужно искать здесь. И бороться надо с ними, а не с последствиями!

В этой связи, наиболее общий подход к решению проблемы борьбы с налоговыми правонарушениями должен сводиться к тому, чтобы их совершение стало экономически невыгодной деятельностью. Именно это является главным. Именно проблемы экономического и социального характера для любого человека являются главными и их надо решать в первую очередь. Несколько перефразируя высказывание теоретика марксизма В. И. Ленина, можно сказать: не решив главный вопрос, мы все время будем натыкаться на частности.

Остановимся на этом несколько подробнее и еще раз отметим, что формирование у налогоплательщика мотива совершения налогового преступления является процессом объективным и порождается не только определенными причинами, но и условиями, которые зависят, в первую очередь, от уровня развития экономики, совершенства налоговой системы государства и общественной обстановки в стране. Это придает каждой причине свои особенности и специфику, которые зависят от конкретной ситуации.

В этой связи, необходимо коснуться сути самих налогов, так как по своей природе они являются не менее важной причиной совершения налоговых преступлений. Как известно, одной из важнейших их функций является фискальная, а экономико-правовое содержание налога заключается в легальном (основанном на законе), принудительном и обязательном изъятии части собственности граждан и предприятий в пользу государства.

В данной ситуации, складывается объективное и взаимное влияние причин и условий уклонения от налогообложения. Его суть в следующем. Желание налогоплательщика сэкономить на налогах и защитить свое имущество, капитал и доходы от любых посягательств (даже от тех, которые освящены законодательством) во многом зависит от политических, правовых и организационно-технических обстоятельств.

Причины уклонения от налогообложения также оказывают непосредственное воздействие на условия совершения налоговых правонарушений и преступлений. Так, например, предприниматели, действующие в теневой сфере, для снижения рисков ведения своего бизнеса вынуждены использовать незаконные услуги чиновников, вознаграждая их за «труд». А это порождает низкую эффективность функционирования системы государственной власти и, как следствие, политическую нестабильность, что, в свою очередь, опять же способствует формированию мотива уклонения от налогообложения. Получается замкнутый круг, не разорвав который государство из года в год будет нести все большие потери в связи с увеличением масштаба сокрытия налогов и сборов.

Следовательно, предупредить совершение налоговых правонарушений и преступлений можно воздействуя не только на причины, но и на условия. Во многих случаях воздействовать на условия, способствующие уклонению от налогообложения, и тем самым блокировать действие причин практически легче, чем устранить причины возникновения этого явления.

Таким образом, рост числа правонарушений, устойчивое повышение их общественной опасности свидетельствуют о неблагоприятных процессах в обществе. Напротив, объективно зафиксированное снижение числа правонарушений, ослабление в их структуре степени общественной опасности или вредности, как правило, служат достаточно надежным показателем укрепления экономических, политических и социальных институтов общества.

---

1. Кризис толкает на преступления // Газета.Ru. 2016. 23 янв.

2. Козлова Н. Вменяемый налог // Рос. газ. 2014. 24 сент.

3. Годме П. М. Финансовое право. М.: Изд. «Прогресс», 1978. С. 399–406.

4. Ефимичев П. С., Ефимичев С. П. Налоговые преступления и проблемы борьбы с ними // Журнал рос. права. 2008. № 8.

Ключевые слова: преступное деяние, налоги, преступления, преступления экономической направленности.

УДК 347.1

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКОМ ИСКЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Селютина Ольга Геннадьевна,
кандидат экономических наук,
преподаватель кафедры гражданско-правовых
и экономических дисциплин,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В данной статье рассматривается вопрос гражданского иска в уголовном процессе, отдельное внимание уделяется предмету и основанию гражданского иска в уголовном процессе.

Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту гражданских прав. В случае их нарушения гражданин или юридическое лицо может обратиться в суд с требованием о защите его прав, которые обычно рассматриваются в порядке гражданского производства. В тех случаях, когда гражданские права нарушены непосредственно преступными действиями, заявленный иск может быть предметом рассмотрения в порядке уголовного судопроизводства [1].

Гражданский иск в уголовном процессе – это требование физического или юридического лица о возмещении причиненного непосредственно преступлением имущественного вреда, или об имущественной компенсации морального вреда (ч. 1 ст. 44 УПК РФ) [2]. Этот иск не меняет своей природы и остается иском о присуждении.

Гражданский иск в уголовном деле, как и любой другой, имеет два элемента: 1) предмет; 2) основание.

Под предметом гражданского иска понимают обращенное к суду требование о возмещении имущественного или морального вреда, который имеет денежное выражение и обусловлен непосредственно совершением преступления [3].

О том, что предметом гражданского иска является требование только о возмещении имущественного или морального вреда, говорит ст. 44 УПК РФ. В то же время, ст. 42 УПК РФ предусматривает, что потерпевшему от преступления может быть причинен не только имущественный или мо-

ральный вред, но и вред физический, а в случае, если потерпевшим является юридическое лицо – то и вред его деловой репутации.

Под физическим вредом, о котором говорится в данной статье, понимается:

1) вред, причиненный жизни или здоровью гражданина – утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение (ст. 1085 ГК РФ);

2) вред, причиненный лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца (ст. 1088 ГК РФ) [4].

Известно, что преступлений, в результате которых причиняется вред жизни или здоровью гражданина совершается достаточно много. Однако, буквальное толкование ст. 44 УПК РФ не позволяет предъявлять и рассматривать такие иски в рамках производства по уголовному делу, поскольку ст. 44 УПК РФ ограничивает предмет гражданского иска в уголовном процессе только требованием о возмещении имущественного или морального вреда, причиненного непосредственно преступлением.

Подобное ограничение представляется не вполне обоснованным, что позволяет сделать предложение о внесении изменений в ст. 44 УПК РФ, изложив, ч. 1 данной статьи в следующей редакции: «Гражданским истцом является физическое лицо, предъявившее требование о возмещении физического или имущественного вреда или требование о компенсации морального вреда, а также юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении вреда, причиненного его имуществу и деловой репутации, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Решение о признании гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя».

На сегодняшний день, как уже было отмечено выше при рассмотрении уголовных дел суды, руководствуясь действующей редакцией ч. 1 ст. 44 УПК РФ, разрешают лишь требования о возмещении имущественного либо морального вреда, причиненного преступлением.

Согласно ч. 3 ст. 42 и ч. 1 ст. 44 УПК РФ потерпевшему и гражданскому истцу обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением [5].

Имущественный вред может быть определен как разность между материальным положением потерпевшего до и после преступления. Денежную оценку имущественного вреда называют убытками. Согласно ч. 1

ст. 15 ГК лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков. В соответствии с ч. 2 указанной статьи под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) [6].

В порядке уголовного судопроизводства подлежит возмещению только реальный ущерб, причиненный преступлением, т.е. прямые убытки, находящиеся в прямой причинной связи с противоправным деянием. Вопрос о возмещении косвенных убытков (включая упущенную выгоду) выносится за рамки уголовного судопроизводства и решается в порядке гражданского судопроизводства. Решение уголовного суда при этом будет иметь преюдициальное значение для установления фактов причинения вреда, вины причинителя и пр. (ст. 90 УПК РФ).

Относительно определения размера имущественного ущерба Верховный Суд РФ в своих решениях по конкретным уголовным делам указывает следующее:

- при возмещении собственнику ущерба, причиненного преступлением, следует исходить из стоимости похищенного на момент рассмотрения дела;

- в случае изменения цен размер подлежащего взысканию материального ущерба от преступления определяется исходя из цен, действующих на день принятия решения о его возмещении;

- действительный ущерб по состоянию на момент вынесения приговора должен определяться с учетом инфляционных процессов в экономике страны с учетом сводного индекса потребительских цен по данной территории [7].

Данные требования полностью согласуются с положениями п. 3 ст. 393 ГК РФ, согласно которому если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, при определении убытков принимаются во внимание цены, существовавшие в том месте, где обязательство должно было быть исполнено, в день добровольного удовлетворения должником требования кредитора, а если требование добровольно удовлетворено не было,- в день предъявления иска. Исходя из обстоятельств, суд может удовлетворить требование о возмещении убытков, принимая во внимание цены, существующие в день вынесения решения.

Потерпевший вправе требовать компенсации в денежном выражении причиненного ему морального вреда (ч. 4 ст. 42 УПК РФ) [5]. Аналогичное право предоставляется гражданскому истцу (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Правила исчисления и компенсации морального вреда предусмотрены также

ст. 1099–1101 ГК РФ, которые подлежат применению в рамках уголовного судопроизводства.

Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина [8].

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др. [8].

Лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе также предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, которая в соответствии с законом осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. При определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать: чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение, в какой сумме потерпевший оценивает компенсацию перенесенных нравственных или физических страданий и другие конкретные обстоятельства дела, влияющие на решение суда по предъявленному иску. Во всех случаях при определении размера компенсации вреда должны быть учтены требования справедливости и соразмерности [9].

Основание гражданского иска подразделяется на две составляющие: фактическую и юридическую.

Фактическое основание гражданского иска составляют юридические факты, с наличием которых закон связывает возникновение правоотношения между гражданским истцом и гражданским ответчиком.

Этими фактами являются:

а) преступное деяние;

б) наличие имущественного или морального вреда у истца;

в) наличие прямой (необходимой) причинной связи между преступлением и вредом.

Таким образом, возможность предъявления гражданского иска в уголовном деле не безгранична. Такой иск может быть предъявлен не только потому, что одно лицо причинило вред другому, а потому, что это лицо (причинитель вреда) обвиняется в совершении именно того преступления, которым непосредственно причинен этот вред и которое является предметом расследования и (или) судебного разбирательства. Если же лицо, обвиняемое в совершении преступления, действительно причинило вред, но не тем преступлением, которое является предметом расследуемого или рассматриваемого судом уголовного дела, к нему не может быть предъявлен иск в рамках данного уголовного дела [10].

Юридическим основанием гражданского иска являются нормы УПК РФ (ст. 42, 44, 54 и др.), а также нормы ГК РФ (ст. 15, 1099–1101 и др.) и иных актов, предусматривающие право гражданского истца на возмещение имущественного или морального вреда, причиненного ему непосредственно преступлением.

Особенности рассмотрения гражданского иска вместе с уголовным делом в известной мере обусловлены зависимостью от характера совершенного преступления. Связь иска с преступлением предопределяет ограничение состава сторон по спору о праве гражданском их отношением к совершенному преступлению и его последствиям. В то же время недооценка на практике значения связи гражданского иска в уголовном деле с преступлением, в котором обвиняется лицо, приводит к попыткам расширения круга субъектов уголовного процесса, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений в связи с иском. Тем самым необоснованно усложняется ведение производства по делу.

В уголовном процессе возможен и регрессный гражданский иск. Согласно ст. 1081 ГК лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т. п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Помимо случаев, указанных в ст. 1081 ГК, право на предъявление регрессного гражданского иска в уголовном деле возникает, например, у организации, оплатившей листок нетрудоспособности потерпевшему от преступных действий, которая вправе обратиться с регрессным гражданским иском о взыскании этой суммы с обвиняемого независимо от того, умышленно или по неосторожности им был причинен вред.

Таким образом, завершая анализировать правовую природу гражданского иска в уголовном процессе необходимо сделать вывод, отметив, что гражданский иск в уголовном процессе по своей природе является уголов-

но-процессуальным институтом. Поэтому установление оснований иска и, следовательно, оснований гражданско-правовой ответственности осуществляется по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом.

---

1. Бубчикова М. В. Гражданский иск в уголовном процессе // Рос. судья. 2015. № 9.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 1 марта 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

3. Рыжаков А. П. Уголовный процесс: учебник для вузов. Изд. 5-е, перераб. М., 2011. С. 98.

4. Гражданский кодекс Рос. Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс]: от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: ред. от 30 ноября 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 1 марта 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

6. Гражданский кодекс Рос. Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: ред. от 1 марта 2016 г. // Рос. газ. 1994. 8 дек. № 238–239.

7. Зорин А. И. Гражданский иск в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 24; Марфицин П. Г., Синенко С. А., Филиппов Д. В. Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела: монография. Омск: ОмА МВД России, 2013. С. 44–48.

8. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10: ред. от 6 февр. 2007 г. // Рос. газ. 1995. 8 февр. № 29.

9. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 апреля1996 г. № 1: ред. от 6 февраля 2007 г. // Рос. газ. 1996. 22 мая. № 95.

10. Божьев В. П. Гражданский иск в уголовном процессе // Законность. 2004. № 7. С. 20.

Ключевые слова: гражданский иск, гражданский истец, физический вред, имущественный вред, морального вреда, преступное деяние, прямая причинная связь между преступлением и вредом.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Тарнакоп Ольга Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Ростовский юридический институт МВД России
344015, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

В статье анализируются проблемы правовой регламентации участия руководителя следственного органа в уголовном процессе России.

Органы предварительного следствия в системе МВД России – это одно из ведущих подразделений в борьбе с преступностью, которое координирует усилия всех служб в раскрытии, расследовании преступлений и изобличении лиц, их совершивших. Результаты труда следователей подводят итог деятельности правоохранительных органов в решении стоящих перед ними задач по борьбе с преступностью.

Изменения, внесенные в последние годы в УПК РФ, определили принципиально новые условия деятельности следователей и руководителей следственных органов, что в целом сказалось положительно на качестве и результатах следственной работы в органах внутренних дел России.

Последние изменения уголовно-процессуального законодательства свидетельствуют о формировании новой следственной власти, которая имеет функцию производства объективного, полного и всестороннего предварительного расследования. В полномочиях руководителя следственного органа воплощается самостоятельность и независимость следственной власти, вертикаль которой подчинена непосредственно Президенту РФ.

Необходимо обратить внимание на ряд проблемных моментов относительно осуществления руководителем следственного органа своих полномочий.

Согласно федеральному закону от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ круг полномочий руководителя следственного органа существенно расширился, т.к. последний теперь выполняет некоторые функции, принадлежавшие ранее прокурору. Эти полномочия закреплены в ч. 1 ст. 39 УПК РФ, среди них имеются как новые, ранее не упоминавшиеся, так и полномочия, которыми руководитель следственного органа обладал и до вступления в силу вышеуказанного закона.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа уполномочен поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, а также изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указа-

нием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав либо принимать уголовное дело к своему производству.

Возникает вопрос: что понимать под поручением производства предварительного следствия нескольким следователям. Согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ решение о производстве предварительного следствия следственной группой, об изменении ее состава принимает только руководитель следственного органа. Под данным полномочием руководителя следственного органа необходимо понимать полномочие на создание следственной группы, поскольку это единственный коллективный субъект расследования, предусмотренный действующим законом.

В пределах руководимого им следственного органа руководитель следственного органа вправе изымать уголовное дело у любого подчиненного ему следователя, проверять материалы уголовного дела, находящегося в его производстве; передавать уголовное дело от одного следователя другому следователю, но с обязательным указанием оснований такой передачи. При этом руководитель следственного органа вправе разрешать споры о территориальной подследственности в пределах своей юрисдикции (ч. 5 ст. 152 УПК РФ). При передаче уголовного дела прокурором от одного органа предварительного расследования другому в соответствии со ст. 151 УПК РФ руководитель следственного органа обязан выполнить решение прокурора, а также выполнить его указания (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Однако закон не определил, с какой целью, когда и при наличии каких обстоятельств он реализует это право.

Момент передачи дела закон не связывает с каким-то определенным этапом производства расследования. Такая необходимость может возникнуть как в начале расследования, так и на более поздних его этапах. Это зависит от наличия обстоятельств, которые делают невозможным или нецелесообразным расследование дела данным следователем.

Руководитель следственного органа наделен правом возбудить уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ, принять уголовное дело к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя или руководителя следственной группы, предусмотренными УПК РФ. Более того, теперь, согласно пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, руководитель следственного органа может лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении, а также лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом указанного ходатайства (п. а ч. 6 ст. 1 ФЗ № 226-ФЗ).

Другим полномочием руководителя следственного органа, которое необходимо рассмотреть, является полномочие проверять материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), а также отменять по находящимся в

производстве подчиненного следственного органа уголовным делам незаконные или необоснованные постановления руководителя, следователя (дознавателя) другого органа предварительного расследования (п. 2.1 введен Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ).

Анализ ст. 39 УПК РФ показывает, что полномочия руководителя следственного органа сформулированы применительно к производству предварительного следствия. На практике же ему приходится проверять не только уголовные дела, но и первичные материалы о совершенном преступлении, в том числе материалы, по которым следователем отказано в возбуждении уголовного дела. К этому его обязывают требования, содержащиеся в нормативных актах МВД России.

В случае незаконности или необоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного следователем, руководитель следственного органа ранее был вправе лишь отменить это решение и направить материалы следователю для проведения дополнительной проверки. Вместе с тем на практике нередки случаи, когда обстоятельства требуют скорейшего возбуждения уголовного дела для закрепления следов преступления, проведения неотложных следственных действий.

В случае несогласия следователя с мнением руководителя следственного органа о необходимости возбуждения уголовного дела последний, не обладая полномочиями по возбуждению уголовного дела, не имел возможности в полной мере обеспечить законность при возбуждении уголовного дела. Обозначенная проблема осложняется и отсутствием у прокурора полномочий на возбуждение уголовного дела при проверке исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что руководитель следственного органа не имел надлежащих инструментов процессуального контроля за возбуждением уголовных дел и не мог в полной мере реализовать свои полномочия, предусмотренные ст. 39 УПК РФ.

Законодатель в Федеральном законе от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ установил срок рассмотрения руководителем следственного органа требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предвариельного следствия, а также письменных возражений следователя на указанные требования и сообщения прокурору об отмене незаконного или не обоснованного постановления следователя и устранения допущенных нарушений либо о несогласии с требованиями прокурора – не позднее 5 суток.

Другим полномочием руководителя следственного органа является полномочие давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняе-

мого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Закон наделяет руководителя следственного органа правом давать следователю указания по различным вопросам предварительного следствия, что является одним из основных правовых средств, с помощью которых он осуществляет процессуальное руководство деятельностью следователей.

Перечень содержащихся в законе вопросов, по которым руководитель следственного органа правомочен давать указания следователю, нельзя считать исчерпывающим, ибо в нем названы далеко не все указания, которые практически могут касаться самых различных вопросов предварительного следствия. Закон, например, наделяет руководителя следственного органа правом давать следователю указания о производстве предварительного следствия. Таким образом, он вправе поручить произвести проверку поступивших заявлений и сообщений для установления наличия оснований к возбуждению уголовного дела или обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии таких оснований. Он может также поручить следователю решить вопрос о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом; принять к производству возбужденное дело; произвести расследование по делу, поступившему из других следственных подразделений, в том числе вышестоящих. Такие указания могут быть даны также по возобновленному делу; по делу, возвращенному прокурором для дополнительного расследования.

В соответствии с законом руководитель следственного органа вправе давать следователю указания о производстве отдельных следственных действий. При этом закон не содержит перечня следственных действий, на которые могут распространяться указания руководителя следственного органа, имеющие обязательную силу. По смыслу закона (ст. 39 УПК РФ) он может дать следователю указания о производстве допросов, очных ставок, следственных экспериментов, опознаний, осмотров, освидетельствований, экспертиз и др.

Указание руководителя следственного органа дается в письменном виде и обязательно для исполнения следователем. В нем должно содержаться предписание принять дело к производству и приступить к дальнейшему расследованию. При необходимости даются указания о направлении следствия и выполнении тех или иных следственных действий. На практике эти требования иногда нарушаются, т. е. дела передаются от одного следователя другому без оформления, что приводит к отсутствию в деле процессуального документа, объясняющего замену следователя.

Дополнив часть 9 ст. 166 УПК РФ, законодатель разрешил следователю в случаях, не терпящих отлагательств, проводить следственное действие на основании собственного постановления о сохранении в тайне данных о личности участника следственного действия без получения со-

гласия руководителя следственного органа. Однако процессуальной свободы следователю данная поправка не добавляет, т.к. постановление следователя передается руководителю следственного органа для проверки его законности и обоснованности незамедлительно при появлении для этого реальной возможности (ч. 20 ст. 1 ФЗ от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ).

В пункте 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ теперь указано полномочие руководителя следственного органа давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения. Данное полномочие до внесения изменений в УПК РФ принадлежало прокурору.

Здесь необходимо отметить, что в соответствии со ст. 165 УПК РФ ходатайство о производстве следственного действия подлежит рассмотрению единолично судьей в судебном заседании, в котором вправе участвовать прокурор и следователь. Необходимо добавить, что руководитель следственного органа должен также дать указание следователю подготовиться к выступлению в суде и непосредственно участвовать при рассмотрении ходатайства следователя, т. к. чаще всего только сам следователь может полно обосновать свое ходатайство.

Руководитель следственного органа разрешает отводы, заявленные следователю, а также его самоотводы (п. 5 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Перечень оснований для отвода следователя, а также руководителя следственного органа, несмотря на то, что о нем прямо в законе не сказано, приведен в ст. 61 УПК РФ. Вопрос об отводе или самоотводе самого руководителя следственного органа разрешается вышестоящим руководителем. Руководитель следственного органа уполномочен отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ. Поскольку форма данного решения законом не предусмотрена, руководитель вправе сделать это в устной форме. Руководитель следственного органа вправе принять решение об отстранении следователя от ведения дела по представлению прокурора (ст. 28 Федерального закона «О прокуратуре РФ»), если следователь не устранил нарушения закона, что требовал прокурор в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Руководителю следственного органа от прокурора также перешли полномочия продлевать срок предварительного расследования (п. 8 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Так, в силу ч. 4 ст. 162 УПК РФ срок предварительного следствия, установленный ч. 1 этой же статьи и равный по общему правилу 2 месяцам, может быть продлен до 3 месяцев руководителем следственного органа по району, городу или приравненным к нему руководителем специализированного следственного органа, в том числе военного.

Дальнейшее продление сроков регламентировано ч. 5 ст. 162 УПК РФ. Данное нововведение можно оценить положительно, но при этом следует отметить, что при продлении сроков расследования руководитель

следственного органа должен тщательно проверять обоснованность продления. Еще одним новым полномочием руководителя следственного органа является полномочие утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Данное полномочие не совсем согласуется с другими нормами УПК РФ, т. к. нормы, регламентирующие порядок прекращения уголовных дел, требуют согласия руководителя следственного органа только в случаях прекращения дела в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием или в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия. По другим основаниям прекращения уголовного дела следователю не требуется согласия руководителя следственного органа.

Поэтому положение п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ о полномочии руководителя следственного органа утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу следует толковать в узком смысле, понимая под этим необходимость утверждения постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, указанным в ст. 25, 28, 427 УПК РФ.

Также в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа вправе возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования.

Согласно ч. 6 ст. 220 УПК РФ после подписания следователем обвинительного заключения уголовное дело направляется прокурору с согласия руководителя следственного органа. Следовательно, при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением руководитель следственного органа должен изучить уголовное дело и принять решение о даче согласия или об отказе в даче согласия на направление дела прокурору. Очевидно, что данное решение должно быть отражено в обвинительном заключении по аналогии с утверждением обвинительного заключения прокурором [1].

Таким образом, процессуальный контроль и руководство за деятельностью следователя по осуществлению расследования отныне сосредоточены главным образом у руководителя следственного органа.

---

1. Ефремова Е. А. О соотношении понятий «управление» и «организация» в деятельности органов предварительного расследования // Рос. следователь. 2011. № 16.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, участники уголовного судопроизводства, следователь, процессуальный контроль.

УДК 343.1

О ПРАКТИКЕ ВЫНЕСЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯМИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ОБ ОТМЕНЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Тингаева Наталия Викторовна,
старший преподаватель-методист учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям,
Нижегородская академия МВД России
603950, г. Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3

В статье проанализирована практика вынесения руководителями следственных органов постановлений об отмене постановлений о возбуждении уголовных дел. В статье анализируются примеры реализации принципов законности, обоснованности и мотивированности постановлений руководителей следственных органов, особенности применения уголовно-процессуального законодательства, даются рекомендации по его правильному применению.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» указано следующее: «необходимо постоянно улучшать качество составления судебных документов, в частности, решений и приговоров судов первой инстанции, приговоров и постановлений судов апелляционной инстанции, определений судов кассационной инстанции, определений и постановлений судов надзорной инстанции. Внимательность и аккуратность при изготовлении актов правосудия свидетельствуют об ответственном отношении судьи к своей работе, стремлении к надлежащему осуществлению своих должностных обязанностей. Судебные акты должны быть точными, понятными, убедительными и объективными по содержанию, не допускающими неясностей при исполнении. Немотивированные и неубедительные, небрежно составленные судебные акты, содержащие искажения имеющих значение для дела обстоятельств, порождают сомнения в объективности, справедливости и беспристрастности судей» [1].

Безусловно, эти положения актуальны и для постановлений, выносимых руководителями следственных органов (далее – РСО).

Практика вынесения РСО постановлений об отмене постановлений о возбуждении уголовных дел проанализирована нами в настоящей статье.

Руководство следственных органов высшего уровня требует от нижестоящих РСО обеспечивать разрешение каждого сообщения о совершенном или готовящемся преступлении в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства [2].

Один из способов реализации этой обязанности предусмотрен п. 2 ч. 1 ст. 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в соответствии с которой РСО уполномочен отменять незаконные или необоснованные постановления следователя; а также п. 7 ч. 1 ст. 39 УПК РФ – отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего РСО.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ РСО уполномочен давать следователю указания о направлении расследования, а также осуществлять на основании п. 12 ч. 1 ст. 39 УПК РФ иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Так, полагаем, что безусловным основанием для отмены постановления о возбуждении следователем уголовного дела № 185754 явилось нарушение требований ч. 2 ст. 140, ст. 146 УПК РФ, а именно: отсутствие в материалах проверки указанных в постановлении в качестве основания для возбуждения уголовного дела достаточных данных для принятия данного решения. В ходе доследственной проверки объяснение «фигуранта» Н. по фактам выдвинутых ему заявителями претензий о ненадлежащем исполнении им гражданско-правовых отношений не отбиралось; доводы Н., изложенные им в приобщенной копии претензии о невозможности исполнения договорных обязательств в силу объективных причин, надлежащим образом не исследованы, его доводы не опровергнуты. Каких-либо сведений, указывающих на наличие у него умысла на хищение денежных средств заявителей, материал проверки не содержит. Денежная сумма, якобы похищенная Н., указанная в постановлении о возбуждении уголовного дела как предмет преступного посягательства, эквивалентна крупному размеру имущества с точки зрения ч. 3 ст. 159 УК РФ, в то время, как постановление о возбуждении уголовного дела вынесено по ч. 2 ст. 159 УК РФ [3].

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 5 июля 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» утратила силу глава 57 «Перечень бланков процессуальных документов» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В этой связи Следственным комитетом при МВД России были подготовлены примерные образцы бланков основных процессуальных документов для следователей органов внутренних дел. В соответствии с письмом Следственного комитета при МВД России «О бланках процессуальных документов» (регистрационный номер от 1 сентября 2007 г. № 17/1-15948) указанные образцы носят рекомендательный характер [4].

При отсутствии необходимого образца бланка процессуальный документ составляется следователем либо РСО с соблюдением требований УПК РФ, регламентирующих осуществление соответствующего процессу-

ального действия либо принятие соответствующего процессуального решения.

Ч. 4 ст. 7 УПК РФ «предъявляет» следующие требования к постановлениям. Они должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Так, законность действий и решений в уголовном судопроизводстве означает их осуществление (принятие) в порядке, предусмотренном нормами УПК РФ.

По мнению П. А. Лупинской, законность выносимых в процессе решений определяется в целом следующим: решение должно быть вынесено компетентным лицом или органом своевременно; вынесению решения должны предшествовать проведенные в соответствии с законом процессуальные действия, с помощью которых установлены обстоятельства, определяющие принятие решения; при квалификации деяния, … должен быть правильно применен соответствующий закон; решение должно быть облечено в установленную законом процессуальную форму, содержать реквизиты этого правового акта» [5].

Под обоснованностью решения понимается подтверждение их фактами, доводами.

Решение признается обоснованным, когда в нем отражены имеющие значение для данного дела обстоятельства, подтвержденные проверенными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об относимости, допустимости и достаточности, общеизвестными обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также когда решение содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных обстоятельств [6].

В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановления следователя (а исходя из смысла ст. 39 УПК РФ, – и руководителя следственного органа) должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Аналогичной позиции придерживается Конституционный Суд Российской Федерации, который в постановлении от 29 июня 2004 г. указал, что все решения в уголовном процессе должны соответствовать требованию законности, обоснованности и мотивированности (ст. 7 УПК РФ) [7].

В описательной части постановления об отмене постановления о возбуждении уголовного дела руководитель должен указать статью УПК РФ, которой он руководствуется при принятии решения.

Так, П. А. Лупинская полагает, что законность решения предполагает его «нормативную обоснованность». Поэтому в обосновании должна содержаться ссылка на материальный и процессуальный законы [8].

С учетом обстоятельств и причин отмены постановления о возбуждении уголовного дела в соответствующем постановлении могут быть приведены следующие нормы: п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ (предоставляет право РСО отменять незаконные или необоснованные постановления следова-

теля); п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ (предоставляет право РСО давать следователю указания о направлении расследования); п. 7 ч. 1 ст. 39 УПК РФ (предоставляет право РСО отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего РСО); п. 12 ч. 1 ст. 39 УПК РФ (предоставляет право РСО осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ); ст. 140 УПК РФ (определяет повод и основания для возбуждения уголовного дела); чч. 1, 2 ст. 146 УПК РФ (определяет условия, при которых возбуждается уголовное дело, а также требования к постановлению о возбуждении уголовного дела); ст. 151 УПК РФ (правила подследственности по уголовным делам о преступлениях); ст. 152 УПК РФ (правила о месте производства предварительного следствия); ст. 24 УПК РФ (условия, при которых уголовное дело не может быть возбуждено) и т. д.

Полагаем, что ссылка в процессуальном документе на статью УПК РФ, не имеющую отношение к конкретному случаю отмены постановления следователя, влечет признание постановления РСО незаконным.

Так, РСО было вынесено постановление об отмене постановления о возбуждении по ч. 2 ст. 159 УК РФ уголовного дела № 54378. В описательной части постановления о возбуждении уголовного дела ошибочно сделана ссылка на ст. 37 УПК РФ, поскольку данная статья регламентирует полномочия прокурора, а не РСО. Данный факт влечет за собой признание постановления о возбуждении уголовного дела незаконным [9].

Другой пример. Постановление о возбуждении уголовного дела № 54379 отменено также на основании ст. 37 УПК РФ РСО. В то время как в описательной части постановления указывается, что «в действиях неустановленного лица не усматривается объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ». Таким образом, в процессуальных документах необходимо было указывать соответствующие пункты и части статьи 39 УПК РФ, а также статью 24 УПК РФ [10].

На постановлении РСО об отмене постановления следователя в обязательном порядке должна быть проставлена подпись. Такая неточность коренным образом влияет на судьбу всего процесса расследования, законность принятых решений, течение процессуальных сроков.

Для вывода о законности решения важное значение имеет указание в его вводной части места, времени, лица (или лиц), выносящего решение. Эти данные, а также подписи на решении свидетельствуют, что решение вынесено компетентным лицом или надлежащим органом. Отсутствие этих реквизитов в документе приводит в ряде случаев к признанию решения незаконным, подлежащим отмене [11].

Так, отсутствие подписи лица, возбудившего уголовное дело, на бланке постановления о возбуждении дела квалифицировано как проведение расследования без возбуждения данного дела и повлекло направление дела на новое расследование [12].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство (раздел II УПК РФ) определяет круг участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Это «прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, …».

Однако, некоторые РСО, так сказать «по старинке», именуют себя иначе, а не как это предусмотрено УПК РФ.

Например, постановление о возбуждении уголовного дела № 160360 отменено вышестоящим РСО. Так, в описательной и резолютивной части постановления об отмене постановления о возбуждении уголовного дела указано, что данное решение вынесено начальником следственного отдела Б., хотя процессуальный «статус» данного должностного лица как участника уголовного судопроизводства, в УПК РФ отсутствует. Данное обстоятельство влечет признание постановления о возбуждении уголовного дела незаконным, противоречащим разделу II УПК РФ [13].

Принимая решение об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, необходимо обосновывать его теми фактическими данными, которые получены до принятия соответствующего процессуального решения.

Приведем пример из следственной практики противоположного содержания. По уголовному делу № 228917 РСО вынесено постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела о мошенничестве. При этом решение мотивировано тем, какие следственные действия подтверждают отсутствие факта хищения денежных средств М. РСО указано, что доказательства факта хищения денежных средств в ходе расследования не получены.

Полагаем, что такое обоснование не допустимо для текста постановления об отмене постановления о возбуждении уголовного дела. Приведенная выше мотивировка по содержанию применима только для вынесения постановления о прекращении уголовного дела. Соответственно, постановление РСО об отмене постановления о возбуждении уголовного дела является незаконным [14].

Другой проанализированный нами пример, в котором нам видится мотивированными ненадлежащими для имевшей место ситуации фактами, – это вынесенное руководителем следственного органа постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела № 175184.

Отменяя постановление о возбуждении уголовного дела, руководитель следственного органа указал, что «проведенным по делу расследованием установлено, что Б. изготовил и сбыл кассовый чек и счет за проживание в гостинице «Ч.» …. Однако, ни кассовый чек, ни счет не являются платежными документами. Кассовый чек является первичным учетным документом. Чек – это документ, подтверждающий оплату товара и факт заключения договора розничной купли-продажи. Также кассовый чек подтверждает наличный расчет.

Указанное постановление РСО является незаконным. Приведенное в постановлении обоснование предполагает за собой вынесение постановления о прекращении уголовного дела.

Отмена незаконного постановления о возбуждении уголовного дела должна быть обоснована фактами, установленными и не принятыми во внимание уже на стадии принятия решения в порядке ст. 144–146 УПК РФ либо нарушением порядка возбуждения уголовного дела [15].

Зачастую постановления о возбуждении уголовных дел выносятся формально. Их содержание противоречит требованию ч. 4 ст. 7 УПК РФ (о законности, мотивированности и обоснованности постановлений).

Так, РСО отменено постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела о хищении путем мошенничества, совершенного в отношении имущества, принадлежащего ООО «К.». Уголовное дело возбуждено следователем в тот же день, когда отменено постановление о возбуждении уголовного дела, в связи с чем номер уголовному делу присвоен не был. В описательной части указана следующая причина отмены постановления о возбуждении уголовного дела: «Данное постановление вынесено преждевременно, так как необходимо выполнить указания в полном объеме».

Указанное постановление является необоснованным и незаконным. Хотя основания для отмены имелись следующие: в описательной части указано, что преступление совершено руководством ООО «Э.», а в резолютивной части указано, что уголовное дело возбуждено по факту, а не в отношении конкретного лица. Кроме того, в постановлении не указаны дата и место совершения преступления; сумма причиненного ущерба, хотя уголовное дело возбуждено по ч. 2 ст. 171 УК РФ.

Понятия «законность» и «обоснованность» процессуального решения не являются тождественными, поэтому их нельзя «смешивать». Однако, данное обстоятельство при вынесении постановления об отмене постановления о возбуждении уголовного дела № 258721 РСО принято во внимание не было.

Так, сначала указано, что постановление о возбуждении уголовного дела по ч. 3 ст. 159 УК РФ является «преждевременным и необоснованным, поскольку материал проверки собран не в полном объеме, не установлено достаточных данных, указывающих на признаки преступления», а затем акцентируется внимание на то, что «… в материале проверки отсутствуют достаточные данные, указывающие на признаки состава преступления, предусмотренные ст. 159 ч. 3 УК РФ, а именно, отсутствуют данные, указывающие на наличие умысла на хищение денежных средств М. путем обмана, т.к. сама П. заявляет о том, что М. не отказывается выполнить оплаченные работы. При наличии таких обстоятельств имеет место невыполнение договорных отношений, а не хищение денежных средств путем обмана. Учитывая вышеизложенное, постановление следователя К.

о возбуждении уголовного дела № 258721 по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 159 ч. 3 УК РФ, вынесено незаконно и преждевременно и подлежит отмене».

Изложенные в настоящей статье примеры следственной практики свидетельствуют о реализации РСО предоставленных УПК РФ полномочий по отмене постановлений следователей о возбуждении уголовных дел, и, безусловно, нуждаются в дальнейшем исследовании, поскольку отсутствует единообразное применение уголовно-процессуального закона.

---

1. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 мая 2007 г. № 27 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2005. № 7. С. 18.

2. Об усилении процессуального и ведомственного контроля: Указание Следственного комитета при МВД России от 23 августа 2007 г. № 17/1-15453.

3. Обзор Главного следственного управления при ГУВД по Нижегородской области от 17 марта 2010 г. № 11/1129 // Архив Главного следственного управления ГУ МВД России по Нижегородской области. 2015.

4. О бланках процессуальных документов: письмо Следственного комитета при МВД России от 1 сентября 2007 г. № 17/1-1594 // Архив Главного следственного управления ГУ МВД России по Нижегородской области. 2015.

5. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 218.

6. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 218.

7. Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 июля 2004 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 27, ст. 2804.

8. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 216.

9. Обзор Главного следственного управления при ГУВД по Нижегородской области от 17 марта 2010 г. № 11/1129 // Архив Главного следственного управления ГУ МВД России по Нижегородской области. 2015.

10. Обзор Главного следственного управления при ГУВД по Нижегородской области от 17 марта 2010 г. № 11/1129 // Архив Главного следственного управления ГУ МВД России по Нижегородской области. 2015.

11. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. С. 216.

12. Постановление Президиума Верховного Суда республики в составе России по делу Б. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 1992. № 4. С. 13.

13. Обзор Главного следственного управления при ГУВД по Нижегородской области от 17 марта 2010 г. № 11/1129 // Архив Главного следственного управления ГУ МВД России по Нижегородской области. 2015.

14. Обзор Главного следственного управления при ГУВД по Нижегородской области от 17 марта 2010 г. № 11/1129 // Архив Главного следственного управления ГУ МВД России по Нижегородской области. 2015.

15. Обзор Главного следственного управления при ГУВД по Нижегородской области от 17 марта 2010 г. № 11/1129 // Архив Главного следственного управления ГУ МВД России по Нижегородской области. 2015.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

УДК 343.13.131

О РОЛИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Федорова Ирина Андреевна,
адъюнкт,
Уральский юридический институт МВД России
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

В статье рассматривается вопрос о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе, а также предлагаются некоторые пути ее совершенствования.

Стадия возбуждения уголовного дела является первоначальной стадией отечественного уголовного процесса и самым противоречивым его институтом. Значительные изменения стадия возбуждения уголовного дела претерпела в марте 2013 года, законодатель попытался решить проблему проверочных действий путем их увеличения. Такое положение в законе позволяет утверждать, что законодатель не имеет ясного представления о месте самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе. И, как следствие, не придает должного значения познавательной деятельности при проверке сообщений о преступлениях.

История развития уголовного судопроизводства в России свидетельствует о постепенном выделении и обособлении стадии возбуждения уго-

ловного дела в целях законного и обоснованного начала производства по уголовному делу. Но на протяжении более чем полувека среди ученых не утихают споры о целесообразности сохранения автономного положения стадии возбуждения уголовного дела.

Вплоть до конца 60-х годов XX века, в теории уголовного процесса возбуждение уголовного дела как самостоятельная стадия уголовного процесса не рассматривалась, многие ученые полагали, что возбуждение уголовного дела является начальным этапом предварительного расследования [1, с. 123–125].

В настоящее время, в условиях состязательного уголовного судопроизводства, при котором полномочие по возбуждению уголовного дела отнесено к функции обвинения, вопрос соответствия термина «возбуждение уголовного дела» понятию стадия и наличия данной стадии в уголовном процессе приобрел особую актуальность и требует дополнительного теоретического осмысления. Анализ юридической литературы свидетельствует о том, что значительное количество ученых считают возбуждение уголовного дела самостоятельной стадией уголовного процесса. Однако на страницах научных изданий активно обсуждается вопрос о перспективах существования рассматриваемого этапа как отдельной стадии процесса, мнения, в основном, сводится к двум позициям: упразднение стадии и сохранение автономного положения стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе.

Так, Б. Я. Гаврилов полагает, что современное уголовно-процессуальное законодательство и порядок начала производства по уголовному делу должны быть принципиально изменены с исключением из УПК РФ норм о возбуждении и отказе в возбуждении уголовного дела [2, с. 18]. По мнению С. И. Гирько, производство по делу необходимо возбуждать подачей заявления о фактических событиях, содержащих противоправность [3, с. 16].

Точка зрения сторонников второй позиции основана на признании того, что первоначальная стадия досудебного производства должна остаться в российском уголовном процессе, поскольку она приводит в движение механизм уголовного процесса, создавая правовую основу для выполнения процессуальных действий, направленных на установление события преступления, изобличения лиц, виновных в его совершении, является гарантией защиты прав личности и своеобразным рубежом, отделяющим граждан от сферы применения мер уголовно-процессуального принуждения [4, с. 38–40].

По нашему мнению, этап проверки сообщений о преступлениях нужно сохранить в качестве самостоятельной стадии современного отечественного уголовного процесса, но ее законодательная регламентация требует значительных доработок и изменений.

Во-первых, изменения законодательного регулирования первоначального этапа расследования должны касаться производства проверочных и иных действий следователя (дознавателя), а также действий остальных участников. Мы предлагаем ввести в УПК РФ общие условия возбуждения уголовного дела, которые бы включали в себя: определение целей и задач рассматриваемой стадии, определение и регламентацию процессуального статуса каждого участника, закрепление гарантий, реально обеспечивающих осуществление прав личности. В качестве цели стадии возбуждения уголовного дела предлагается закрепить – выяснение наличия в исследуемом деянии признаков преступления, так как удовлетворение именно этого тезиса определяет дальнейшую судьбу принятого сообщения либо возбуждается уголовное дело и начинается расследование, либо выносится отказ в возбуждении уголовного дела.

В связи с тем, что стадия возбуждения уголовного дела позволяет критически проверить сообщение о преступлении, что способствует возникновению уголовного дела лишь в том случае, когда преступление действительно имело место; создать условия для деятельности органов уголовного преследования без применения мер процессуального принуждения; сохранить в неприкосновенности конституционные права и свободы личности, вовлеченной в этот этап уголовно-процессуальной деятельности; путем вынесения специального решения о возбуждении уголовного дела четко определить начальный момент предварительного расследования, после которого уголовно-процессуальная деятельность приобретает качественно иной – принудительный характер. В качестве ее задач можно выделить:

своевременное принятие и оформление сообщения о преступлении;

проверка поступившей информации для выяснения наличия признаков преступления;

первоначальное закрепление следов преступления;

вынесение законного и обоснованного решения по результатам проверки.

Необходимость следовать четко определенным цели и задачам оградит правоохранительные органы от ошибок при производстве проверочных действий на первоначальном этапе расследования. Что в свою очередь не позволит подменить деятельность по проверке сообщения о преступлении предварительным расследованием и не нарушит права и законные интересы личности вовлеченной в уголовный процесс мерами принуждения [5, с. 228].

Во-вторых, необходимо создать законодательные гарантии обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса на этапе доследственной проверки. Для этого, прежде всего, требуется детально регламентировать и закрепить в УПК РФ процессуальный статус участников стадии возбуждения уголовного дела, поскольку уголовного дела еще

нет, то в этой стадии нет потерпевших, подозреваемых, свидетелей, и других полноправных участников уголовного судопроизводства. Но фактически они фигурируют в стадии возбуждения дела и именуются в законе как заявители, лицо, в отношении которого проводиться проверка сообщения о преступлении, очевидцы, однако развернутого процессуального положения этих субъектов УПК РФ не содержит. Внесенные 4 марта 2013 года изменения в УПК РФ впервые закрепили продиктованные Конституцией РФ права участников указанной стадии не свидетельствовать против себя самого, своего супруга (супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия и решения правоохранительных органов.

Хотя еще в 2000 году в Постановлении Конституционного Суда от 27 июня «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» прямо говорилось о том, что юридическая помощь адвоката «должна быть предоставлена каждому лицу, в том числе в рамках уголовного преследования в любых его формах» [6, п. 16], но законодательное закрепление в УПК РФ данная норма получила только через 13 лет. В развитии новшества – права на адвокатскую помощь в УПК РФ появилась новая норма о защитнике в стадии возбуждения уголовного дела, что означает косвенное признание законодателем наличие на этом этапе производства уголовного преследования и уголовно преследуемого лица, именуемого в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ – лицо, в отношении которого проводиться проверка сообщения о преступлении. Наделив уголовно преследуемое лицо некоторыми правомочиями в стадии возбуждения уголовного дела, законодатель не довел до конца его процессуальный статус, фактически не закрепив его в УПК РФ, что нередко ограничивает права и законные интересы участвующих в производстве лиц.

Для создания гарантий обеспечения прав и законных интересов личности вовлеченной в уголовный процесс в УПК РФ необходимо конкретно закрепить перечень участников стадии возбуждения уголовного дела, их права и обязанности, а также, что не маловажно, необходимо установить ответственность лиц участвующих на этапе проверки сообщения о преступлении.

Законодательное закрепление указанных позиций в свою очередь позволит упорядочить проведение проверочных действий и получения доказательств на первоначальном этапе расследования, а также обеспечит защиту прав и законных интересов граждан, вовлеченных в процессуальную деятельность.

Исходя из изложенного, представляется, что в настоящее время стадия возбуждения уголовного дела должна быть сохранена в досудебном производстве. Она выступает гарантом стабильного функционирования уголовно-процессуальной системы в целом и уголовно-процессуального

механизма рассмотрения сообщений о преступлении, которые обеспечивают быстрое реагирование на информацию, содержащую данные о признаках преступления, обязательность ее приема, регистрации и проверки, принятие законного и обоснованного решения, соблюдение конституционно-гарантированных прав и свобод граждан.

1. Полянский Н. Н. Очерк развития советского уголовного процесса. М., 1960.

2. Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Рос. следователь. 2010. № 15.

3. Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Рос. следователь. 2010. № 15.

4. Дикарев И. С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // Рос. юстиция. 2011. № 11.

5. Семенов Е. А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 томах. Иркутск, 2015. С. 228–231.

6. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: Постановление Конституционного Суда от 27 июня 2000 г. № 11-П.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, стадия, процессуальный статус, дискуссия.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ (НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ 151.1 УК РФ)

Шайдуллина Эльвира Дамировна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Казанский юридический институт МВД России
420059, Казань, ул. Оренбургский тракт

В настоящей статье рассмотрены спорные вопросы, связанные с применением административной преюдиции в уголовном законе России, на примере розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним,

проведен их анализ на основании действующего законодательства, зарубежного опыта и взглядов теоретиков и практиков по рассматриваемому аспекту.

В условиях современной либерализации уголовного законодательства ряд его норм предусматривают ответственность за повторное совершение фактически административного правонарушения. Рассмотрим данный аспект на примере розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним.

Согласно действующим УК РФ и КоАП РФ отграничение уголовной ответственности от административной за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним (ст. 151.1 УК РФ), осуществляется по признаку неоднократности. Проведенный анализ привел к выводу, что налицо применение законодателем института административной преюдиции.

Поскольку законодатель определение данной дефиниции в УК РФ не сформулировал, хотя потребность в нем вытекает из вероятности развития такого способа уголовно-правового регулирования, за разъяснением ее содержания целесообразно обратиться к современному уголовному законодательству стран СНГ.

Например, белорусский законодатель подошел к решению рассматриваемого вопроса более обстоятельно – одновременно с включением в Особенную часть уголовного закона норм с административной преюдицией дополнил Общую часть ст. 32 УК РК, в которой предусмотрел возможность посредством административной преюдиции криминализировать не только правонарушения, но и дисциплинарные проступки [1].

Таким образом, сущность административной преюдиции состоит в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое (первые) из них административной ответственности юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия.

В настоящее время существует много позиций «за» и «против» возможности применения уголовной ответственности к лицам, повторно совершающим фактически административные правонарушения.

С одной стороны, конструируя составы с административной преюдицией, законодатель тем самым предупреждает и административные деликты, и смежные с ними уголовно наказуемые деяния. Административное наказание рассматривается в данном случае как правовое средство борьбы не только с административными правонарушениями, но и с преступлениями. Так, лицо, совершившее административное нарушение и подвергнутое за это административно-правовому воздействию, тем самым предупреждается о возможном его привлечении к уголовной ответственности в случае совершения им еще одного такого же нарушения. Если принятые административно-правовые меры оказались безрезультатными,

виновное лицо привлекается к уголовной ответственности. Последняя же обладает более высоким предупредительным потенциалом в отношении и преступлений, и смежных с ними административных правонарушений [2].

В то же время административная преюдиция не во всем согласуется с правовыми принципами справедливости, законности, равенства граждан перед законом и вины, закрепленными в Общей части УК РФ. Кроме того, между преступлениями и проступками не количественное, а качественное различие. Поэтому количество проступков неспособно перерасти в качество преступления [3].

Соглашаясь с последней позицией, полагаем, что состав преступления, предусмотренный статьей 151.1 УК РФ, должен быть разграничен со схожими правонарушениями, предусмотренными статьей 14.16 КоАП РФ соответственно, не признаком неоднократности, как проявлением административной преюдиции, а признаком извлечения дохода либо причинения ущерба в крупном или особо крупном размере. Следовательно, в статью 151.1 УК РФ целесообразно включить признак в виде извлечения дохода в крупном размере, исключив, при этом, признак неоднократности, а в примечании к статье указать сумму крупного размера.

---

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З.

2. Например: Иванов А. В. Перспективы применения административной преюдиции в рамках уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков // Наркоконтроль. 2012. № 1. С. 28–31.

3. Например: Жариков Ю. С. Обеспечение законности уголовно-правового регулирования посредством норм с административной преюдицией // Рос. следователь. 2012. № 22. С. 14–17.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовный закон, розничная продажа алкогольной продукции, несовершеннолетние, преступление, административное правонарушение.

УДК 343.1

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК СТАДИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УПК РФ И УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Юнусов Даврон Бобозодаевич,
курсант 302 учебной группы,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Научный руководитель: Гришин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В настоящей статье рассмотрены отдельные вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела, и проведен сравнительно правовой анализ УПК РФ и УПК Республики Таджикистан.

Реформа современного уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан – одно из приоритетных направлений судебной реформы. В ходе ее проведения принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан [1] (далее – УПК РТ). От его законодательного регулирования и применения на практике зависит развитие уголовного судопроизводства в Таджикистане.

Стадией уголовного процесса, определяющей наличие или отсутствие признаков преступления, традиционно признается стадия возбуждения уголовного дела. Суть ее заключается в том, что прокурор, следователь, должностные лица органа дознания обязаны принять определенные процессуальные решения. Причем, для принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении данные органы руководствуются наличием повода и основания к возбуждению уголовного дела. Их четкое определение, выяснение их объема и закрепление в законе является актуальной задачей науки уголовно-процессуального права.

Своевременное возбуждение уголовного дела способствует успешному его расследованию, тем более, когда оно совершается по горячим следам. И, напротив, запоздалое реагирование на сигнал о совершенном или готовящемся преступлении может привести к утрате доказательств и поэтому серьезно затруднить расследование либо обречь его на неудачу.

Успешное решение поставленных перед досудебным производством задач в значительной мере зависит от пределов полномочий органов предварительного расследования и предоставленных им правовых средств, к

числу последних, главным образом, относится производство процессуальных действий различного характера.

Как подчеркнул Генпрокурор Таджикистана Р. Ю. Ахмадзода, «на стадии предварительного следствия, начиная от возбуждения уголовного дела и до окончания следствия и принятия окончательного решения, не допускаются нарушения норм законов. … каждое уголовное должно быть возбуждено в соответствии с нормами закона и предварительное следствие вестись согласно нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства» [2]. Здесь же следует отметить высказывание Генерального прокурора республики, который высказался, что главный принцип правосудия – «все равны перед законом» [3].

УПК Республики Таджикистан 2009 г. особо подчеркивает, что только суд правомочен признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание (ч. 1 ст. 35 УПК РТ). Большинство уголовных дел до суда проходят стадию предварительного расследования, материалы которого, как и выводы должностных лиц, ответственных за его проведение, имеют для суда лишь предварительное значение.

Таким образом, изучение проблем уголовно-процессуальной регламентации фиксации хода и результатов процессуальных действий по установлению фактических данных в уголовном процессе на стадии возбуждения уголовного дела также представляет особый практический интерес с точки зрения оценки допустимости доказательств, полученных при их производстве.

На современном этапе борьбы с преступностью актуализировалась задача расширения перечня процессуальных средств, используемых для выявления и расследования преступлений. В условиях действия новой редакции уголовно-процессуального закона Таджикистана несомненна важность исследования процедур реализации органами предварительного расследования недавно закрепленных полномочий по установлению основания возбуждения уголовного дела в случаях производства по их требованиям специальных исследований предметов, документов и трупов, направления поручений органу дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий. На современном этапе вопросы возбуждения уголовного дела разрабатываются в трудах российских учёных О. Я. Баева, В. С. Джатиева, З. Д. Еникеева, Н. Н. Ковтуна, А. Б. Соловьева, С. А. Шейфера, С. П. Щербы и других ученых. Некоторые направления уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела частично рассматривались в исследованиях учёных РТ: З. Х. Искандарова, А. А. Мухиддинова и др. Между тем, следует отметить, что комплексные исследования данной проблематики на монографическом и диссертационном уровне в контексте правового исследования УПК РТ в Таджикистане еще до настоящего времени не проводились.

При написании научной статьи были проанализированы следующие документы и источники: Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан, Сборник постановлений Пленума Верховного суда Республики Таджикистан, материалы и труды как отечественных (Республика Таджикистан), так и российских юристов, в том числе: Мухитдинов А. А. «Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан) [5]; он же: в соавторстве «К вопросу о производстве экспертизы до возбуждения уголовного дела» [6]; он же: «Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан)» [7]; Мухиддинов А. А., Косимов О. А. «К вопросу о производстве экспертизы до возбуждения уголовного дела» [8]; Саидзода З., Сабуров А. «Таджикистан на рубеже тысячелетий: реализация национальных интересов на международной арене» [9]; Кудинов Л. Д. «О необходимости уточнения оснований возбуждения и условий приостановления уголовных дел» [10]; Кругликов Л. Л., Кузнецова Н. Ф. «Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии» [4]; Михайленко А. Р. [11] «Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе» и др., а также материалы Интернет-ресурсов.

В рамках научной статьи мы рассмотрим аспекты: рассмотрение сообщений о преступлениях; поводы и основание для возбуждения уголовного дела; понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела.

Рассмотрение сообщений о преступлениях как начальный этап стадии возбуждения уголовного дела.

Рассмотрение сообщений о преступлениях составляет содержание стадии возбуждения дела и включает в себя прием, регистрацию, проверку первичной информации и принятие по ней решения (ч. 1 ст. 144 УПК РТ).

Прием и регистрация сообщений о преступлениях осуществляется в правоохранительных органах, чаще всего – в дежурной части отделения ОВД. Должностные лица обязаны принять сообщение вне зависимости от вида преступления, места и времени его совершения, полноты информации. Прием сообщения о преступлении сопровождается его соответствующей регистрацией (в книге учета сообщений о происшествиях в органах внутренних дел и аналогичных книгах в других органах предварительного расследования). Порядок регистрации устанавливается ведомственными инструкциями.

При личном присутствии заявителя ему выдается документ о принятии сообщения о преступлении (талон-уведомление) с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия. Отказ в приеме сообщения может быть обжалован руководителю следственного органа, прокурору или в суд.

Проверка сообщения о преступлении заключается в проведении проверочных действий – собирании дополнительных доказательств, подтверждающих или опровергающих первоначальную информацию о преступле-

нии и необходимых для принятия решения. Проверочные действия предпринимаются при условии, что в поводе недостаточно данных, указывающих на признаки преступления. В противном случае решение по поступившему сообщению принимается на основе прилагаемых к нему материалов.

Средствами проверки являются, как правило, непринудительные способы собирания доказательств: истребование и принятие представленных предметов и документов (ст. 188 УПК РТ). В числе таких действий могут быть получены объяснения от очевидцев и заявителя; образцы для сравнительного исследования, справки; направлены требования о проведении ревизий, документальных проверок, инвентаризаций; поручены иные исследования специалистам; даны письменные поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Проведение таких действий предусматривается ч. 4 ст. 21, ст. 141 УПК РТ.

Редакция средства массовой информации обязана по запросу органов уголовного преследования передать им имеющиеся в ее распоряжении материалы о преступлении (ч. 4 ст. 21 УПК). При этом редакция имеет право не сообщать данные о лице, предоставившем информацию, если это лицо поставило условие неразглашения своего имени.

По общему правилу производство следственных действий (как обладающих принудительным характером) до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела не допускается, кроме осмотров места происшествия, предметов и документов, трупов (ч. 2 ст. 176), освидетельствования и производства судебной экспертизы (ч. 1 ст. 144). Однако если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению.

Срок процессуальной проверки сообщений о преступлениях составляет 3 суток со дня приема сообщения о преступлении. Этот срок может быть продлен до 10 суток по ходатайству следователя или дознавателя соответственно руководителем следственного органа или начальником органа дознания, а при необходимости проведения документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также оперативно-розыскных мероприятий этот срок может быть продлен до 30 суток прокурором по ходатайству дознавателя или руководителем следственного органа по ходатайству следователя. Если по истечении срока проверки все еще осталось неясным, имеются ли основания для возбуждения или же для отказа в возбуждении дела, то – исходя из публично-правовой обязанности осуществления уголовного преследования (ч. 2 ст. 21 УПК) – должно быть принято решение о возбуждении дела (как основанное на вероятных данных и подлежащее дальнейшей проверке) [1].

Проверка сообщений о преступлениях завершается вынесением постановления:

– о возбуждении уголовного дела;
– об отказе в возбуждении уголовного дела;
– о передаче сообщения по подследственности или подсудности.

О любом из трех принятых решений ставятся в известность заявитель и другие заинтересованные лица. Решение о возбуждении уголовного дела по факту не подлежит обжалованию в суд [1].

Поводы и основание для возбуждения уголовного дела.

Повод для возбуждения уголовного дела – это сообщение о преступлении, полученное из предусмотренного процессуальным законом источника, прием которого обязывает органы расследования (а по делам частного обвинения – судью) приступить к процессуальной деятельности. Сообщение о преступлении как повод должно иметь соответствующую форму, в том числе быть удостоверено автором.

Законом предусмотрено четыре повода для возбуждения дела.

1) Заявление о преступлении – это обращенное к правоохранительным органам или суду официальное сообщение о преступлении, удостоверенное определенным лицом (физическим, юридическим или должностным). При этом заявитель, во-первых, сам не считает себя причастным к совершению этого преступления, а во-вторых, не является сотрудником правоохранительных органов, который бы действовал в порядке исполнения служебных полномочий.

Заявление может быть письменным или устным. Письменное заявление подписывается заявителем. Анонимные сообщения не являются поводом для возбуждения дела, но могут быть проверены оперативно-розыскными средствами. Устное заявление оформляется протоколом. Заявителю разъясняется уголовная ответственность за заведомо ложный донос.

2) Явка с повинной – это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. Явка с повинной является не только поводом для возбуждения дела, но и смягчающим вину обстоятельством. Явка с повинной оформляется так же, как и заявление: протоколом или письменным заявлением.

3) Рапорт об обнаружении признаков преступления – это официальное письменное сообщение должностного лица правоохранительного органа об обнаружении им признаков преступления из иных источников (кроме заявлений и явок с повинной). В качестве источников информации выступают первоначальные сообщения (полученные по телефону, опубликованные в печати) или непосредственное обнаружение признаков преступления самим лицом, составившим рапорт.

4) Постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Прокурор может составить данное постановление в результате осуществления общего надзора за соблюдением законности или рассмотрения обращения граждан (ст. 12 «Рассмотрение обращений» Конституци-

онного закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан».

Для возбуждения уголовного дела кроме повода необходимо основание – наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РТ). Обычно это вероятные данные о преступном деянии (объекте и объективной стороне состава преступления), которые содержатся в самом поводе для возбуждения дела и материалах его проверки.

Уголовное дело может возбуждаться либо по факту, либо в отношении конкретного подозреваемого. В последнем случае основанием являются достаточные данные, указывающие на совершения преступного деяния данным лицом.

Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела

Досудебное уголовное судопроизводство Таджикистана включает в себя две стадии: возбуждение уголовного дела и предварительное расследование преступлений (уголовных дел).

Возбуждение уголовного дела – начальная стадия уголовного процесса. В этой стадии полномочные органы государства и должностные лица, получив сведения о совершенном или готовящемся преступлении, устанавливают наличие или отсутствие оснований для производства по уголовному делу и принимают решение о возбуждении уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела – обязательная стадия уголовного процесса. В этой стадии подлежат выяснению как обстоятельства, влекущие за собой возбуждение уголовного дела, так и исключающие производство по делу, то есть отказ в нем. Принимаются также меры к предупреждению или пресечению преступления, а равно к закреплению следов преступления. Закон требует, чтобы по каждому заявлению или сообщению было принято решение либо о возбуждении, либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Поэтому возбуждение уголовного дела, есть, предусмотренный законом способ реагирования суда, прокурора, следователя, органов дознания на ставшее им известным событие, как на преступление, которое необходимо установить, а лицо его совершившее подвергнуть наказанию.

Своевременное возбуждение уголовного дела способствует успешному его расследованию, тем более, когда оно совершается по горячим следам. И, напротив, запоздалое реагирование на сигнал о совершенном или готовящемся преступлении может привести к утрате доказательств и поэтому серьезно затруднить расследование либо обречь его на неудачу.

До возбуждения уголовного дела не могут совершаться следственные действия, кроме осмотра места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства (ст. 171 УПК РТ).

Данное требование обусловлено тем, что производство следствия сопряжено с возможностью применения мер уголовно-процессуального при-

нуждения, существенно ущемляющих и ограничивающих конституционные права и свободы лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Граждане вызываются на допросы, причем в случае уклонения они могут быть подвергнуты приводу, производятся обыски, выемки, освидетельствования, осуществляются и другие меры, связанные с вторжением в личную жизнь граждан, и, притом не только обвиняемых, но также и других лиц. Допустимо и оправдано такое ограничение прав человека лишь при определённых обстоятельствах, к которым относится защита гражданина, общества от преступных посягательств [4].

Таким образом, **стадия возбуждения уголовного дела** – это предназначенная для установления признаков преступления или обстоятельств, исключающих производство по делу, уголовно-процессуальная деятельность специально уполномоченных субъектов по приему, регистрации и проверке информации о преступлениях, завершающаяся решением о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом. Сущность стадии возбуждения уголовного дела состоит в том, что на ней принимается решение о начале принудительной процессуальной деятельности, результаты которой будут служить материалом для судебного разбирательства.

Непосредственными задачами стадии возбуждения дела служат установление признаков преступления или обстоятельств, исключающих производство по делу (оснований для отказа в возбуждении дела – ст. 27 УПК РТ). Содержание данной стадии состоит в процессуальной деятельности органа дознания, дознавателя, следователя (а в некоторых случаях прокурора и суда) по рассмотрению первичной информации о преступлениях (ее приему, регистрации, проверке и принятию решения). Кроме того, на стадии возбуждения дела могут участвовать заявитель, явившиеся с повинной лицо, специалист, эксперт, понятой, лицо, дающее объяснение, адвокат.

Процессуальная деятельность начинается с появления повода для возбуждения дела – сообщения о преступлении и заканчивается решением о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj.

2. Генеральный прокурор: «Перед законом и судом все равны» [Электронный ресурс]. URL: http://faraj.com.tj.

3. В Таджикистане отменена неприкосновенность местных депутатов [Электронный ресурс]. URL: http://news.tj.

4. Кругликов Л. Л., Кузнецова Н. Ф. Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. МГУ, 2002. С. 288.

5. Мухитдинов А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан): монография /

под. общ. ред. Б. Я. Гаврилова. Душанбе: Таджикский государственный университет, 2015.

6. Мухиддинов А. А., Косимов О. А. К вопросу о производстве экспертизы до возбуждения уголовного дела // Вестник ТГУПБП. 2010. № 3 (43).

7. Мухиддинов А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан). Ташкент, 2009.

8. Мухиддинов А. А., Косимов О. А. К вопросу о производстве экспертизы до возбуждения уголовного дела // Вестник ТГУПБП. 2010. № 3 (43). С. 18.

9. Саидзода З., Сабуров А. Таджикистан на рубеже тысячелетий: реализация национальных интересов на международной арене. Душанбе, 2005.

10. Кудинов Л. Д. О необходимости уточнения оснований возбуждения и условий приостановления уголовных дел // Процессуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе: сборник научных трудов. Волгоград, 1988.

11. Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975.

Ключевые слова: преступление, возбуждение уголовного дела, УПК РФ, УПК Республики Таджикистан.

УДК 343.1

Сборник статей

ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ, ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 1516 от 11.11.2015 г.
Подписано в печать 19.09.2016 г. Формат 60x90 1/16.
Усл. печ. л. 13,06. Тираж 30 экз. Заказ № 871.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Орел, Игнатова, 2.